

**АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
КИЩИНСКИЙ**

**Краткая, но яркая жизнь выдающегося
орнитолога**

Товарищество научных изданий КМК

Москва 2025

УДК 599.2(470+571)(092)Кищинский А.А.
ББК 28.693.35д(2)Кищинский А.А.
А46

Александр Александрович Кищинский. Краткая, но яркая жизнь выдающегося орнитолога: сборник. — М., Т-во научных изданий КМК, 2025. — 320 с.: ил.

Сборник посвящён светлой памяти выдающегося советского орнитолога Александра Александровича Кищинского (1937–1980) и состоит из воспоминаний как членов семьи, так его друзей и коллег. Подробно описана история семьи, гибель его отца в период Большого террора, тяжёлая судьба матери. В историю науки Кищинский вошёл прежде всего как исследователь птиц, но был не только орнитологом, но также териологом, экологом и зоологом самого широкого профиля. Он автор нескольких книг и многих научных статей. Большое место в книге уделено воспоминаниям участников двух экспедиций на Колыму в 1975 году и на Корякское нагорье в 1976 году. Сборник включает впечатления коллег из России, Казахстана, Монголии, Латвии, Эстонии и США.

Сборник иллюстрирован фотографиями из семейных архивов и фотоотчётов экспедиций, подавляющее большинство из которых никогда прежде не были опубликованы. Воссоздан портрет многогранного учёного, яркую и насыщенную жизнь которого столь рано и трагично прервала жестокая болезнь. Цель настоящего сборника — довести впечатления и воспоминания членов семьи, друзей, коллег и учеников А.А. Кищинского до самого широкого круга читателей, орнитологов и всех любителей природы.

Составитель и редактор

Е.Э. Шергалин

Редактор

М.В. Калякин

ISBN 978-5-907747-79-1

© Коллектив авторов, 2025
© Товарищество научных изданий КМК

Alexander Alexandrovich Kishchinsky. The short but bright life of an outstanding ornithologist. — M., KMK Scientific Press, 2025. — 320 p.

This collection of papers is dedicated to the glowing memory of the outstanding Soviet ornithologist Alexander Alexandrovich Kishchinsky and consists of reminiscences of both family members and his friends and colleagues. From an early age, Sasha demonstrated extraordinary abilities and was in a real sense a prodigy. At the age of 4 he was reading books to other children in kindergarten, at the age of 8 he compiled his first (though handwritten) book ‘Birds of the USSR’ with his own colour illustrations. He went straight to school in the 4th grade and entered university at the age of 15. Professor N.S. Leites (1918–2013), a researcher of children’s giftedness, devoted a whole separate chapter to Shura in the book published in 1960. The story of his family, inextricably linked to Ukraine and Russia, and the death of his father Alexander Semenovich Kishchinsky (1900–1937) during the Great Terror is told in detail. Among the people closest to Alexander as a child Sasha is told by his sister Lydia (1927–1967), about the hard fate of his mother Natalia Leonidovna is written by his native aunt Vera Leonidovna Volkova, as a husband is recalled by his widow Elena (Leontina) Mikhailovna Shevchenko, as a father — by his daughter Julia Alexandrovna Bystrova. His nephew Alexander Nissonovich Vilensky tells about Alexander’s native elder sister Lydia.

Kishchinsky entered the history of ornithology as a researcher of birds mainly in the largely unexplored and almost uninhabited areas of the north-eastern part of the Far East and Mongolia. Kishchinsky was not only an ornithologist, but also a theriologist, ecologist, and zoologist of the broadest profile, but is well known primarily as an ornithologist. Kishchinsky spoke several foreign languages, including Scandinavian languages, and mastered English to perfection. He was the author of ‘Birds of the Kolyma Plateau’ (1868), ‘The Polar Bear’ (1974), ‘Birds of the Koryak Plateau’ (1980), published posthumously on the basis of his doctoral thesis ‘Ornithofauna of Northeast Asia’ (1988) and many scientific articles. Special attention in the book is devoted to the memories of the participants of two expeditions to Kolyma in 1975 and Koryakia in 1976. Kishchinsky’s ornithological collections at the Zoological Museum of Moscow State University and at ZIN, as well as at the Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences are described. The book opens with an obituary published by his closest colleagues V.E. Flint, Y.A. Isakov and V.E. Fomin in the collection of papers ‘Ornithology’ (1982) and ends with a biographical sketch written by his friend and colleague, the first president and founder of the Russian Bird Conservation Union Prof. Vladimir Evgenyevich Flint (1924–2004), published in the collection of papers ‘Moscow Ornithologists’ (1999).

On the birthday of Alexander Kishchinsky on 1 February, starting from 1981 on the initiative of his widow E.M. Shevchenko and Prof. V.E. Flint, annual meetings of the informal Club of departed friends are held in Moscow, who share their memories of their work and friendship with A.A. Kishchinsky. The collection covers impressions of colleagues and materials from Russia, Kazakhstan, Mongolia, Latvia, Estonia and the USA.

Kishchinsky actively co-operated and corresponded with many foreign colleagues and, in particular, with the world-renowned swan expert William (Bill) Slayden (1920–2017) (USA). The book concludes with a bibliography of Kishchinski. Kishchinsky represented Soviet ornithology with honour and dignity at international conferences and meetings both at home and abroad: in the USA, France, Japan, the Netherlands, Yugoslavia, Canada, India and other countries. The purpose of this collection is to bring the impressions and memories of family members, his friends, colleagues, and students to the widest range of readers, ornithologists, and all nature lovers. The collection is richly illustrated with photographs from family archives and photo reports from expeditions, the vast majority of which have never been published before. The portrait of the scientist, whose bright and rich life was so early and tragically interrupted by a cruel disease, is recreated from many sides. Blessed memory to him!

От составителя

Когда в начале февраля 2024 года ко мне обратились Елена Ивановна Ильяшенко и Михаил Владимирович Калякин с вопросом-предложением — не возьмусь ли я за составление сборника воспоминаний об Александре Александровиче Кищинском, я, недолго думая, сразу согласился. Как и многие мои ровесники, пришедшие в орнитологию в начале 1980-х годов, когда Александра Александровича уже не было в живых, я недоумевал, почему жизнь по-настоящему выдающегося и очень талантливого учёного оборвалась столь рано, и о нём до сих пор нет ни одной книги. О нём всегда очень тепло и по-доброму отзывались все коллеги и ученики, после него остались книги и статьи отличного качества, на его работы ссылались и продолжают ссылаться уже новые поколения орнитологов, не заставшие его при жизни, а ведь после его кончины прошло уже 43 года. Ирония судьбы — его земной путь продолжался также 43 года, и в этом году эти две цифры совпали.

С самого начала мне моя роль и главная задача виделись в рассылке многочисленных вежливых напоминаний о сроках сдачи материалов, поскольку коллеги, загруженные повседневными заботами, заеденные текучкой и нескончаемыми бытовыми проблемами, в наше скоротечное время, как правило, с трудом находят паузы, чтобы собраться с мыслями, сконцентрироваться и положить на бумагу воспоминания о событиях, произошедших десятилетия, почти полвека тому назад. Однако мои опасения оказались напрасными. Харизма, авторитет, интеллигентность и порядочность Александра Александровича необыкновенно помогли нам в этой задаче — почти никого не пришлось подгонять и долго уговаривать — все, кто помнил Сан Саныча или Санечку, как его любовно называл старший коллега, учитель и друг профессор Владимир Евгеньевич Флинт, предоставили свои воспоминания в запланированный срок.

Остаётся лишь сожалеть, что за последние 20–25 лет ушли из жизни многие коллеги, старшие товарищи и ровесники Александра Александровича, и их впечатления об этом удивительном человеке и учёном безвозвратно ушли вместе с ними.

По инициативе Владимира Евгеньевича Флинта и вдовы Александра Александровича, Елены Михайловны Шевченко, ежегодно, начиная с 1981 года, 1 февраля (день рождения А.А. Кищинского) коллеги и друзья Александра Александровича стали собираться в Москве на квартире Сан Саныча и вспоминать былые годы, дружбу

и общение с Кишинским. Очень скоро такие заседания клуба друзей Кишинского стали доброй традицией, и во время этих тёплых вечеров было рассказано много интересных историй из его детства, юности, студенчества и зрелых лет. Во встречах принимали участие главным образом москвичи, и поэтому рассказы чаще всего, к огромному сожалению, не выходили за пределы узкого круга приглашённых счастливицков.

Предлагаемая читателю книга ставит своей целью расширить заочный круг участников этих интересных заседаний, и теперь о том, каким при жизни был Шура, Саня, Саша, сын, папа, муж, брат, орнитолог и териолог, доктор биологических наук Александр Александрович Кишинский, узнает самый широкий круг читателей этой книги.

Благодарю за доверие и в добрый путь!

*Евгений Эдуардович Шергалин,
составитель и редактор*

Благодарности

Прежде всего, я благодарен всем соавторам, приславшим свои воспоминания об Александре Александровиче Кишинском. Большое спасибо всем коллегам и друзьям Сан Саныча, которые не пожалели времени и смогли оцифровать и поделиться старыми фотографиями и слайдами, часто находящимися не под рукой, а на чердаках, в подвалах, гаражах и на дачах.

Спасибо Елене Ивановне Ильяшенко и Михаилу Владимировичу Калякину за предложение взяться за составление такой книги. Для меня это большая честь. Елена Ивановна Ильяшенко и Павел Станиславович Томкович подготовили список контактов друзей и коллег, к которым было целесообразно обратиться за помощью. Павел Станиславович значительно дополнил библиографию А.А. Кишинского и отредактировал ряд воспоминаний, предоставленных коллегами. Валентин Юрьевич Ильяшенко как всегда охотно поделился идеями, советами и предложениями о том, что ещё стоило бы включить в книгу. Кроме того, супруги Ильяшенко существенно помогли с логистикой, так как не у всех коллег старшего поколения есть адреса электронной почты и не до всех легко дозвониться с первого раза. Никита Викторович Вронский любезно взялся отредактировать фотохронику

экспедиций в Корякию, подретушировал фотографии и предоставил многие их них на выбор в трёх вариантах. Виктор Анатольевич Зубакин оцифровал видеозапись заседания Клуба памяти ушедших друзей, в котором в 2004 году в последний раз принял участие один из инициаторов таких ежегодных встреч профессор В.Е. Флинт.

Огромная благодарность Михаилу Владимирову Калякину, взявшему на себя благородный (часто неблагодарный) и тяжёлый труд редактора этой книги. Он также приложил много усилий для того, чтобы этот коллективный труд увидел свет.

Низкий поклон Ольге Викторове Волцит, отважно взявшей на себя тяжёлый труд по подготовке макета богато иллюстрированной книги, что всегда крайне непросто и требует виртуозного творчества.

Разумеется, эта книга была бы невозможна без активного участия в проекте родных и близких Сан Саныча. Я очень признателен его супруге Елене Михайловне Шевченко (язык не поворачивается называть её вдовой), приславшей тексты и иллюстрации, а также ответившей на мои бесконечные вопросы. На самом деле Елена Михайловна по паспорту Леонтина, но все друзья знают её как Елену. Она стала также и первым редактором рукописи сборника. Я полностью солидарен с мнением её дочери Юлии о том, что Елена Михайловна сама заслуживает отдельной книги. Признаюсь, что вера в успешное завершение проекта у меня чуть пошатнулась, когда я узнал, что в марте 2016 года пожар в доме Елены Михайловны погубил основную часть семейного архива. Однако благодаря тому, что её дочь Юлия к тому времени уже оцифровала часть семейного архива, эта часть была спасена и сохранена в «виртуальном пространстве». Низкий поклон ей за своевременный интерес к семейной истории! Юлия Александровна и Елена Михайловна доверились мне и охотно поделились воспоминаниями самых близких людей, окружавших Сан Саныча в детстве и юности. Юлия Александровна отсканировала в высоком разрешении семейные фотографии и произвела технические операции по их улучшению. Сын Андрей Александрович, несмотря на очень большую загруженность на работе, также оцифровал в высоком разрешении многие десятки фотографий. Я был допущен к семейным тайнам блестящего орнитолога, выдающейся личности, классика отечественной орнитологии, замечательного учёного и человека и очень благодарен всем членам семьи Кищинских за оказанное мне доверие и поддержку. Всем участникам проекта большое спасибо и низкий поклон!

Евгений Эдуардович Шергалин

Введение

Не воспоминания, а впечатления...

Александра Александровича Кищинского я не видел, с ним не говорил, родители мои с ним были знакомы отдалённо, так что мои впечатления — чистой воды «первая производная», короткая заметка о том, какое влияние его личность и труды имели на тех, кто не был знаком с ним лично.

В 1980 году я поступил на биологический факультет МГУ, в том же году была опубликована книга «Птицы Корякского нагорья», и в том же году её автора не стало. Прочёл я её в том же году или в начале следующего, и с тех пор А.А. Кищинский в моей «табели о рангах» делит первое место с ещё двумя-тремя орнитологами, на которых нужно равняться и до уровня которых мне, конечно, не добраться. Не рассуждая о содержании книги и о других её качествах, просто скажу, что я получал, читая её, ни с чем не сравнимое удовольствие. Именно удовольствие, как говорят — «беспримесное». Одного этого достаточно, чтобы быть глубоко благодарным Александру Александровичу.

Всё, что я узнавал о нём потом, поддерживало этот фактически детский восторг. И реакция на его имя, на его личность, на его вклад в орнитологию всех известных мне «старших» орнитологов всегда подтверждала сложившееся у меня впечатление о том, что с его уходом наша орнитология потеряла непоправимо много...

Михаил Владимирович Калякин, редактор

Потери науки — памяти Александра Александровича Кищинского

Смерть близкого человека всегда страшна, всегда неожиданна. Но когда человек умирает в расцвете творческих сил, полный планов и замыслов, едва успев блеснуть необыкновенным талантом и одарённостью, такая потеря ощущается вдвойне, воспринимается как ужасающая несправедливость, и чувство утраты особенно горько и глубоко. Так приняли мы все, советские орнитологи, весть о кончине Александра Александровича Кищинского.

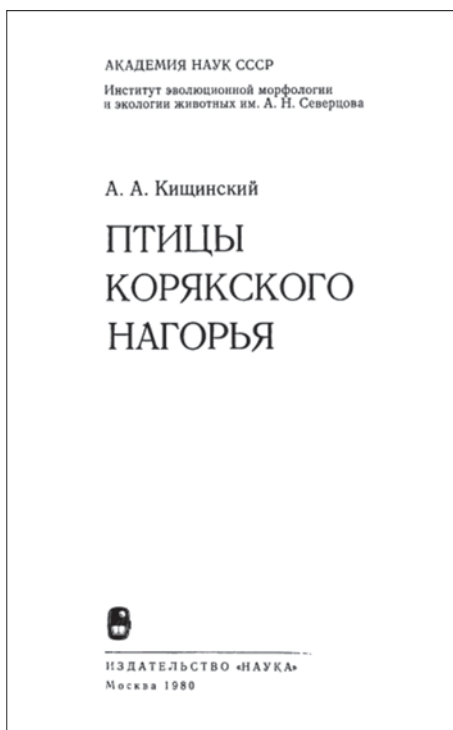
А.А. Кищинский родился 1 февраля 1937 г. в Москве. Исключительные способности Саши и его интерес к птицам проявились очень рано. В 5 лет он изучил известную книгу А. Брема и хорошо знал не только наших, но и экзотических птиц. В 8 лет он написал обзор птиц СССР, проиллюстрировав его собственными рисунками, часть которых перерисовал из книг, а часть воссоздал по описаниям. В 7-летнем возрасте он поступил сразу в 4-й класс. Он был значительно младше своих соучеников, однако это не мешало ему быть первым

в учебе. За выдающиеся успехи с января 1947 г. приказом министра просвещения ему была присуждена специальная стипендия. Школу он закончил с золотой медалью.

Будучи учеником старших классов, Саша начал посещать юношескую секцию Всероссийского общества охраны природы, руководимую прекрасным зоологом и педагогом Петром Петровичем Смолиным. Именно в это время формируются у Саши такие важнейшие качества, как стремление объективно отразить виденное, понять причинные связи явлений, серьёзное отношение к документации результатов наблюдений. Эти качества, присущие ему изначально и развитые П.П. Смолиным, характерны для всей его последующей деятельности учёного.

В 1953 г. А.А. Кищинский поступил на биолого-почвенный факультет МГУ имени Ломоносова. В то время на кафедре зоологии позвоночных, куда он был зачислен, работали такие выдающиеся учёные и педагоги, как Г.П. Дементьев, Н.П. Наумов, В.Г. Гештнер, Б.С. Матвеев, Е.С. Птушенко, Н.Н. Карташов. Под их руководством А.А. Кищинский окончательно сложился как многосторонний и высококвалифицированный специалист-зоолог. Особенно сильное влияние на формирование его научных интересов оказал Г.П. Дементьев, прививший ему любовь к работе с коллекциями и умение использовать их для широких обобщений. Орнитологическая молодежь того времени вообще была тесно связана с Зоологическим музеем МГУ, душу которого составляли Е.П. Спангенберг, А.А. Судилова, Е.С. Птушенко и, конечно, Г.П. Дементьев. А.А. Кищинский сохранил эту связь до последних дней своей жизни. В студенческие годы А.А. Кищинский сформировался и как полевик-исследователь. Производственную практику в 1955 и 1956 гг. он прошёл в экспедициях на Кольском полуострове. Одновременно он собирал материалы по биологии кречета для дипломной работы. Первая научная статья А.А. Кищинского «К биологии кречета на Кольском полуострове», написанная по сборам этих экспедиций и опубликованная в 1958 г. в первом выпуске «Орнитологии», поражает своей зрелостью.

По окончании учёбы в МГУ в 1957 г. А.А. Кищинский поступает младшим научным сотрудником в Приморско-Ахтарский филиал Краснодарского управления государственного охотничьего хозяйства и Кавказского заповедника. По его инициативе на базе этого филиала была создана Южная орнитологическая станция, в которой были начаты работы по массовому кольцеванию колониальных птиц. В эти же годы А.А. Кищинский принимал активное участие в организации

Посмертное издание — книга вышла вскоре после кончины автора

учёта птиц на зимовках в Азово-Черноморском бассейне. В 1959 г. он переходит на должность младшего научного сотрудника Камчатской комплексной экспедиции, организованной Советом по изучению производительных сил при АН СССР. Основная база экспедиции находилась в Петропавловске-Камчатском, однако зоологический отряд работал преимущественно в Корякском нагорье, в основном в районе сёл Апука и Ачай-Ваям. Начальником отряда был известный ленинградский зоолог Л.А. Портенко. Отряд обследовал в фаунистическом плане Олюторские горы и долину р. Апука, причём исследования не прерывались и зимой. Одним из важных следствий работы в Камчатской экспедиции было знакомство А.А. Кищинского с Л.А. Портенко. Пожалуй, оно определило всё дальнейшее формирование научного мировоззрения и основных научных интересов молодого зоолога. Он пошёл несоизмеримо дальше, отказавшись от формальных критериев присутствия или отсутствия вида на исследуемой территории, что было характерно для орнитографических построений Л.А. Портенко. Не отвергая этой стороны анализа, А.А. Кищинский основное значение придавал определению экологических

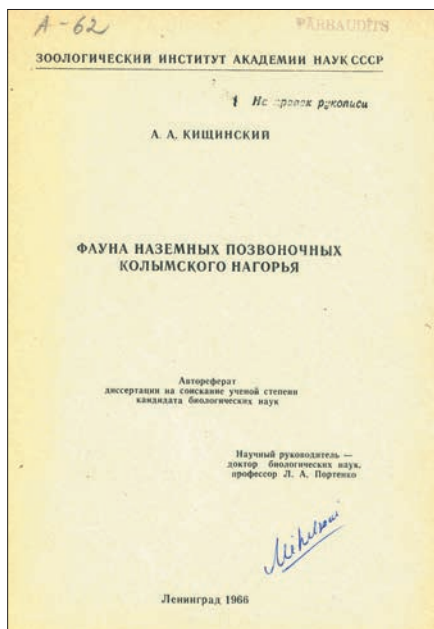

Первая книга Александра Александровича. Её автору 31 год.

связей видов и групп видов с ландшафтом, причём для выявления этих связей использовал очень широкий набор признаков — распределение плотности населения, характеристики питания и запасов кормов в природе, сведения об эволюции ландшафтов и т.д.

Всё это, конечно, пришло позже. Примечательно, что по птицам Корякского нагорья А.А. Кищинский в то время опубликовал лишь несколько предварительных сообщений. Только по прошествии многих лет он вернулся к изучению орнитофауны этого района и незадолго до кончины подготовил к публикации монографию «Птицы Корякского нагорья» (М.: Наука, 1980).

В 1962 г. А.А. Кищинский поступает в очную аспирантуру Зоологического института АН СССР. По предложению научного руководителя Л.А. Портенко в качестве диссертационной темы он избрал исследование фауны птиц Колымского нагорья, причём основное внимание предполагал уделить изучению горной фауны и зоогеографической характеристике. Результаты исследования были капитально обобщены в успешно защищённой кандидатской диссертации и позже в монографии «Птицы Колымского нагорья» (М.:

Телеграмма из Ленинграда в Москву, извещающая семью об успешной защите. Кто бы сомневался!

Автореферат кандидатской диссертации. Из архива Руслана Матрозица (Рига).

Наука, 1968) и серии статей. В книге о птицах Колымского нагорья уже отчётливо проступает тот общий стиль подхода к пониманию закономерностей формирования отдельных таксонов географической структуры фауны птиц, который впоследствии был так характерен для работ А.А. Кищинского по орнитогеографии.

По окончании аспирантуры А.А. Кищинский возвращается в Москву. С 1965 по 1968 гг. он работает сначала старшим инженером научно-организационного отдела Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР, а затем, после преобразования Комитета по координации в Государственный комитет по науке и технике, экспертом по вопросам биологии научно-организационного отдела ГКНТ. Ярko проявились его организаторские способности и во время подготовки и проведения в 1969 г. IX Международного конгресса биологов-охотоведов в Москве. Не будет преувеличением сказать, что своим успехом конгресс во многом обязан работе А.А. Кищинского.

В 1968 г. А.А. Кищинский снова возвращается к деятельности, которая была его истинным призванием, — он поступает на должность старшего научного сотрудника в Центральную лабораторию охраны природы МСХ СССР (ныне Всероссийский научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела — ВНИИ Экология).

Учитель Л.А. Портенко и ученик А.А. Кищинский. После успешной защиты диссертации. Ленинград, 1968 г.

Здесь он получает возможность продолжить работы по изучению птиц северо-востока Сибири.

В 1968 г. он обследует западную часть о. Котельный и о. Бельковской в группе Новосибирских о-вов, в 1969 г. — о. Врангеля, где проводит работы по учёту и мечению белого медведя, в 1970 г. — тундры по побережью Чукотского моря от Вадкарема до Амгуемы и по долине нижнего течения этой реки.

В 1971 г. А.А. Кищинский вместе с В.Е. Флинтом предпринимает четырёхмесячную поездку в дельту Индигирки, а в 1972 г. совместно с С.М. Успенским он обследовал орнитологическую фауну р. Яны. Особое внимание было уделено исследованию птиц приморских тундр. В 1973 г. в составе той же группы А.А. Кищинский принимал участие в экспедиции на п-ов Ямал. В эти же годы он активно участвует в разработке программ и методик изучения позвоночных животных в плане Международной биологической программы (МБЦ).

Осенью 1973 г. А.А. Кищинский переходит на работу в Институт эволюционной морфологии и экологии животных имени Н.А. Северцова АН СССР, в лабораторию ориентации и навигации птиц. Не-

Экспедиции разных лет

смотря на значительно возросший объём научно-организационной работы, А.А. Кищинский продолжает последовательное изучение орнитофауны северо-востока нашей страны. В 1974–1976 гг. он совместно

Фотографии, сделаны коллегами, работавшими в поле вместе с А.А. Кищинским

с В.Е. Флинтотом, Р.И. Злозиным, Ф.Б. Чернявским и П.С. Томковичем совершает экспедиционные поездки в Чукотский национальный округ, обширную Канчаланскую низменность, а также в северные районы Корякского нагорья. Экспедиции собрали богатые новые материалы по птицам исследованных областей, в том числе по биологии большого песочника, по сравнительной экологии тундровой и лесной чечёток и др.

Лето 1977 г. А.А. Кищинский провёл на Аляске, где в течение трёх месяцев работал с В. Слейденом и другими американскими коллегами над изучением водоплавающих птиц, в первую очередь лебедей и гусей. Эта поездка дала А.А. Кищинскому возможность составить представление об облике тундр американского континента, об их фауне и флоре, что, в свою очередь, позволило лучше понять орнитогеографические связи двух континентов.

Эти фотографии предоставлены американским орнитологом Робертом Джиллом-младшим (Robert Gill, Jr.). Аляска, лето 1977 г.

Из архива П.С. Томковича.

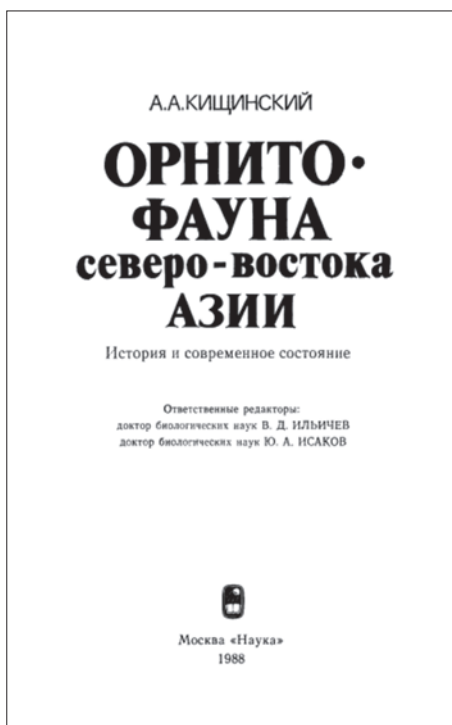
Нельзя сказать, что сам он считал исследование северных птиц законченным. Ряд ключевых точек, изучение фауны которых могло внести существенные дополнения в общую схему представлений А.А. Кишинского об истории и путях формирования орнитологической фауны северо-востока Сибири, оставался не затронутым исследованиями. В плане стояли ещё экспедиции в дельту Лены, на мыс Святой Нос в проливе Лаптева, в среднее течение Индигирки. Однако от этих планов пришлось отказаться — необходимо было возглавить

орнитологический отряд советско-монгольской экспедиции. А.А. Кищинский знал, что изучение птиц Монголии займёт годы. Вместе с тем, он понимал, что генеральную обработку и обобщение материала по северо-востоку откладывать нельзя, что накопленные материалы уже позволяют сделать эти обобщения весомыми и убедительными. Поэтому с середины 1976 г. А.А. Кищинский приступает к систематической подготовке сводной работы, которую он закончил в 1978 г. и представил в качестве докторской диссертации. 16 октября 1979 г. диссертация «Пространственные и экологические связи авифауны Северо-Восточной Азии» была успешно защищена.

Параллельно с завершением сводки по формированию орнитофауны Северо-Восточной Азии А.А. Кищинский включается в новую работу: по решению Третьего совещания центров кольцевания социалистических стран (Таллин, 1974) была начата подготовка многотомной коллективной монографии «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии». Первые два тома этой монографии вышли в 1978 и 1979 гг. под редакцией А.А. Кищинского, и это во многом определило их исключительно высокие качества. Помимо общего редактирования он написал несколько разделов монографии (миграции гагар, поганок, многих веслоногих, цапель, большинства пластинчатоклювых) и дал анализ миграций рассматриваемых групп птиц в целом.

В 1978 г. начинается новый период экспедиционных работ — изучение орнитологической фауны Монголии. Это исследование было предпринято в соответствии с Правительственным соглашением о совместном изучении биологических ресурсов Монголии, и А.А. Кищинский возглавил работу орнитологического отряда. Помимо изучения птиц нового для него района А.А. Кищинского привлекали возможности проверить некоторые предположения о пространственных взаимоотношениях между центральноазиатским и бореальными комплексами. В 1978–1980 гг. совместно с В.Е. Фоминым и монгольскими орнитологами А. Болдом и Н. Цэвээнмядагом обследована огромная территория восточных аймаков МНР, труднодоступных районов Монгольского Алтая, некоторых районов Центрального Хангая, Гобийского Алтая, Заалтайской Гоби и др.

За три сезона экспедиционных работ обследована значительная часть наименее изученных в орнитологическом отношении районов МНР. Получены обширные материалы по распространению, биологии и численности птиц МНР, собрана орнитологическая коллекция более чем в 1200 экз. Материал этот должен был войти в сводку

Подготовка издания была закончена коллегами...

«Птицы Монгольской Народной Республики», подготовка которой была уже начата А.А. Кищинским. Однако экспедиция 1980 г. оказалась последней. Он вернулся в середине августа из Монголии уже совершенно больным, и никакие усилия не могли его спасти. 14 сентября 1980 г. в возрасте 43 лет А.А. Кищинский скончался.

Общие положения А.А. Кищинского в его исследованиях представляют собой творческое развитие классических методов русской зоогеографической школы, созданной П.П. Сушкиным и развитой работами Е.В. Козловой и Б.К. Штегмана. Вместе с тем, они отличаются особым вниманием к экологическим факторам, обуславливающим современное и прошлое распространение птиц. Изучение роли и места в экосистемах Севера позволило автору монографии дать чёткое экологическое объяснение ряда спорных вопросов территориального размещения птиц и его изменений во времени. Упомянем некоторые из них.

Одной из важнейших адаптаций птиц к жизни в трудных природных условиях Севера служит полифагия, свойственная многим видам. Она обеспечивает им возможность лёгкого перехода от по-

требления одного массового вида корма на питание другим, более обильным в том или ином году или сезоне. Другая их адаптация — чёткая приуроченность сроков появления молодняка у многих видов птиц к периоду наибольшего обилия необходимых им кормов. Весьма характерна для птиц, входящих в состав арктических экосистем, своеобразная сезонная динамика численности их популяций. Она выражается в том, что после откладки яиц у многих видов на местах гнездования остаются только особи, принимающие непосредственное участие в насиживании и воспитании молодняка. Вся остальная часть местной популяции покидает места гнездования, что снижает численность потребителей наиболее важных кормов, а отсюда — интенсивность пищевой конкуренции, и обеспечивает выживание молодняка даже при скудных запасах корма. Сходное значение имеет летняя откочёвка птиц многих видов на север от области их гнездования сразу же после завершения периода размножения. Она позволяет населению этих видов использовать кормовые ресурсы тех арктических районов, в которых их успешное гнездование невозможно по климатическим условиям. Наконец, наиболее широко распространённой и широко известной адаптацией птиц к жизни в условиях крайней нестабильности тундровых экосистем, для которых характерны резкие изменения численности многих видов животных, служит непостоянство мест гнездования локальных популяций птиц и перемещения их в разные годы на значительные расстояния. В связи с этим высказывается предположение, что 5–10-кратные изменения численности птиц по годам, регистрируемые в некоторых районах, обязаны не столько росту или сокращению численности их популяций, сколько перемещению последних из одних районов в другие.

Упомянутые перемещения населения птиц в пределах гнездовой части их ареалов А.А. Кишинский рассматривает как «номадный» тип территориальных связей, адаптированный к нестабильности структуры арктических экосистем. Это обуславливает необходимость изучения структуры ареалов птиц арктической фауны и особенно области их гнездования. Предлагается называть «максимальной областью гнездования» всю территорию, в пределах которой вид зарегистрирован на гнездовье хотя бы однажды в тот или иной год. По размерам эта область значительно превышает площади, на которых вид гнездится в те или иные конкретные годы. В её пределах выделяется «основная область гнездования», в которой вид гнездится регулярно. Остальная часть территории составляет область спорадического гнездования.

Для выяснения структуры и происхождения авифауны приполярных областей на примере северо-востока Азии А.А. Кищинский применил разработанный им биогеографический метод восстановления истории фауны. Для этой цели наиболее результативно изучение относительно стенобионтных видов при допущении, что их реакции на среду обитания достаточно устойчивы и сохраняются на протяжении геологических периодов времени. При выполнении этой работы были детально изучены гнездовые ареалы 280 видов и подвидов птиц, связи их с различными ландшафтами, а также особенности биологии. Результаты проведённой работы отчётливо показали, что авифауна Арктики и Субарктики весьма гетерогенна. Она состоит из трёх основных зоогеографических комплексов. Первый из них — эоарктический, представители которого населяют арктические и типичные тундры. Они практически совсем не проникают в лесотундру. Второй комплекс — гипоарктический, представлен видами, имеющими более обширные ареалы. Они обитают в типичных и кустарниковых тундрах и в лесотундре, причём наиболее характерны для двух последних. Многие из них проникают в зону тайги, а некоторые даже в лесостепь. В последней они привязаны к реликтовым ландшафтам, сохранившимся с перигляциального времени. Их нахождение там — явление древнее, а разрыв в ареалах произошёл тогда, когда обширная зона тундростепей была разрезана полосой таёжных лесов. Обитатели тайги образуют третий — бореальный фаунистический комплекс. Очень существенен вывод о том, что фауна птиц лиственничных редколесий, занимающих огромные пространства на северо-востоке Азии, имеет значительно более тесные связи с фауной лесотундры, чем с фауной темнохвойных бореальных лесов. Её можно относить к гипоарктическому комплексу.

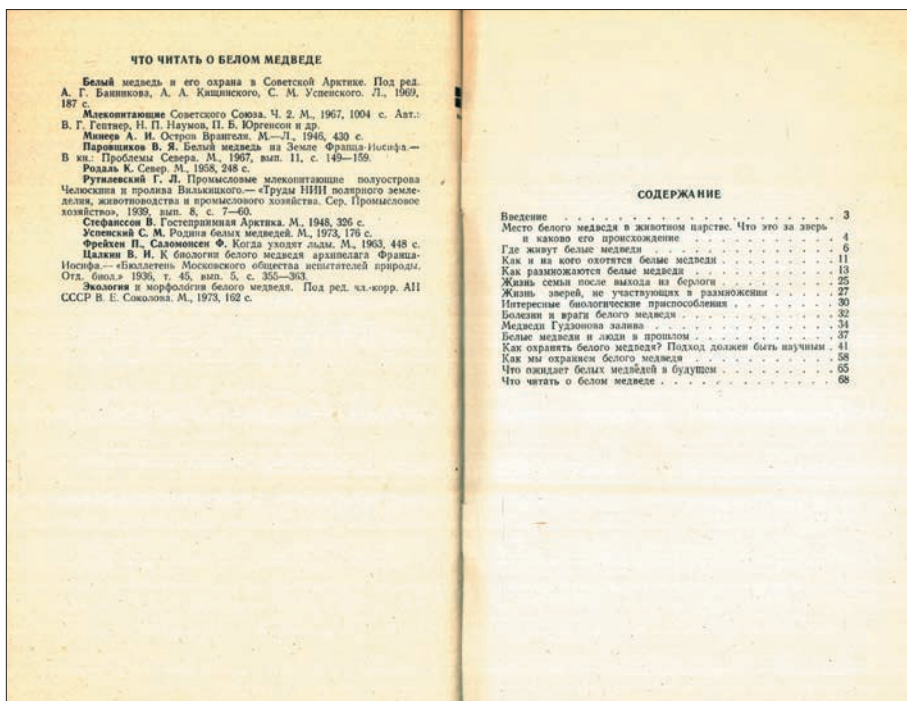
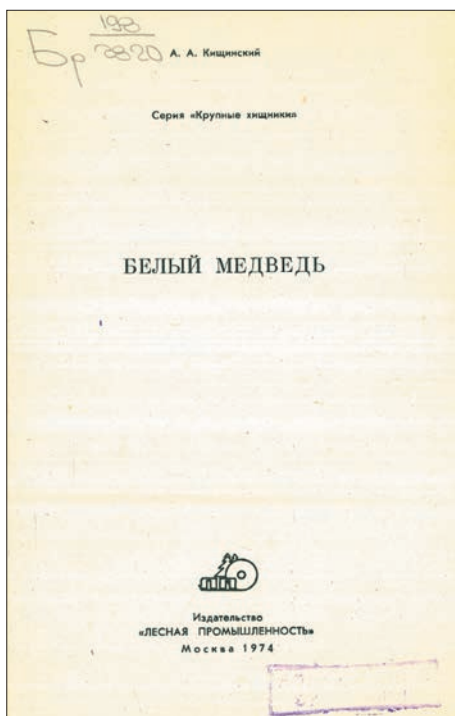
Эоарктические виды чужды современной бореальной фауне, господствующей южнее. Часть их можно считать неозндемиками Арктики, произошедшими от гипоарктических и даже бореальных форм, но эволюционировавших в условиях безлесных полярных ландшафтов. Большая часть представителей гипоарктического комплекса формировалась в пределах лесной зоны. Ареной их развития могли служить олиготрофные озёра, верещатники и опушки лесов.

Существенными центрами формирования региональных фаун северо-востока Азии могли быть древние горные страны Восточной Азии и северо-запада Америки. Установлено, что генетические корни арктоальпийской фауны лежат не на севере, как предполагалось, а частично в аридных ландшафтах Западной Палеарктики, частью в

горах Берингии. Важное биогеографическое значение имеет вывод, сделанный А.А. Кищинским в его завершающей работе. Он сводится к тому, что зоогеографические данные в полном согласии с данными ботанической географии и географии почв свидетельствуют о существовании гипоарктического биогеографического пояса, противопоставляемого собственно арктическому и таёжно-бореальному.

Для А.А. Кищинского было чрезвычайно характерно органическое сочетание абстрактного мышления и глубоких личных знаний экологии и распространения птиц, полученных во время многочисленных экспедиций. Именно это сочетание лежит в основе тех широких обобщений, к которым он пришёл или только ещё подходил. Однако достоинства его этим далеко не исчерпываются. Он был исключительно и многосторонне одарён от природы. Воля, великолепная память, поразительное трудолюбие и аккуратность определили его качества как учёного. А.А. Кищинский прекрасно знал не только птиц, но и другие группы животных — насекомых, млекопитающих. Его небольшая монография по белому медведю (М.: Лесная промышленность, 1975) — бесспорно лучшая работа по этому виду, написанная на русском языке. Не менее успешно ориентировался А.А. Кищинский и в растениях. Он свободно читал на нескольких европейских языках, в том числе на скандинавских, а английским владел в совершенстве.

Это позволяло ему быть в курсе всех последних достижений как в области теории, так и методики исследований и их практических результатов. Многие годы А.А. Кищинский был одним из наиболее активных референтов ВИНТИ, и это поставило его в ряды лучших знатоков научной биологической и смежной литературы. Не было предмета, по которому он не мог бы дать исчерпывающую справку. Он был настоящим энциклопедистом, эрудитом в лучшем понимании этого слова, человеком глубокой научной культуры. А.А. Кищинский был великолепным полевым работником, неутомимым, целеустремлённым, настойчивым. Он был отличным стрелком, очень хорошим таксидермистом и препаратором, уделявшим особое внимание сохранности собранного орнитологического материала. Коллекции тушек, которые А.А. Кищинский привозил из экспедиций, всегда отличались исчерпывающей документацией и высокими качествами препаровки. Вместе с тем он никогда не собирал личных коллекций и всё передавал в Зоологический музей. А.А. Кищинский владел всеми подсобными методиками полевых исследований — он замечательно «читал» карту, был хорошим фотографом, мог мо-

Книга о белом медведе опубликована в 1974 г.

Рост, развитие и поведение молодых	77	Охрана и разведение	151
Взрослый медведь	78	Список литературы	153
Практическое значение	79	Место белого медведя в животном мире	154
Мероприятия по охране и воспроизводству	80	Где живут белые медведи	156
Список литературы	81	Как и на что охотятся белые медведи	160
Самый большой (иногда)	82	Как размножаются белые медведи	162
Генерал (А. А. Седой)	82	Жизнь семьи после выхода из берлоги	168
Взрослый медведь в стране генерала	90	Жизнь зверей, не участвующих в размножении	170
Систематическое положение и история вида	100	Интересные биологические приспосабливания	173
Географическая изменчивость	100	Болезни и враги белого медведя	175
Ареал и распространение его восточных форм	101	Белые медведи в лапах в прошлом	176
Вард в СССР	102	Как охранять белого медведя?	178
Места обитания	103	Почему должен быть охотник?	180
Особенности территории и ее маркировка	104	Как мы охраняем белого медведя?	185
Убежища	106	Что ожидает белого медведя в будущем	185
Группное поведение	107	Список литературы	187
Питание, способы охоты	107	Челюсть (болотный) медведя (С. П. Криков)	188
Суточный образ жизни и поведение	111	История и систематика вида	188
Размножение	112	Взрослый медведь	200
Рост и развитие молодых	114	Распространение	200
Враги, паразиты, стайные особенности, конкуренты	117	Характеристика местообитания	205
Практическое значение	118	Численность	205
Мероприятия по охране и воспроизводству	119	Образ жизни	209
Список литературы	120	Питание	212
Взрослый медведь, систематика	129	Враги, конкуренты	215
Распространение	131	Размножение и развитие	216
Места обитания	133	Вопросы охраны	219
Питание	135	Список литературы	222
Питание охотника	137	Систематика, история вида	223
Суточная активность, поведение	138	Взрослый медведь, строение	224
Деление численности	139	Географическое распространение, численность	226
Питание	144	Места обитания	228
Размножение	147	Образ жизни, питание	229
Взаимоотношения с окружающей средой, конкуренты, враги	148	Размножение	235
Болезни и паразиты	149	Практическое значение и мероприятия по охране	238
Хозяйственное значение	150	Список литературы	238

Шешкин Игорь Борисович
 Сладский Аркадий Александрович
 Подорожский Виктор Сергеевич
 Алевин Фармаз Фагулла-оглы
 Киванский Александр Александрович
 Кучеряков Сергей Петрович
 Волков Лев Борисович

КРУПНЫЕ ХИЩНИКИ
 Редактор А. А. Калесский
 Редактор младшей категории Т. А. Руденко
 Художественный редактор В. Н. Журавский
 Технический редактор А. М. Бачурин
 Корректор Е. Е. Ярина
 Иллюстрации художника Н. А. Устинова
 Пролетарская типография Е. В. Яковлева

Сдано в набор 24.VI 1975 г. Подписано в печать 12.II 1976 г. Формат 60x90¹⁶. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 154-0,5 экз. вкл. Уч.-изд. л. 18,76+0,45 экз. вкл. Тираж 39 000 экз.
 Издат. № 2076. Заказ 3534. Цена в переплете № 7 53 коп., в переплете № 5 73 коп.
 Издательство «Советская промисленность», 10000, Москва, ул. Карла, 4а.
 Типография им. Анны Ульяновой по делам издательства, полиграфии и книжной торговли Совета Министров КАССР, г. Петропавловск, ул. «Правда», 4.

Глава про белого медведя написана А.А. Кищинским

ментально сделать карандашный набросок позы птицы или плана местности. Тех, кто работал с ним в поле, всегда поражало умение мгновенно оценить природную ситуацию, выявить главное как в населении животных, так и в характере ландшафта.

Работоспособность А.А. Кищинского не знала границ. Тяжело нагруженный рюкзаком, ружьём, фотоаппаратом и биноклем, он мог сутками бродить по тундре, а вернувшись в лагерь тут же, без отдыха, сесть препарировать добытых птиц и провести за этой работой долгие часы, пока всё не будет приведено в порядок.

А.А. Кищинский вёл большую научно-организационную работу, и в ней проявился его незаурядный талант организатора. Формально он не занимал руководящих постов в общественных организациях, но был важной «рабочей пружиной» в деятельности Орнитологического комитета СССР, в подготовке различных совещаний и конференций, в том числе и в подготовке XVIII Международного орнитологического конгресса. Он был прирождённым редактором, состоял членом редколлегии сборника «Орнитология», монографии «Птицы СССР» и многих других изданий.

Активное участие принимал А.А. Кищинский в международной работе. Он был координатором Международного бюро по изучению водоплавающих, автором проекта советско-американской конвенции об охране перелётных птиц, руководителем проекта в рамках советско-американского соглашения о совместных исследованиях в области охраны окружающей среды. Для обработки методом мечения и для поисков меченых птиц на миграционных путях А.А. Кищинский не раз выезжал в США. Неоднократно был он и членом делегаций на международные конгрессы, посетил Францию, Японию, Нидерланды, Югославию, Индию, Канаду и другие страны. Среди зарубежных коллег он пользовался огромным авторитетом и искренней любовью.

А.А. Кищинский никогда официально не занимался педагогической работой. Однако способности к преподаванию у него были заложены от природы, и они находили выход в постоянной помощи молодым орнитологам — студентам, аспирантам, сотрудникам периферийных учреждений, заповедников. Можно смело сказать, что А.А. Кищинский создал собственную школу исследователей, особенно в северных районах страны.

Да и не только с учениками связывали его узы глубокой дружбы. Его научный авторитет, его удивительная способность видеть главное в любой проблеме и ситуации, способность и готовность дать по-настоящему мудрый совет в сочетании с личным обаянием, скромностью, особой чистотой и внутренней душевной теплотой влекли к нему людей разных поколений, разных характеров. Для молодёжи он был кумиром, для старших — верным и надёжным другом.

Оценивая вклад А.А. Кищинского в науку, в отечественную орнитологию, не перестаёшь изумляться, как много ему удалось сделать за его такую короткую жизнь. Конечно, незаменимых людей нет. Пройдёт время и всё то, что в развитии советской орнитологии со смертью А.А. Кищинского ощутило серьёзный срыв, найдёт своё новое русло. Будут развиваться и те новые направления в науке, основу которым заложил А.А. Кищинский. Но навсегда сохранятся горечь и боль утраты.

*Владимир Евгеньевич Флинт,
Юрий Андреевич Исаков, Владилен Егорович Фомин*

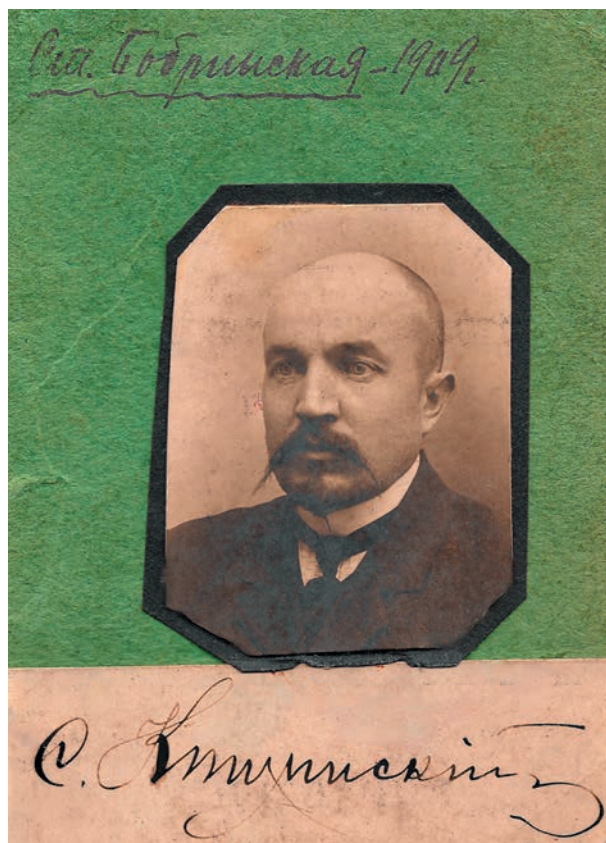
Из: Орнитология, вып. 17, 1982. С. 192–196.

История и происхождение семьи

Отец Александра Александровича Кищинского — Александр Семёнович Кищинский (1900–1938)

Вспоминает племянник Александра Александровича Кищинского — Александр Ниссонович Виленский

Дед мой был незаконнорожденным сыном польского помещика и самой настоящей кочевой цыганки. Всё случилось, как в фильме «Табор уходит в небо», вернее, как в рассказе Горького «Макар Чудра». А может пролетарский классик и списал эту историю с моего деда. Польский помещик влюбился в цыганку, забрал её из табора, прожил с ней какое-то время. Цыганка родила мальчика, а потом, точь в точь как Радда, крикнула: «Волю-то я люблю больше, чем тебя!» — и скрылась в нетях, оставив на память польскому помещику

Дед Александра Александровича Кищинского по отцу — Семён Кищинский в 1909 г. Ст. Бобринская. Из семейного архива Кищинских.

новорожденное дитя. В отличие от трагического сюжета, прадед её не зарезал, а вполне традиционно запил с горя. Да так запил, что и помер. Деда забрала приёмная семья, и он после этого ни разу в жизни не взял в рот ни капли спиртного, опасаясь тяжёлой наследственности.

Да и бабушка, памятуя о той печальной истории, терпеть не могла, когда при ней выпивали. Стоило моему дяде, маминому брату, взять вместе со мной пару бутылок пива, как она поджимала губы и бурчала что-то о вреде семейного пьянства. Мы только хихикали.

Бабушка очень любила мужа. Мама родилась в Киеве, но семья довольно быстро перебралась в Москву: дед был инженером-мосто-строителем, в столице оказался нужнее.

**Мать Александра Александровича Кищинского Наталья
Леонидовна Кищинская (в дев. Павлова) (1904–1994)**

*Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов осталось у меня.
1995 год. Ноябрь.*

***Краткое жизнеописание моей сестры Натальи Леонидовны
Кищинской (урожд. Павловой) — матери Лиды и Саши***

Я пишу эти строки, потому что описание жизни этого необыкновенного человека, талантливого и очень добросердечного — Натальи Леонидовны Кищинской — вполне заслуживает внимания каждого правдивого и честного человека, а тем более внимания её близких и очень ею любимых. Очень надеюсь, что они когда-нибудь прочтут моё писание и сожалею только, что нет у меня достойного её писательского дара.

Родилась Наташа 24 июля (н. ст.) 1904 года в семье Леонида Михайловича Павлова — учителя с большим педагогическим званием, как говорят, учителя «Божьей милостью». Мать её Юлия Васильевна Павлова тоже была учительницей, сама готовила всех своих четверых детей в гимназию, а в начале века это было делом серьёзным и ответственным. Почти все они, особенно старшие, учились отлично. До 1917 года успел закончить только старший сын Валерий, ровесник века, т.е. 1900 года рождения. Был очень способным, закончил Киевский политехнический институт и в 34 года был профессором Киевского университета, кафедры неорганической химии. Следующая за ним сестра Варюша 1902 года рождения училась отлично, кажется, была любимицей матери (впрочем, каждый из нас, четверых, чувствовал и считал себя любимицей родителей),

получала много грамот и благодарностей за учёбу, всегда была очень благополучна во всём и счастлива.

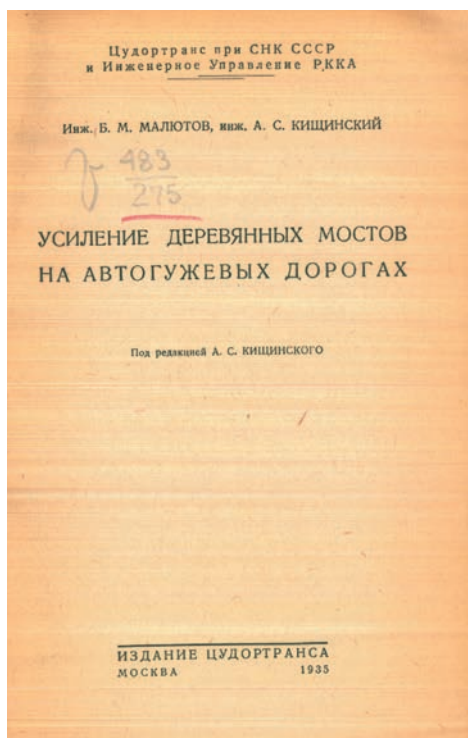
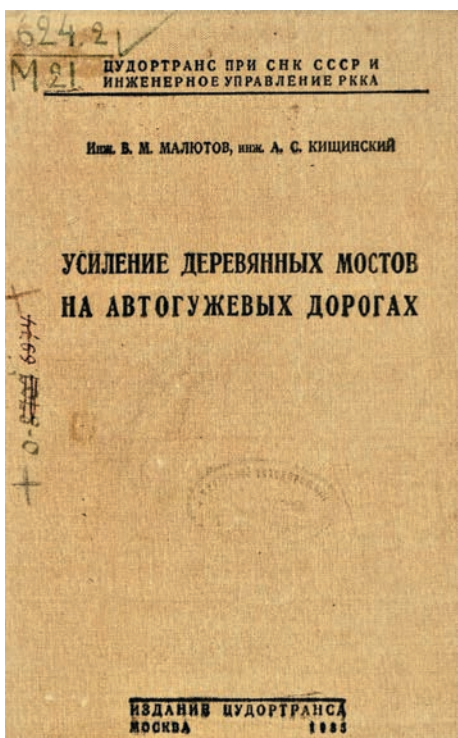
Следующая за ней Наташа была особенной. Она звала себя «любимая дочь горя», и это было оправдано второй половиной её жизни, начиная с 33-х лет (1938). Но об этом позже.

Родилась Наташа не в Киеве, где с 1902 года проживала семья Павловых, тогда с двумя детьми, а в деревне у Дедушки, Мамино

Александр Семёнович Кищинский (1900–1938) — отец Александра Александровича Кищинского. Левое фото сделано в первой половине 1920-х гг., а правое — в Москве в 1936 г., за год до рождения Саши.

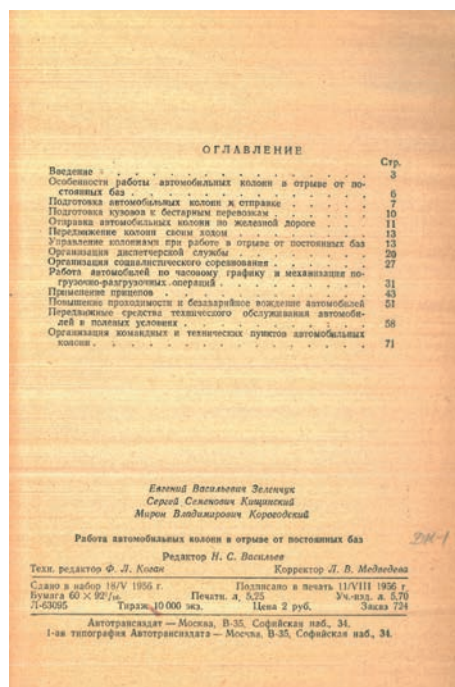
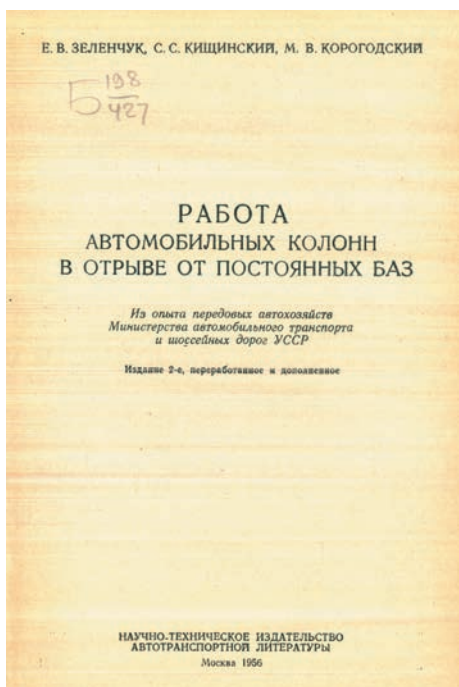
Портсигар на память от группы рабочих А.С. Кищинскому 10 августа 1927 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Предисловие	3
Глава первая.	
Общие указания.	
1. Необходимость усиления мостов	5
2. Тактико-технические требования к усилению существующих мостов	6
3. Исчерпывающая рамка	6
Глава вторая.	
Определение грузоподъемности существующих мостов	
4. Определение грузоподъемности настила и поперечин	10
5. Определение грузоподъемности пролетного строения балочных мостов	16
6. Определение грузоподъемности пролетного строения подкосных и распорно-подкосных мостов	23
7. Определение грузоподъемности досчатых гвоздевых ферм	25
8. Определение грузоподъемности опор	28
Глава третья.	
Усиление балочных деревянных мостов	
9. Усиление настила и поперечин	32
10. Усиление простых пролетов	36
11. Усиление свайных пролетов	39
12. Усиление свайных опор	63
Глава четвертая.	
Усиление подкосных мостов	
13. Усиление подкосных мостов	66
14. Усиление досчатых гвоздевых ферм	72
Приложения	
1. Таблица основных данных об автомобилях и тракторах	76
2. Таблица моментов сопротивления брусам и доскам	77
3. Таблица моментов сопротивления брусьям и доскам	78

Книга отца Саши, Александра Семёновича Кицинского (1900–1938), изданная в соавторстве в 1935 г., то есть за три года до ареста. Александру Семёновичу на момент выхода книги было 35 лет.

Книга дяди Саши, Сергея Семёновича Кищинского (1904–1988) (родного младшего брата Александра Семёновича), заместителя Министра транспорта и связи УССР, изданная им в соавторстве в 1956 г. также в Москве.

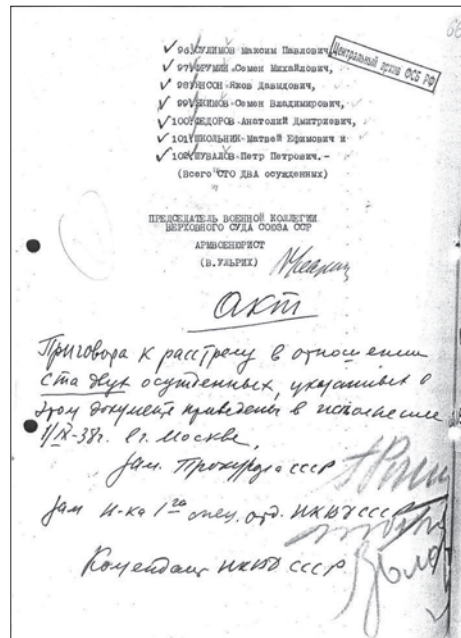
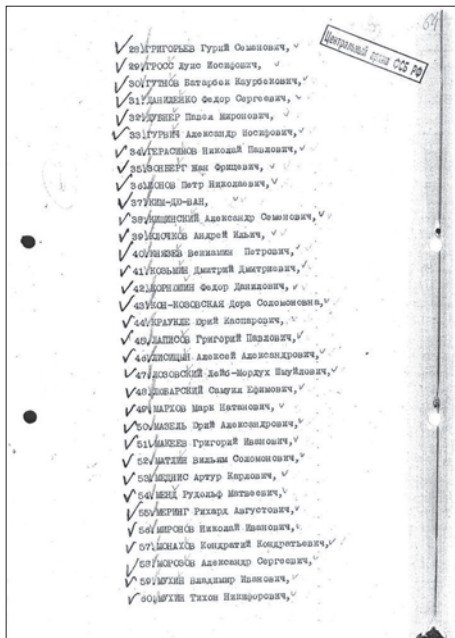
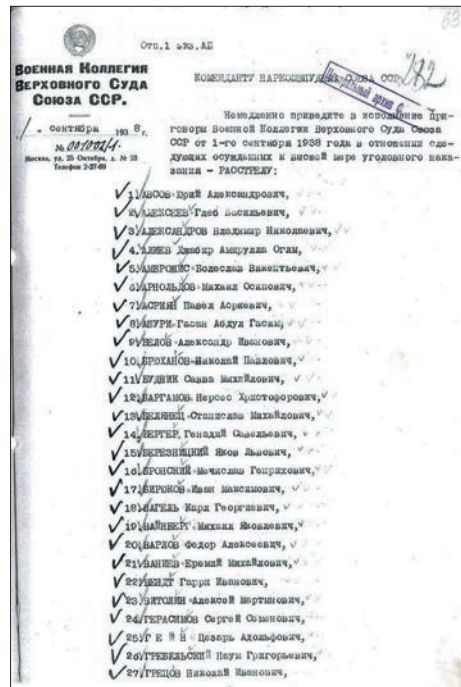
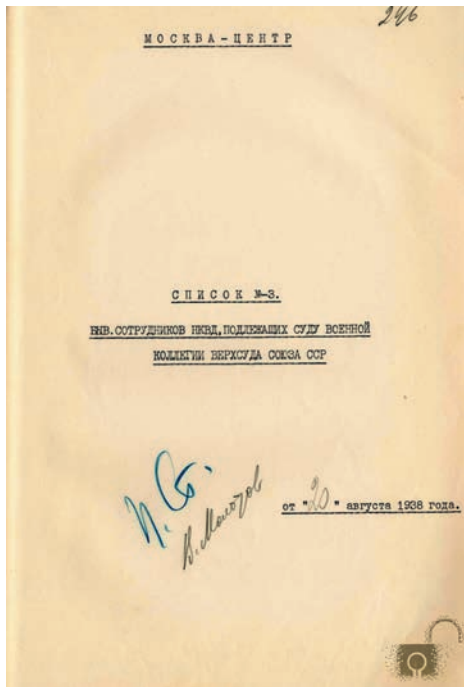
Наталья Леонидовна и Александр Семёнович Кищинские с первым ребёнком — дочерью Лидой. Минск, 1928 г. Из семейного альбома Кищинских.

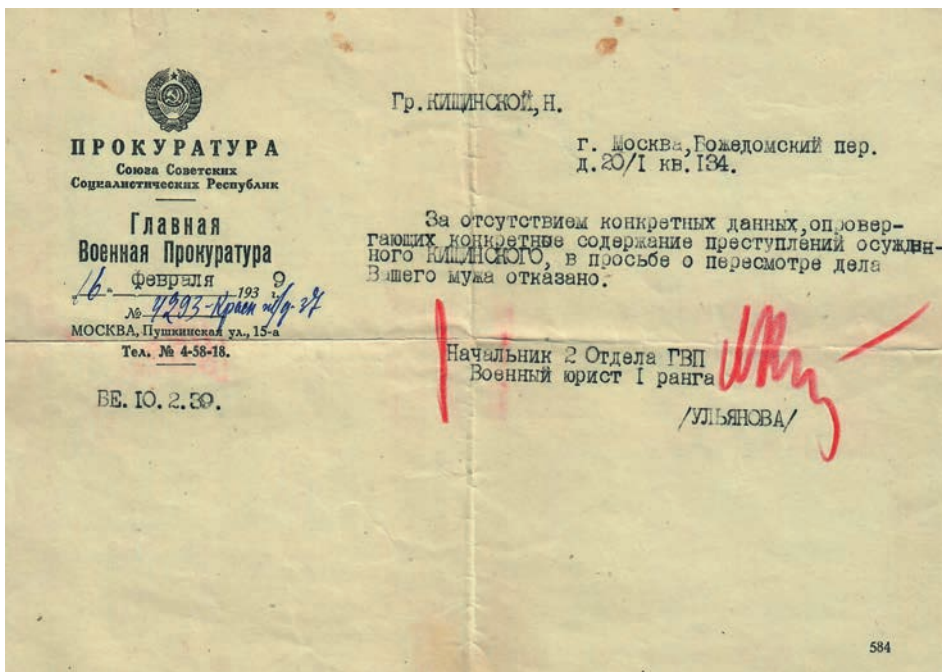
А.С. Кицинский. Эскизы мостов. 1935 г.

Тюремная фотография Александра Семёновича Кицинского из Центрального архива ФСБ, Москва.

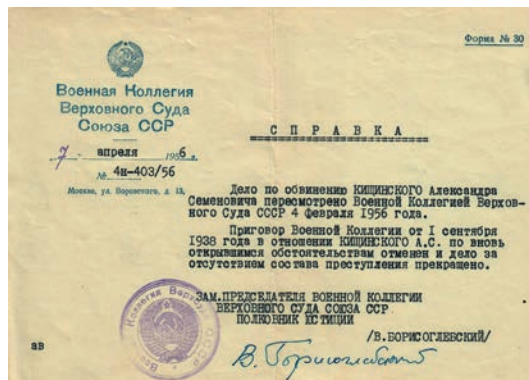
Расстрельный список Военной коллегии Верховного суда

Отказ на пересмотр дела Александра Семёновича Кицинского (1900–1938) от 16 февраля 1939 г., когда его уже не было в живых пять с половиной месяцев.

Живое свидетельство от 19 мая 1947 г. о смерти Кицинского Александра Семёновича, наступившей 12 декабря 1944 г. якобы от воспаления лёгких.

Справка Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 7 апреля 1956 г. о пересмотре дела по обвинению Кицинского Александра Семёновича, то есть фактически справка о реабилитации.

НАЧАЛЬНИКУ КОМУНДУМАНДА МИНИСТЕРСТВА АВТОМОБИЛЬНОГО
ТРАНСПОРТА И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДОРОГ СССР

тов АВАШКИНУ Н.Л.

КОПИЯ: МОСКВА ДЕЛЕГАТСКАЯ УЛИЦА ДОМ №20/1 КВ 134

гр-ке КИЩИНСКОЙ Н.Л.

ГУИОСДОР просит Ваших указаний выплатить гр-ке КИЩИНСКОЙ Наталье Леонидовне-жене бывшего ст.инженера технического отдела ГУИОСДОР"а НКВД СССР тов.КИЩИНСКОГО Александра Семеновича, арестованного в апреле месяце 1948года органами НКВД СССР, а 4 февраля 1956года посмертно реабилитированного-двухмесячную зарплату по занимаемой ко времени ареста должности.

Выплату произвести из оклада 1.600руб в месяц, присвоенного в настоящее время ст.инженеру технического отдела ГУИОСДОР"а
ОСНОВАНИЕ:заявление КИЩИНСКОЙ Н.Л., справка о браке с КИЩИНСКИМ А.С., справка Военной коллегии Верховуда СССР от 7 апреля 1956г №4н-409/56г, справка домоуправления №59 Коминтерновского РАУ от 3 мая 1956г, справка сотрудников ГУИОСДОР"а т.т.РОБРА Е.Н. и АВРАМКИНОЙ Р.С. о работе т.КИЩИНСКОГО А.С. на день ареста в ГУИОСДОР"е в должности ст.инженера технического отдела., Постановление Совета Министров СССР от 8.1X-56г №1655.

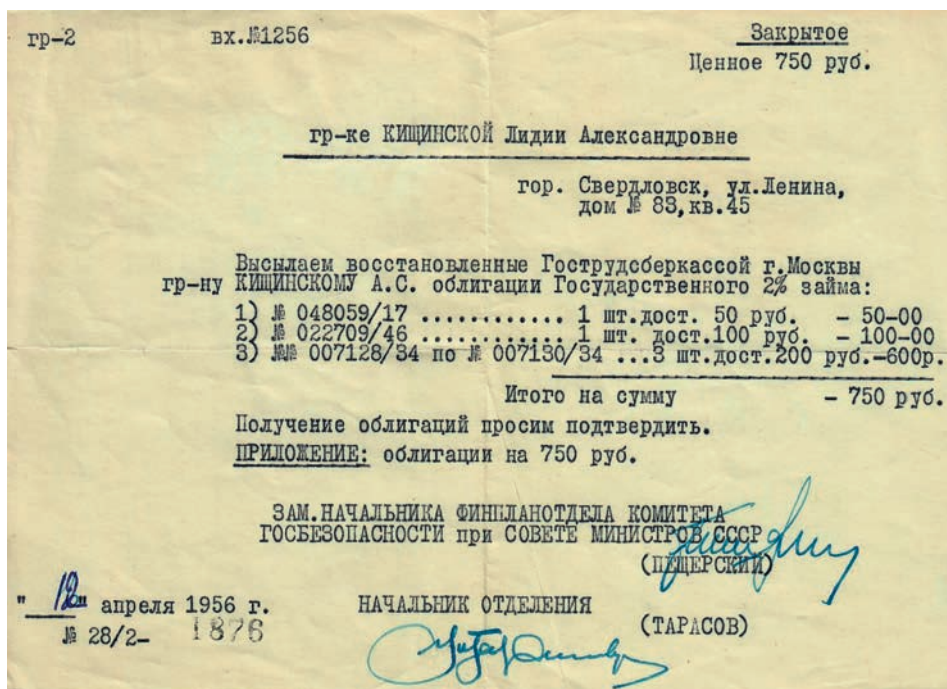
НАЧАЛЬНИК ГУИОСДОР"а

/Г.С.АРКИСЬЯНЦ/

"5 "мая 1956г
МОБ/13/.....

Письмо от 5 мая 1956 г. о выплате вдове Наталье Леонидовне Кищинской двухмесячной зарплаты Александра Семёновича Кищинского по занимаемой ко времени ареста должности старшего инженера технического отдела.

отца, у которого было поместье «Польное» в Тамбовской губернии, Козловского уезда тогда (теперь недалеко от Мичуринска). По моим понятиям, это было большое имение с отличным барским домом, огромным фруктовым садом, небольшим лесом, речушкой (в которой Наташа маленькая чуть не утонула), и поля, поля, необъятные поля, дававшие, надо думать, немалый доход. Этот вывод я делаю из того, что дедушка, Василий Кузьмич Акимов, собирал каждое лето своих дочерей с многочисленными внуками и внучками, очень помогал материально своим дочерям и, в частности, очень любя нашего Папу — Леонида Михайловича, давал ему средства на поездки в

Возмещение дочери Лидии Александровне облигаций Государственного двухпроцентного займа, оплаченных её покойным отцом до его ареста.

Париж на учёбу в Сорбонну для повышения квалификации. В летние каникулы 1904 года, когда родилась Наташа, Папа был в Париже.

Каждое лето до самой смерти Дедушки в 1910 году мама со всеми детьми проводила в его имении, и мы все очень запомнили все детали дома, сада, леса, двора. Я была там последний раз в 4 с половиной года с мамой, когда Дедушки уже не стало. Итак, в 1904 году Наташу крестили в церкви села Бибиково, что и записано было в её паспорте.

Наташенька очень отличалась от других членов нашей семьи цветом волос — она была блондинка необыкновенно нежной окраски и имела голубые глаза, тогда как все остальные были темноглазые — карие разных оттенков. Кроме того, у неё была очень изящная фигурка, и одно время стал вопрос, не отдать ли её в балерины в школу Айседоры Дункан, но воздержались.

В младенчестве она очень тяжело болела дистрофией кишечника, но Мама, имея склонность к врачеванию и благоговей перед медициной и врачами, самоотверженно выходила её, и в дальнейшем она была вполне здоровым ребёнком. И не только здоровым, а очень рез-

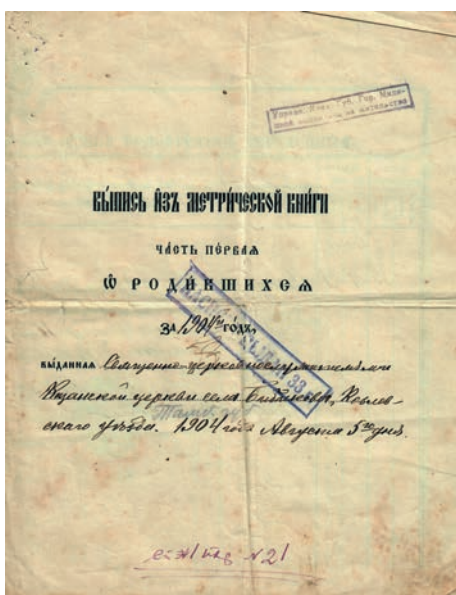
вым, шустрым, деятельным, подвижным, шаловливым. Очень щедра была на всякие выдумки, игры, забавы. Меня, меньше её на 2 года, она считала живой куклой, часто брала на руки, а удержать не могла, роняла; я начинала вопить, а Наташе за это влетало. Правда, наказаний для детей в нашей семье почти не было. Очень редко ставили в угол, что воспринималось нами как общий позор великий. Я себя в углу что-то не помню. Была ещё «высшая мера» — угроза, что отдадут дворнику, рыжему Алексею, который каждый вечер приносил дрова из подвала и топил печи в пятикомнатной квартире. Его мы побаивались, хотя у родителей он имел полное доверие — ему поручали летом без нас, пока мы на даче, производить с рабочими ремонт во всей квартире, обговаривая только цвет и качество обоев. И все было цело.

Несмотря на не такие уж большие достатки — Папа работал один: он работая много, преподавал в гимназии госп. Валькера (потом она звалась гимназией) на Тимофеевской улице. Родители всю свою энергию, все помыслы отдавали образованию детей (я не говорю воспитанию, потому что я не помню, чтобы нас как-то специально воспитывали), а вот образованию — это да. Учили всех детей (кроме меня) музыке, для чего было куплено пианино. В музыке успевала больше всех Наташа. Учили детей языкам, живописи. Валерий брал уроки у художника и отлично рисовал. Он же почти самостоятельно изучил английский, немецкий и французский языки. Мы же, девочки, позже брали уроки английского, а Наташа во время войны одна изучала в Москве английский. Наташа до революции 1917 года училась в гимназии Министерской на Терещенковской улице, а затем, как и все, перешла в единую трудовую школу. Интересно, что арифметику у неё преподавала та же учительница, у которой училась мать моего мужа в Институте Благородных девиц, и которую все ученицы панически боялись. Учительница была очень страшна на вид и очень жестока.

Во времена 1918–1920-х годов всё учение пошло на смарку. Наш родной любимый Киев переходил в один год четырнадцать раз от красных к белым и наоборот, а мы спасались от стрельбы в нашем подвале на ул. Саксаганского, куда приходили спасаться многие наши знакомые, и там было очень весело. И так как с нами были наши мужественные Мама и Папа, то совсем не страшно.

Конечно, были длительные периоды, когда мы жили без тепла, без электричества, без воды, да и без хлеба. За водой мы, дети, ездили с бочкой на санках на железную дорогу, сливали её в ванну, там она замерзала, а потом топором выкалывали её и грели на

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, У РОДИВШИХСЯ, ЗА 1904 ^{го} ГОДА.							
№ записи	Дата рождения	Место рождения	Имя рожденца	Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какое удостоверение	Звание, имя, отчество и фамилия крестных	Кто составил запись	Родившемуся на какой день по календарю
53	11	21	Наталия	Полковничья Свободина, Николай Николаевич и законная жена его Мария Васильевна, оба уроженцы из Васильева Ачинского уезда.	Младший священник Василий Владимирович и законная жена его Мария Васильевна, оба уроженцы из Васильева Ачинского уезда.	Священник Сергей Владимирович	21

печке. В нашей шестикомнатной квартире на ул. Саксаганского (а раньше Марино-Благовещенской, потом Пятакова) жилыми были только одна комната и кухня (переделанная из комнаты), в которой стояла «буржуйка» — небольшая чугунная печка, труба от которой выводилась в окно, топилась всем: стульями, тетрадями, старой рухлядью. Вот в этот период пришлось сменять отличное пианино за 6 пудов муки, мягкую мебель — тоже за что-то, любимый Папин патефон с пластинками, которые он подбирал в свое время, чтобы

приобщить детей к музыке, и всё другое, что поддавалось обмену.

Осталась только любимая книга «Третьяковская галерея» с отличными репродукциями, которые нам Папа показывал с соответствующими объяснениями, когда мы ещё сидели на высоких стульчиках. И мы с ней сроднились с малых лет.

Жизнь была настолько трудна, что осенью 1920 года, когда Наташе было 16 лет и 3 месяца, она получила через биржу труда на-

Павлова Наталья Леонидовна (в будущем Кищинская), мать А.А. Кищинского, в 1920 г. Из семейного альбома Кищинских.

правление на работу телефонисткой в Восстановительскую мостовую организацию. Работа была очень напряжённой и, главное, с ночными дежурствами. Организация восстанавливала железнодорожный и цепной мосты через Днепр в течение двух лет. Вскоре туда же поступила и Варюша. Так как в городе было очень беспокойно, продолжалась Гражданская война, то водил Наташу и Варюшу на дежурство и приводил их оттуда Папа и звал себя «разводящим». Благодаря и их зарплатку семья могла кое-как жить.

В юности Наташа была очень хороша собой. И, что главное, была обаятельной, очень остроумной, жизнерадостной и привлекательной. Никто из девушек, которых я знала, а друзей у нас было много, не пользовался таким большим успехом у юношей, у наших знакомых мальчиков и мужчин много старше Наташи. Перед моим мысленным взором целый ряд наших знакомых, которые увивались за Наташенькой, не было ни одного равнодушного к ней человека. Со всеми она была мила, очень дружна, но недоступна. В обществе, где была Наташа, никто из девушек был не замечен, на них не обращали внимания. Такое восхищение Наташей и такое общее увлечение ею и со стороны сослуживцев, и со стороны наших знакомых мальчиков, а их было немало, закончилось внезапно, как отрезало. Это было связано

с приездом в Киев в семью Корнеевых старшего их сына (приёмного) Саши Кищинского, как его звали — Саши Большого, так как в семье Корнеевых, очень близкой нашей семье, был сын — Саша Малый. Саша Большой — Александр Семёнович Кищинский — с первого взгляда влюбился в Наташу и на всю жизнь. Она ему отвечала такой же любовью и преданностью. Саша Большой был очень ревнив, и уже никто не смел не только заговорить с Наташей, но даже подойти к ней. Саша был очень способным, он закончил гимназию в г. Могилёве-Подольском с золотой медалью, учился в одном классе с Борисом Баженовым, который тоже был очень талантливым и затем стал секретарем Сталина и вовремя, учитывая сталинскую кровожадность, сумел сбежать в Персию и затем менял страны, чем спасся от смерти и прожил до 82 лет. Описание его жизни есть в литературе. В Киев Саша Большой приехал и поступил в Политехнический институт на факультет мостостроения, окончив его блестяще.

Со времени его приезда они с Наташей виделись ежедневно, а так как оба учились, (Наташа училась в КИНХе — Киевский институт Народного хозяйства), то они ещё и переписывались, закладывая письма в заветные щели деревянного тогда забора Ботанического сада.

Любовь Наташи и Саши Большого была настолько сильна и неукротима, что все попытки Мамаы и Папы как-то отвлечь Наташу, даже организовав путешествие в Москву и Ленинград втроём (Папа, Варюша и Наташа) с целью повидать мир, ни к чему не привели. А Мама и Папа каким-то особым родительским чутьём предчувствовали беду и были очень против замужества 18-летней Наташи, хотя Саша ничем плохим себя не проявил и нравился всем остальным членам семьи. Короче, в июле 1924 года состоялась их свадьба в Киеве с венчанием в какой-то церкви на Печёрке по настоянию Корнеевых — приёмных родителей Саши, с настоящими обручальными кольцами. Жили они у нас на студенческие стипендии и, конечно, с помощью родителей. Жили небогато, но, я думаю, очень счастливо.

12 августа 1927 года родилась у них дочка Лидочка, ставшая сразу любимицей всей нашей тогда уже большой семьи. Отъезд их в Минск, куда назначили на работу Сашу, когда Лидочке было 1 год и 3 месяца, был для нас горем, а каждый ежегодный приезд Наташи с дочуркой в отчий дом — великим праздником. Летом 1929 г. я гостила у них в старом довоенном Минске, ещё с деревянными тротуарами.

Девочка росла очаровательной, очень умненькой, будучи 3-х лет от роду она говорила Дедушке: «у нас с Мамою никаких конфликтов нет» на вопрос, обращённый им к Наташе. Она очень рано стала

читать, много читала, ходила с Дедушкой в театр ещё до школы, очень переживала дуэль Онегина с Ленским и закрывала глазки в этом месте, зная наизусть всю фабулу оперы. Училась она везде отлично. Была очень способна, очень трудоспособна и честолюбива. За весь школьный курс у неё не было и не могло быть ни одной четвёрки, только пятёрки. Работала с малых классов в Литературном пионерском кружке и была там признанным авторитетом, дружила с Баруздиным и другими пионерами, ставшими потом писателями.

Семья Кишинских жила некоторое время в Киеве (годы 1931, 1932), а потом Сашу перевели в Москву на большую должность. Дали им по тому времени неплохую квартиру, которая оказалась полезной в Москве в их жизни. Это было на Делегатской ул., № 20. Я приезжала к ним в 1936 году на съезд по переливанию крови.

1 февраля 1937 г. у них родился необыкновенный ребёнок — мальчик Саша, очень крупный, очень здоровый и очень быстро развивающийся. Ходить и говорить он стал в 9 месяцев. Пошёл в школу 4-х лет. Это было уже в войну, и ходить ему было не в чем, и в школе было холодно. Это было в эвакуации в Мичуринске. А когда приехали в Москву в 1944 году, он пошёл 7-и лет сразу в 4-й класс и отлично учился. Им занимался из ГОРОНО один аспирант и сделал таким образом кандидатскую диссертацию. В школе дети не могли простить ему его способности и, будучи много старше и сильнее его, били его книгами по голове, приговаривая «не будь умным». Об этом мы узнали от родителей других детей, сам он ничего не говорил. Спасла его только очень тяжёлая форма скарлатины, по поводу которой он провёл несколько месяцев в больнице, а затем был отправлен в Артек. Таким образом, он попал в другой класс, где битьё прекратилось. Саша получал государственную стипендию в 500 рублей, что давало возможность не голодать. Но о Сашеньке можно и должно написать отдельную книгу.

Возвращаясь к семье Натальи Кишинской. В 1938 году весной, когда Саше исполнился один год, Лидочке 10 лет, а Наталье Леонидовне было 33 года, случилось страшное несчастье. Конечно, по клевете и навету был арестован Саша Большой — такой заметный работник в своём учреждении. Его арест чуть не убил жену и маму, которая была у них тогда. Было конфисковано всё имущество, вся мебель вывезена из квартиры. Наташе, никогда не служившей ранее, пришлось идти работать экономистом на швейную фабрику, причём все надо было скрывать. Со дня ареста Наташе ничего не удалось узнать о Саше. Статья была 58 без права переписки. Ничего не удавалось передавать

Учстрахклассы Ю.З. ж. д.

КНИЖКА № 583

на получение пособий по безработице.

Фамилия Лаврова
 Имя Наталья
 Отчество Слободановна
 Время выдачи книжки 4/11-2
 категория II
 Назначено пособие с 20/5 по 20/9
 Личный счет № _____
 Принадлежность к профессии мешер
 Членский билет № 1929
 Зарегистриров. на Вирже Труда _____
 Учетная карточка № _____

Предустр. классы

Киев, Укр. Ам. Лавина ЮВА 1922—3000X13—24 г.

Талон № _____

Нн. № _____

Лич. сч. № _____

Уплатить пособие
безработному.

Фамилия _____
 Имя _____
 Отчество _____
 Категория _____ с _____
 по _____ за _____ дней
 Сумма Руб. _____ коп. _____
 Руб. _____ (сумма прописью)

Предустр. классы _____

Руб. _____

« _____ » _____ м-ца 192 _____ г.

Получил _____

Уплату произвел
Кассир _____

ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ.
 Фамилия Лаврова Имя Наталья Отчество Слободановна
 по категории II в сумме 1 руб. 12 к. Уплаты 1 мая на 1927 г.
 Кассир _____

Книжка на получение пособий по безработице с мая по сентябрь 1928 г., когда старшему ребёнку, дочери Лидии, был всего один год.

ему, хотя она простаивала у Бутырок, как Анна Ахматова стояла у Крестов, и описала это в своем Реквиеме. Горю не было пределов. Семья выжила только благодаря Маме и Папе. Мама переехала навсегда в Москву, чтобы растить детей и кормить семью. Папа работал в Киеве, обеспечивая их материально. Наташа работала на фабрике, много работала дома и много занималась развитием детей, водя их в музеи, Третьяковку, театры. Жизнь её с 33-летнего возраста превратилась в муку, как и многих женщин, как их тогда называли, врагинь. Знакомые, друзья и некоторые родные (из семьи Корнеевых, в частности, «котик» — младший сын) прекратили связь с ними, опасаясь за себя. Это было очень страшное лихолетье. Все ждали каждую ночь ареста, жили с чемоданчиками у подушки, готовые каждую минуту на арест. Мне довелось летом 1939 года побывать в тюрьме в качестве врача-хирурга, и ничего более страшного я в своей жизни не видела, хотя прошла потом всю войну, как говорят, от звонка до звонка. Моё посещение тюрьмы, вернее мои переживания там, стоят того, чтобы их описать отдельно. Я этого делать не буду, чтобы не

Наталья Леонидовна Кицинская в 1936 г. в Москве — за год до рождения Саши.

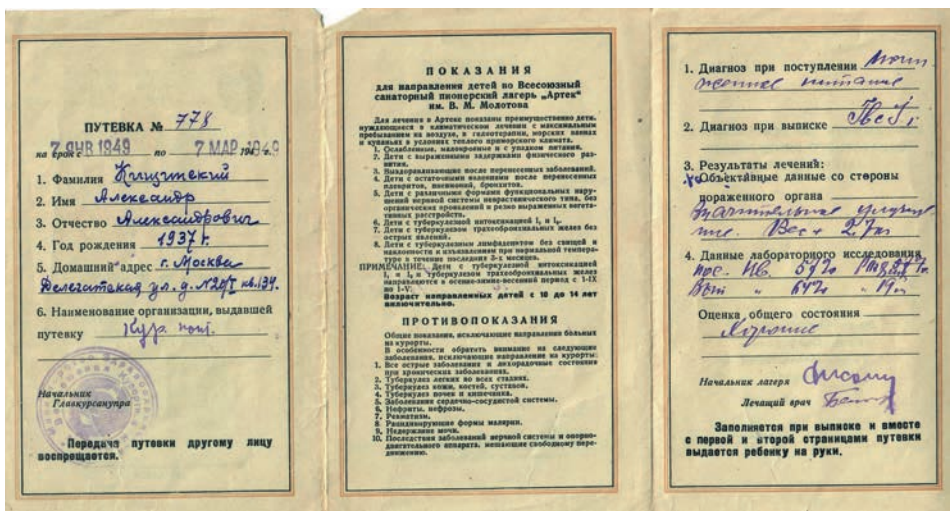
Будущему орнитологу 17 дней. Наталья Леонидовна с сыном. 18 февраля 1937 г, Москва.

*Наталья Леонидовна с детьми: сыном Сашей и дочерью Лидой. 31 марта 1938 г. Москва. Саше 1 год и 1 месяц без одного дня. Ровно через неделю, 7 апреля 1938 г., Сашиного отца навсегда уведут из дома.
Из семейного архива Кицинских.*

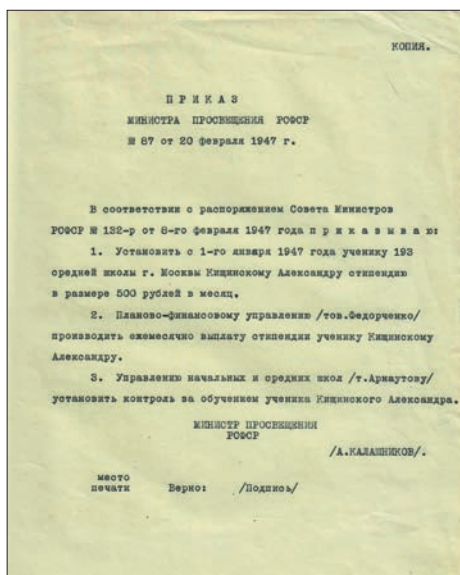
отклоняться от основной темы. Скажу только, что всё пребывание там я думала о Саше, будучи в ужасе от увиденного.

Сашу взяли из дома, и это был последний миг, когда Наташа его видела. Ничего о нём не удавалось узнать много лет. Семья жила в

Путёвка в санаторный пионерский лагерь «Артек»

страшном горе и нужде. Моральные испытания были очень велики, и только необходимость растить годовалого Сашеньку и 10-летнюю Лидочку давали какую-то сверхестественную силу Наташеньке жить. Говоря об этом времени, она всегда утверждала, что её спасли Мама и Папа. И, наверное, это было так. Единственные сведения о Саше Большом пришли через 7 лет в виде похоронки. Умер якобы от воспаления лёгких в 1944 году. Получив эти сведения, Наташа, идя из соответствующего учреждения с похоронкой в руках, чуть не потеряла сознание на улице. Верные ли эти сведения, никто не знает.

Ходили слухи, что его сослуживца Богомолова Виктора, взятого одновременно с ним, расстреляли без суда и следствия, как это было свойственно Сталину. Допустили, что такая же участь постигла и Сашу. Так как ни разу не приняли от Наташи ни письма, ни денег, никакой передачи. И ни разу не дали никаких сведений. Это было горе на всю Наташину жизнь и на всю жизнь её детей. Лидочка, будучи уже взрослой, в период хрущёвской оттепели добилась всех соответствующих документов о Сашиней реабили-

литации, но это, по сути, ничего не улучшило в их жизни. Жизнь была уже в основном прожита горько и трудно, всегда требовавшая сокрытия случившегося не только в семье, но и во всех знакомых и малознакомых семьях.

Наташа была великой подвижницей. Её заставляли жить и бороться с горем дети. Причём дети были необыкновенными. Таких уникальных детей я не встречала за всю свою долгую жизнь; Лидочка, не тратя времени на окончание последнего класса школы, поступила в Литературный институт по конкурсу, блестяще там училась, и ещё за время студенчества написала и защитила кандидатскую диссертацию на тему «Хождение по мукам» А. Толстого. Сразу же стала преподавателем Свердловского университета (к сожалению, только там экология очень плохая — «Маяк»!). Пользовалась огромным успехом у студентов и в литературном мире города, писала докторскую диссертацию. Но её там же настигла тяжёлая болезнь, и она умерла от рака 29 октября 1967 года. В университете Свердловска существует и теперь комната Лидии Александровны Кицинской, в которой ежегодно (вот уже 30 лет) собираются её бывшие ученики и литераторы города и делают доклады. Как смогла Наталья Леонидовна ухаживать за ней умирающей 8 месяцев и как она смогла пережить её смерть — уму непостижимо!

Хоронил её весь Свердловск, и Наташа, сопровождаемая Варварой Леонидовной, Николаем Павловичем и Танечкой, еле живая

вернулась в Киев. Но тогда был жив ещё её сын Сашок. Жил в Москве, но часто уезжал «в поле». Он был ещё более одарённым, чем Лидочка. Я уже писала кое-что о его детстве. Очень трагично, что его судьба зависела, в конечном счёте, от судьбы отца, хотя ребёнку в тот страшный день ареста отца был только 1 год. Его жизнь требует отдельного описания, и он имеет на это право. Он умер в 1980 году. Наташенька не потонула в этом чёрном горе, конца которому не было видно. В жизни она осталась только из-за детей. Спасла ее от смерти необходимость найти работу (до того она нигде не работала, имея высшее образование и отличные способности, по настоянию Саши мужа). Она вела отлично хозяйство, днём на работе, ночью стирка, штопка, а главное было воспитание детей — все свободные минуты были отданы им и, главное, с большим результатом. Мама, приезжавшая было к ним погостить, осталась у них навсегда и несла тяжелейшую нагрузку, обслуживая всю семью покупками, приготовлением еды, шитьём, глаженьем, ежедневными прогулками с маленьким годовалым внуком. Они жили в высоком доме без лифта на последнем этаже, и лестницы давались ей очень трудно. Недаром она перенесла два инфаркта (1960 год) и от второго умерла в 1962 году 85-ти лет. У них отняли всю мебель. Кое-что Маме удалось отстоять как принадлежавшее лично ей. Самым страшным в этот период был почти ежедневный поход в Бутырку — стоять там в очереди долгими часами с тщетными надеждами узнать хоть что-нибудь о муже, передать записочку, хоть 5 р. денег, жалкую передачу. Чтобы понять это — надо перечитать «Реквием» Анны Ахматовой. Никогда ни слова, ни строчки она не получила в течение шести лет — с февраля 1938 года до декабря 1944 года, когда получила похоронку (слово-то какое), в которой значилось, что он умер от воспаления лёгких. Никто ничему не верил. Говорили, что расстреляли вскоре после ареста, а потом растянули по годам. И не знаешь, что лучше. Кое-кто надеялся на скорый расстрел, особенно прочитав «Салазки» артиста Жжёнова, да и всю впоследствии подобную литературу: «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ» и другие вещи Солженицына. Но осталась какая-то эфемерная надежда на жизнь, мучительную, но жизнь, без всяких сведений о нём. Когда она получила похоронку в одном из учреждений, по дороге у Наташеньки отнялись ноги. Это я знаю по её рассказам, так как мы были на фронте и, хотя почта работала отлично, обо всём этом не писали ни слова. Жила в это время семья на Наташенькино скромное жалование и большую помощь Папы (по сути, наибольшая часть его заработка). Он жил

в Киеве один без мамы, но с сыном Валерием Леонидовичем и его женой Варварой Николаевной. Помогали понемногу и мы все, тоже тогда жившие в Киеве, но как я теперь думаю, помощь была невелика, заработки были скудные. О Сашиной судьбе и о семье Наташеньки и в доме (а в нашей семье на Чеховском пер. было семь человек) никто никогда не смел произнести ни слова. Это было рискованно. Так же молчала и вся семья Павловых на Благовещенской улице, так же не смели ни о чём спросить Сашины родственники Корнеевы. Страдали молча, жестоко, не позволяя себе произнести ни слова. Самые лучшие друзья отвернулись из-за страха за себя. Это был повальный, охвативший всю страну страх перед кровожадным Сталиным. Причём, требовалось выражение обожания и преклонения перед ним. Редко кто, как Валерий Леонидович (брат Натальи Леонидовны) позволял себе очень осторожное разумное суждение о нём в особо ограниченной обстановке. В этом чудовищном горе Наташа показала себя могущественным стойким человеком. Никогда не расслаблялась, никто не видел её слезинки. Сохраняла очень хорошие отношения с теми, с кем довелось работать, создала там себе необыкновенный авторитет, больше — вызвала любовь к себе своих сотрудников. Можно только восторгаться тем, как она вела себя со всеми, погибая от горя в душе. Оставались в том же доме сослуживцы Саша, обожавшие Наташу. Нет никакого сомнения, что все мы, да и многие, знавшие Сашу раньше, знали, что он ни в чём не виноват, как и большинство людей, попавших в тюрьмы и концлагеря того времени.

Наташа вырастила необыкновенно талантливых и одарённых детей, отдав им всю свою душу, и научила их уважать отца, за которого они так же страдали.

Начавшаяся в 1941 году война принесла много горя Наташеньке. В июне дети были под Киевом на даче у Дедушки и Бабушки в Бучанке. Наташа не имела материальных возможностей за всё время своей работы на швейной фабрике экономистом. Потом Наташа перешла на работу выше рангом. Она стала работать в канцелярии Косыгина тоже экономистом. Сотрудники там относились к ней с большой любовью и нежностью (конечно, не зная ничего о её горе).

В 1962 году она вместе с нами похоронила нашу Мамочку, но об этом даже писать невозможно. Сашок в это время был в аспирантуре в Ленинграде. А Лидочка уже преподавала в Свердловском университете. Наташа жила одна и четыре года, с 1960 по 1964-й, ухаживала вместе с Варенькой и её семьёй за нашими родителями, когда привезли годовалого Андрюшу (сына Саша и Лены), которого

она должна была отвезти в Краснодар к Ирине Фёдоровне — маме Лены, Сашиной жены. Она его и отвезла.

Хотя, когда забирали отца, Саше был только 1 год, но вся его последующая жизнь была заполнена мыслями об отце. Уже с 1-го курса на практику он уехал на север и так делал ежегодно. Я пропустила написать, что Саша 15-ти лет поступил в Московский университет на биологический факультет и каждое лето уезжал на практику на Колыму. Он обошёл пешком все места бывшего ГУЛАГА — несколько тысяч вёрст, что нанесло большой вред его здоровью. Свою кандидатскую работу он сделал, по существу, там, и когда он блестяще её защитил, профессор Портенко сказал об этом и отметил, что всё он обошёл пешком. Питание было случайно, и что убили, то и съели, вплоть до медвежатины. Не имея ни фруктов, ни овощей, и когда он был далеко от жилых мест, у него воспалился и лопнул аппендицит. Операция была только разрез живота и выливание гноя. Тяжелейший гнойный перитонит он перенёс только потому, что это был 1960-й либо 1959-й год, т.е. ему было 22 года. Весь кишечник жил все последующие годы в хроническом гнойном процессе, что и привело к скирру (это такая форма рака), от которого он очень, невероятно страдал и умер 14 сентября 1980 года. Никакая операция не могла его спасти. За год до этого он, будучи уже настоящим учёным, защитил докторскую диссертацию, имея много научных работ, свою методику. Всё это описано в его некрологе.

Как Наташенька осталась жива после его смерти — уму непостижимо, тем более, что я в своём немудрёном писании грубо нарушила хронологию. И из Наташеньких тяжелейших стрессов горе — это было не второе, а третье. Постараюсь это исправить. Грубо нарушая хронологический порядок, перехожу к описанию 1966 года, лета, когда Лидочка и Ниссон поехали на курорт вместо того, чтобы Лидочке начать лечиться. (Хотя это едва ли помогло бы). Сашенька Виленский жил у Наташи на даче, а до этого я с ним ходила в Третьяковку, где он, 12-летний мальчик, поразил меня знанием истории искусств. Короче говоря, этот год надо считать началом заболевания Лидочки, которое вскоре определилось, и она, проболев очень тяжело 10 месяцев с операцией, с попыткой лечения в Киеве, умерла в самый разгар своей красоты и творчества. Заболевание было онкологическое, всё время требовалась кровь, и студенты университета стояли в очереди, чтобы сдавать кровь для Лидочки. Её знал почти весь город, а все родные убивались горем. Сыну было 13 лет. Наташенька всё время была с ней

Леонид Михайлович Павлов и Юлия Васильевна Павлова (в дев. Акимова) — дедушка и бабушка А.А. Кищинского, Бучанка, 1956 г.

и около неё. Поражало мужество и стойкость Лидочки в течение этого тяжкого страдания, причём в онкоцентре в Москве она прочитала свою историю болезни и узнала о множественных метастазах. Перед смертью она написала письмо своему мужу и сыну — это шедевр, который нельзя читать, не заливаясь слезами. Последняя её фотография сделана была уже в этот период и так и осталась в комнате в Свердловском университете, посвящённой ей.

Наташенька, бедная Наташенька вернулась из Свердловска сломленная горем, но всем встречным сказала: «Лида запретила мне плакать», а мы не могли не плакать. Наташа уехала в Киев домой и там жила с этим горем с 29 октября 1967 года до сентября 1980 года, когда мы её вызвали в Москву по возвращению Саши из Монголии уже в довольно тяжёлом состоянии. Коля (Николай Павлович), навещавший Сашку, говорил, что это чудовищная смерть.

А Наташа всё это выдержала, всё перенесла. Я, переживая своё тоже очень тяжёлое горе, смотрю на её портрет и беру из него силы жить, хотя умереть — это моя мечта. А она, бедняжка, выдержала ещё 14 лет тяжёлой страшной жизни после смерти Саши до ещё более страшного своего конца.

Партизанское удостоверение Ивана Васильевича Леводянского

Правильно, что она называла себя «дочь горя», и правильно, что Владимир Александрович (муж Варечки) называл её «святой».

Наташенькина жизнь продолжалась в Киеве, где она опекала Ивана Васильевича Леводянского, нуждавшегося в её уходе и очень сочувствующего её горю. Кроме того, она вместе с Варварой Леонидовной ухаживала за семьёй старшего барта — Валерия Леонидовича Павлова и его жены Варвары Николаевны. Почти каждый день они ездили, чаще Варюша, готовили им еду, убирали, помогали во всём. В 1987 году умер И.В. Леводянский, и Наташенька осталась совсем одна. Единственной её радостью были приезды в Киев обычно в мае её внука Андриюши с семьёй. Общалась с Варюшей, жившей неподалёку, помогала ей. Нет ни одного человека на свете, кто бы знал её и не любил. Врагов у неё не было.

В 1988 году внезапно умер брат Валерий и, прожив вдвоём в городе года три, они стали планировать переезд в Москву. К этому времени Украина отделилась. Очень тяжело болела Таня, и мне все труднее было ездить в Киев навещать их.

Летом 1992 года свершился её переезд в Москву.

Наташенька прожила в Москве 2 года у Лены. Очень любила Лену и всю семью. Как ни странно, и Юрия Александровича тоже

Вера Леонидовна и Николай Павлович Волковы. Москва, 1985 г.

(второй муж Е.М. Шевченко. Прим. редактора). Я объясняю это тем, что он очень добрый, располагающий к себе человек. Эти два года были для Наташи трудовыми. Нелегко было и переносить холод зимой в квартире, которую впоследствии Леночка сумела обменять. Очень редко Наташа приезжала к нам на несколько дней. Теперь я страшно жалею, что у меня тогда было мало времени для общения с нею. То я вынуждена была ложиться в госпиталь из-за возникшей у меня язвы желудка, то болезнь Тани требовала моих посещений её в больнице. Думаю, что в семье у Лены все относились к Наташе хорошо. Да и всю её жизнь, где бы она ни была, к ней всегда было тёплое, доброе отношение и своих, и чужих. Такой, видимо, она была человек. Живя неподалёку от Наташи, моя внучка Ирочка заглядывала к ней, выполняла её кое-какие поручения, что-то покупала и приносила ей. Важно, что она это делала по своей инициативе, а не по нашей просьбе. Мы только потом узнавали об этом от Наташеньки, которая была Ире очень благодарна. Душевную радость Наташи в эти два года составляли воспоминания и карточки Лидочки и Сашуни. Никто не видел её слёз, такая она была мужественная и сдержанная. У меня на столе всегда лежит её карточка, и я часто обращаюсь к ней за моральной поддержкой, будучи малодушным и сломанным горем человеком. 12

Мать Саши Наталья Леонидовна и две её сестры — Варвара Леонидовна и Вера Леонидовна. Москва, 1978 г.

июля 1994 года, когда Наташенька гостила у Варюши на Набережной (а я лежала в госпитале), случилось страшное, непоправимое горе. Она поскользнулась у меня в комнате и упала, сломав левое бедро о край кресла. Бедро сломалось не случайно. Она в Киеве ухаживала за Иваном Васильевичем Леводянским (он был старше её на 10 лет) и заразилась от него туберкулёзом, которым он болел с молодых лет, и у Наташи было туберкулёзное поражение левого тазобедренного сустава, от которого она трудно и много лечилась вливаниями очень болезненной стрептомицина в сустав. Если бы не это, может быть, она ещё пожила. Перелом бедра в этом возрасте всегда бывает с летальным исходом. Мучилась она с 12 июля по 19 сентября, больше двух месяцев (1994 год). Умирала в страшных мучениях и от боли, и от интоксикации с голоданием. Когда я умоляю судьбу о смерти, мне всегда ставят в пример Наташенькину полную до краёв горем жизнь.

Она, конечно, была права, когда говорила, что она «любимая дочь горя». Воспоминания о ней также является одной из причин для меня удержаться от насильственной смерти и продолжать бессмысленную, никому теперь не нужную жизнь, до краёв наполненную горем.

Вера Леонидовна Волкова (в дев. Павлова)

Шура

Однажды в Институт психологии Академии педагогических наук РСФСР обратились за консультацией по необычному поводу. Речь шла о школьнике девяти лет, который учился в 5-ом классе.

Шура очень рано начал обнаруживать необычайные способности. Ему не было и четырёх лет, когда он научился читать. Случилось это так. Ребёнку купили разрезную азбуку: на отдельных красивых картинках нарисованы все буквы алфавита. Мальчик охотно забавлялся игрушкой и по подсказке бабушки научился называть буквы.

Затем, вслушиваясь в произносимые слова, он стал подбирать соответствующие картинки. Например, произнесено слово «стена», и Шура ищет карточки «с», «т», «е», «н», «а». Вскоре он сумел перейти к чтению целых слов по книгам.

Примерно в том же возрасте, в конце четвёртого года жизни, он научился считать. Умение считать быстро перешло в увлечение. Ребёнок с неугомонной настойчивостью стремился производить арифметические действия: он обращался ко всем с просьбой задавать ему числа и тормозил без конца, не удовлетворяясь никаким количеством примеров. В этот период Шура любил не только считать, но и рисовать цифры. Он повсюду чертил бесконечные ряды цифр. Особую симпатию вызывала цифра «7», которую он называл ласково «семерочка» и рисовал её всех размеров, раскрашивая в различные цвета.

Интерес к числам ослабел с той поры, как Шура начал интересоваться географией. В начале пятого года жизни он сделал карту полушарий, с удивительной точностью передав очертания и обозначения. Весьма обширные познания по географии он приобрёл именно в этом возрасте. Несколько позже он стал усиленно заниматься зоологией.

По воспоминаниям родных, у него в каждый период жизни, с самого раннего детства, всегда было пристрастие к чему-нибудь и одно увлечение прекращалось, только сменяясь другим.

Когда Шура пошёл пятый год, в семье временно стала жить девочка, которой было в то время 7 лет. Она поступила в школу, а одновременно начался и для Шуры новый период учения: дети вместе писали упражнения, решали задачки, учили стихи. Воспитательница детского сада, который стал посещать Шура, поражалась не только общим развитием ребёнка, но и его изобразительными способностями.

В его рисунках обращали на себя внимание тщательность и точность в изображении самых мелких деталей.

В дальнейшем семилетний Шура прямо из детского сада поступил в 4-й класс школы, успешно выдержав вступительные испытания.

Я познакомился с Шурой, учеником 5-го класса, к концу третьей четверти; по всем предметам у него были пятёрки. Семейное окружение его — мать, бабушка и сестра (отец — инженер, с семьей не живёт). Мать работает экономистом в одном из министерств, сестра — студентка литературного факультета. Мальчик находится главным образом под наблюдением бабушки, которой около 70 лет.

Шура — рослый для своих лет; он не самый маленький в классе, а третий от конца. В школе никакого особого положения не занимает: учителя и товарищи относятся к нему так же, как к другим ученикам. Шура дисциплинированный и исполнительный ученик.

Преподаватели отмечают сознательность его ответов и умение кратко и ясно выражать свои мысли.

Школьные задания отнимают у него не больше, чем полтора-два часа в день, однако он почти совсем не гуляет — ему некогда. Ещё перед поступлением в школу он прочёл трёхтомник Брема «Жизнь животных», и с тех пор интерес к зоологии, особенно к разделу о птицах, наполняет его жизнь. «Птичник» — называет его бабушка.

В период моего знакомства с мальчиком он целые дни был занят сочинением книги, где должны были быть систематически описаны птицы СССР. До этого он на 65 страницах законспектировал главы о птицах из Брема и нарисовал свыше 100 иллюстраций. Занятие птицами, видимо, представляет собой нечто большее, чем очередное увлечение.

В его работе о птицах Советского Союза — 314 тетрадных страницы огромное количество рисунков. Шура прекрасно знает содержание своих записей. Когда я, открыв наугад первую главу, в которую он несколько месяцев не заглядывал, начал читать вслух описание какой-то птицы, а потом попросил Шуру на память продолжать, то он очень подробно и точно воспроизвел дальнейший текст, причём не механически дословно, а в других выражениях, показав, таким образом, полную сознательность своей работы. Кроме Брема, он использовал две большие статьи о птицах, которые удалось ему достать. Сопоставляя зоны распространения птиц с географической картой СССР, он отбирал материал, имеющий отношение к его теме. Изложение ведётся по плану в соответствии с принятой в науке классификацией. Язык по-деловому сухой и лаконичный. С точки зрения

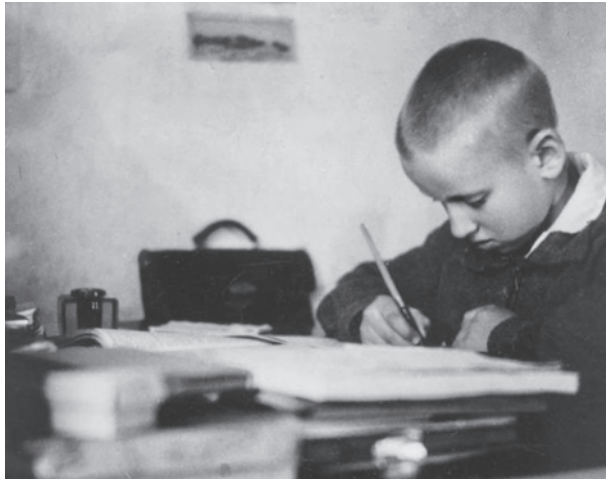
требований, предъявляемых к реферату, его сочинение может быть признано образцовым.

Много самостоятельности проявлено в иллюстрациях. Большинство изображений птиц не копии, а рисунки на основе описания. Работа иллюстрирована полнее, чем книги Брема. Возможно, что именно здесь, в иллюстрациях, надо искать объяснение длительному и активному интересу к птицам.

У Шуры сильная зрительная память, и в его «орнитологии» основное место занимает зрительное, внешнее описание. Мальчика интересуют не столько инстинкты птиц, их образ жизни, сколько форма, величина, размеры клюва и т.п. Он без конца срисовывает и перерисовывает изображения птиц. Когда он бывает в зоопарке или Зоомузее, то делает там схематические зарисовки, и это не из любви к рисунку, не ради красоты форм, а ради самого зрительно-аналитического процесса. Рисунков в его сочинении так много, что, пожалуй, они-то и составляют главное: не рисунки являются иллюстрацией к тексту, а, скорее, текст есть лишь объяснение к рисункам. И последовательность в работе такая: сначала рисунки, потом текст. Весьма вероятно, что можно говорить о каких-то зрительно-аналитических особенностях ребёнка как об основе его склонности.

*Саше Кицинскому
5 лет. В эвакуации в
Мичуринске, 1942 г.*

Саша за уроками. Москва, 1946 г.

Саша в Москве, 1946 г.

Шура необычайно грамотен. За всё время пребывания его в 5-м классе учительница русского языка не заметила у него ни одной грамматической ошибки,

Летом на даче наряду с птицами он много занимался бабочками (перед этим прочёл книгу Фабра «Жизнь насекомых»). Совершенно самостоятельно он собрал большую, разнообразную коллекцию бабочек. Бесчисленные и очень тщательные зарисовки являются самым характерным и для его увлечения насекомыми.

...тела серая с краями Крайне;
 серед головы с белой лобово отделена
 от красной пряди черныи и белой палосой;
 середина пряди черная; зрачико белое;
 длина 13 см.
 Обитает в Европе и Азии на краяхах гор.
 Перелетает в Германию, Францию, Вен-
 гию и северную Италию. Обитает воб-
 ко и много летает жарою. Живет сам, дру-
 го "или, дурр". Она обитает на, мур-
 шовица, пшеница и доверлива к людям
 Моего ее охоты вичи.
 У черной свини лоб уздочка, низ тала
 черныи; перед головы, зад, ушка белозат
 палоса белые; дальний лобны черныи
 с дальни отголоски; на ше вичи;
 обитает дальни с черныи палосыи;
 обитает пера белые с черныи отороч-
 на ше; глаза бурныи; длина 10 см.
 Обитает в тундрах всего земного ша-
 ра, в СССР от Кавк. Камки до Печного
 океана. Изредка вылетывает на
 и падает в бурозале или жатоса-
 рия с бурныи потами зейга-поде-
 вается еще тучеи.
 Белая ржанка (Chalchicomula) дли-
 ной в 17 см. Шей, тала и верх тала белые;
 зад черныи; низ тала белый; уздочка
 чернотата; лоб черныи с белой и черныи
 палосой; глаза бурныи; клюв черныи; поше
 обитает на пастбищах берегах внутрених
 вод Европы, почти всеи Африки и Азии

Перелетает гра-
 дини. Иногда жи-
 вет на берегу ша-
 ра но не в дурр.
 *
 У дурра (же-
 диаль) дурра
 обитает бурной
 зурр. Длина 18 см.
 Обитает на
 на мие и низ та-
 ла белые; обитает на
 тала и залосотобурной; уздочка и лоб
 на по сторонам шеи бурныи; обитает те-
 ла залосотобурной. Глаз бурной; клюв и ноги
 черныи; остальны пера бурной.
 Зурр малый обитает дурра; длиной в 17 см.
 Обитает на мие; низ тала белый; обитает пер-
 ниса зоба и палосыи к зоботу; лоб белый с
 черныи палосой; глаза те и бурныи; обитает
 бурной, и паре-
 ниса пера белые
 обитает с белныи
 кошкой и те-
 кой палосой
 Глаз бурной;
 ноги бурныи;
 рожко-
 рыи; клюв бур-
 ниса с бурн

Вот таким почерком и с такими рисунками была написана книга «Птицы Советского Союза»

Отношение к птицам становится всё более углублённым, разносторонним и менее книжным. В летнее время неустанные наблюдения над пернатыми и зарисовки с натуры производились в лесу.

ной Азии живут индийский лопуховый шибри (*Lobivellus indicus*)

Нашиширига (*Actonaria interpres*) длиной 5 см. Она черного цвета; на голове бугорок; ноги черны; горло, затылок, низ спины и брюшная часть в красном, ореховом, пурпурном и желтом цветах; ноги красные с черными пятнами; глаза карие; клюв черный; ноги желтые. Живет почти по всей земле близ воды, перелетает в море и обратно. Она разводит яйца, редко бывает одиночно. Задние пальцы лапы длинные, но между пальцами нет перепонки; проглатывает несильно втянув шею, оставив только и только бока. Летает по вечерам. Все лето, она сидит в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх. Иногда летит по вечерам в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх. Иногда летит по вечерам в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх.

Шилликовина средней величины, имеет длинную шею и длинные ноги, держит голову вверх. Когда на камне сидит, ноги желтые и гладкие; ноги черные, пальцы с перепонками. Шилликовина (или шилликовина) обитает в камнях; держит шею высоко и голову вверх; глаза карие; клюв черный; ноги белые. Живет от берегов по всему Старому Свету.

Живет на болотах, вблизи морей. Она имеет на голове бугорок и на голове бугорок; ноги черны; горло, затылок, низ спины и брюшная часть в красном, ореховом, пурпурном и желтом цветах; ноги красные с черными пятнами; глаза карие; клюв черный; ноги желтые. Живет почти по всей земле близ воды, перелетает в море и обратно. Она разводит яйца, редко бывает одиночно. Задние пальцы лапы длинные, но между пальцами нет перепонки; проглатывает несильно втянув шею, оставив только и только бока. Летает по вечерам. Все лето, она сидит в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх. Иногда летит по вечерам в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх.

Шилликовина 1/2 от 6

Живет в морях, вблизи берегов, в камнях и в гонимых водах. Она имеет на голове бугорок и на голове бугорок; ноги черны; горло, затылок, низ спины и брюшная часть в красном, ореховом, пурпурном и желтом цветах; ноги красные с черными пятнами; глаза карие; клюв черный; ноги желтые. Живет почти по всей земле близ воды, перелетает в море и обратно. Она разводит яйца, редко бывает одиночно. Задние пальцы лапы длинные, но между пальцами нет перепонки; проглатывает несильно втянув шею, оставив только и только бока. Летает по вечерам. Все лето, она сидит в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх. Иногда летит по вечерам в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх.

Есть птицы, называемые их длинными рыбами и длинными крабами. Воротнички кладут в землю, буроватых, сероватых или желтоватых, с серыми и бурными пятнами на спине. В морях водятся рыбы.

Кроничирига (или кроничирига) имеет длинную шею и длинные ноги, держит голову вверх. Когда на камне сидит, ноги желтые и гладкие; ноги черные, пальцы с перепонками. Шилликовина (или шилликовина) обитает в камнях; держит шею высоко и голову вверх; глаза карие; клюв черный; ноги белые. Живет от берегов по всему Старому Свету.

Воротнички (или воротнички) имеют длинную шею и длинные ноги, держит голову вверх. Когда на камне сидит, ноги желтые и гладкие; ноги черные, пальцы с перепонками. Шилликовина (или шилликовина) обитает в камнях; держит шею высоко и голову вверх; глаза карие; клюв черный; ноги белые. Живет от берегов по всему Старому Свету.

Большой кроничирига (или большой кроничирига) имеет длинную шею и длинные ноги, держит голову вверх. Когда на камне сидит, ноги желтые и гладкие; ноги черные, пальцы с перепонками. Шилликовина (или шилликовина) обитает в камнях; держит шею высоко и голову вверх; глаза карие; клюв черный; ноги белые. Живет от берегов по всему Старому Свету.

Большой кроничирига (или большой кроничирига) имеет длинную шею и длинные ноги, держит голову вверх. Когда на камне сидит, ноги желтые и гладкие; ноги черные, пальцы с перепонками. Шилликовина (или шилликовина) обитает в камнях; держит шею высоко и голову вверх; глаза карие; клюв черный; ноги белые. Живет от берегов по всему Старому Свету.

Эта порода имеет длину около 30 см. Она имеет на голове бугорок и на голове бугорок; ноги черны; горло, затылок, низ спины и брюшная часть в красном, ореховом, пурпурном и желтом цветах; ноги красные с черными пятнами; глаза карие; клюв черный; ноги желтые. Живет почти по всей земле близ воды, перелетает в море и обратно. Она разводит яйца, редко бывает одиночно. Задние пальцы лапы длинные, но между пальцами нет перепонки; проглатывает несильно втянув шею, оставив только и только бока. Летает по вечерам. Все лето, она сидит в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх. Иногда летит по вечерам в камнях, гонимая ее пугаются и летят вверх.

Страницы книги Шуры «Птицы Советского Союза»

Он научился узнавать многие виды в естественных условиях: по пению, по расцветке перьев. Он подолгу наблюдал за повадками отдельных птиц, разыскивал гнёзда, выкармливал птенцов. Одновременно возрастал и теоретический интерес к естественнонаучным проблемам.

Шура очень подвижный — это его характернейшая черта. У него стремительная походка: он так часто и с такой лёгкостью семенил ногами, что это производит впечатление бега. Отправляясь с ним гулять, мы сначала пересекали длинный двор его дома, и за это время Шура намного опережал меня. На улице стоило освободить его руку, как он оказывался на несколько шагов впереди.

Он очень быстро просыпается и быстро, легко встаёт с постели. Для всех домашних заметно, как быстро он засыпает. Перед сном, когда Шура уже в постели, мать обычно читает ему что-нибудь из художественной литературы. Продолжается это очень недолго: вот Шура совсем не сонный, с оживлением слушает, но мать прочитывает ещё одну фразу, и мальчик уже крепко спит. Шура очень быстро готовит уроки. И это не только потому, что они не вызывают затруднений: механическая сторона письма и рисования совершается им необычайно быстро. Он, например, чертит и раскрашивает географическую карту СССР за 46–50 минут. Он быстро говорит.

Я как-то побывал в школе на уроке. Шура держится в классе не так, как все, но и не так, как маленький среди старших. Временами кажется, что так бы вёл себя старший среди маленьких. Когда задают вопросы, он не возбуждается, не стремится к тому, чтобы именно его спросили. Его полусогнутая рука поднималась как бы нехотя и опускалась прежде других. Был случай, когда он совсем не поднял руки, хотя кругом многие тянулись вперёд и вопрос явно не был трудным. Но учительница неожиданно назвала его фамилию. Шура легко встал и без паузы дал быстрый и точный ответ.

Он, видимо, чрезвычайно серьёзно относится ко всему, что происходит в классе. Напряжённость позы и нервное покачивание говорили об усиленном внимании — он ничего не пропускает и не отвлекается в сторону.

Сосредоточенность его на учебной стороне урока создаёт известную отрешённость от происходящего вокруг. Он не только не реагирует на поведение других учеников, но даже своего соседа по парте как будто совсем не замечает. О силе его углублённости в занятия можно судить по такой детали. Он почти до самого звонка не знал, что я сижу позади (мы уже были с ним знакомы). Время от времени в разных концах класса поворачивались то один, то сразу несколько учеников, и с некоторым любопытством поглядывали в мою сторону, и только одна голова, та, с которой я не сводил глаз, ни разу не обернулась. Может быть, потому, что мальчик нарочно избегал

смотреть на меня? Хотя я держал Шуру в поле зрения с первого же момента, как он вошёл в класс, и должен был поймать на себе самый незаметный его взгляд, у меня всё же долго не было уверенности в том, что он, в отличие от всех остальных, действительно не знает о моем присутствии. В этом я совершенно убедился в конце урока, когда Шуру вызвали к доске. Возвращаясь на свое место и случайно глянув в мою сторону, он задержался взглядом, в глазах мелькнуло выражение узнавания, и, сев за парту, он до конца урока косился в мою сторону.

У доски Шура держится застенчиво, напряжённо, отвечать ему нелегко. Он не смотрит на себя со стороны, не любит своего голоса, произносящим умные, учёные слова, как это было заметно у некоторых учеников.

Он весь, всем существом устремлён лишь на то, чтобы как можно правильнее и без задержки ответить.

Когда учительница неторопливо, педагогическим тоном задавала ему дополнительные вопросы, можно было видеть, что его ответы были готовы прежде, чем она замолкала, сразу же, как только становилась ясной её мысль. Это было заметно по лицу и по всей фигуре мальчика; напряжённость сосредоточенного внимания в начале вопроса сменялась выражением облегчения задолго до конца его, и даже заметным становилось нетерпеливое ожидание, когда она, наконец, кончит произносить вопрос. В речи Шуры, при всей быстроте её, легко улавливается процесс её создания, обнаженно выступает самостоятельная работа ума. Это выражается в усилении напряжённости тона и трепетных паузах при каждом повороте мысли, в применении причастных оборотов, сильно сокращающих речь и быстро продвигающих мысль. Он не «выкладывает» то, что знает, а затруднённо мыслит вслух.

Познания его по всем предметам отличаются конкретностью и точностью. Он даже имеет особое пристрастие к мелким фактам, цифрам, собственным именам. Это связано с характером памяти, необычайно цепкой и прочной, Шура не склонен фантазировать, необоснованно предполагать. Ему совершенно несвойственно мечтательное воображение. В неотрывной связи хода мыслей с реальными данными можно видеть предпосылку его естественно-научных устремлений.

Письменные работы Шуры отличаются необычайной краткостью. Не только сами мысли выражены в лаконичной форме, но и объём того, что вводится в описание, крайне ограничен. В письменном ответе на вопрос о содержании «Пироги Гайаваты» (домашняя работа)

читаем: «В «Пироги Гайаваты» рассказывается о том, как индеец Гайавата построил пирог, скрепил её ветвями, для непромокаемости смазал смолой и украсил иглами ежа». В некотором отношении это образцовый ответ — очень ясный, ничего лишнего. Но поэтическая, художественная сторона произведения не нашла здесь никакого отражения. Даже в описании природы, весны (имеются школьные сочинения на такие темы) у Шуры только оголённая, деловая речь без намёка на эмоциональность или воображение.

Изредка встречаются не вполне верные обороты. Например: «Среди грязного, скоро стающего снега стоят деревья». Неправильность выражения «скоро стающего снега» очень характерна для Шуры — прямолинейность, рациональность его речи превышает грамматические возможности языка.

Недостаточность, бедность Шуриных строк становится особенно заметной при сопоставлении с сочинениями других учеников. В их работах больше ошибок, но зато есть бездумная свежесть, непосредственность. Наукообразная сухость книги о птицах является стилем всех сочинений Шуры.

Но зато в его разговорной речи много юмора, выразительности и особого интереса к словам. Мы идём по улице, вдали виднеется высокое здание, похожее на церковь. «Какой-то собор», — произносит кто-то. «Собор?» — удивился Шура и тут же начал осмысливать и переосмысливать необычное слово: «собор — собираться, сбор, сбор- собор, пионерский собор...». В течение многих секунд вертел он это слово на языке, анализируя, каламбуя. Идём по Охотному ряду. «Охотный...какая же тут охота? Мы идём охотно или неохотно? Мы идём охотиться?» — бормочет Шура, улыбаясь. Он прекрасно понимает, что название улицы уже давно потеряло смысл, и задаёт вопросы не ради ответа. Ему нравится играть словами, вдумываться в них, вслушиваться, неожиданно обнаруживать новый смысл. Стоит появиться в разговоре слову, поддающемуся игре, и Шура не упустит случая. «Госпожа министерша», — читаю я вслух театральную афишу, и Шура тут же подхватывает, переиначивает: «Госпожа миллионерша, госпожа милиционерша...». Это постоянная манера мальчика.

Слова задевают его, будят мысль, рождают улыбку.

Словарный запас большой. Он владеет такими «взрослыми» словами, как «исчезновение», «неприятность», «срочно», «благодарность» и т.п. Вместе с тем, он как будто ещё не привык ко многим обыденным словам. Они полны для него первозданной свежести и новизны. Такие слова, как «вереница», «сутолока», «прохожий», «оживление»,

«просмотр» и многие другие вызывают радостный интерес, желание обыграть, примериться, активно овладеть ими. Для него ещё не существует языковых штампов. Его развернутые высказывания — это всегда затруднительный творческий процесс, где очень многие слова как бы имеют свою индивидуальность, заметную для мальчика. Чувство слова особенно выступает в непередаваемой интонации Шуры.

По вопросу о причинах несоответствия его устной и письменной речи можно заметить следующее. Для Шуры сочинение — это весьма уважаемая, серьёзная работа, которая всегда имеет только одну цель — передачу нужного содержания. По-видимому, он здесь не допускает даже возможности нарочитой выразительности: деловые писания не могут для него пока стать местом для словесных упражнений. Независимо от специфики различных видов речи уже само отношение ребёнка к сочинениям и разговорам определённым образом обуславливает различие в их характере.

Читает Шура очень много. Характерно, что он отдаёт предпочтение научно-популярной литературе перед художественной — первая ближе соответствует его научной склонности и познавательным интересам. Кроме того, затруднённое чтение научного текста, видимо, даёт большее удовлетворение как умственная деятельность.

В художественной литературе он весьма начитан. Дома стоит книжный шкаф, полный книг; на полках теснятся тома Пушкина, Гоголя, Тургенева. Шура всё это уже прочёл. О широте его читательских интересов может дать представление отрывок из письма мальчика в Москву, написанного летом на даче: «Дедушка мне привёз том Диккенса «Тяжёлые времена», я его кончил, он мне очень понравился. Теперь я читаю Сетона-Томпсона, и эта книга мне очень нравится. Ещё я читаю книгу Шлимана, и она очень интересная. Ещё у меня есть Лермонтов...».

Умственное развитие Шуры, по-видимому, превосходит развитие ученика 5-го класса. Приведу несколько примеров.

1. Я однажды спросил его: «Знаешь ли ты, сколько всего людей живёт на Земле?». Я ожидал встретить недоумение, даже непонимание, о чём спрашивают, но услышал быстрый ответ: «Около двух миллиардов».

5. Мы остановились перед стройкой, чтобы посмотреть на работу огромного подъёмного крана. Через некоторое время Шура оживлённо заметил: «Машина вздумала подвинуться к нам!». Я удивился: «Как странно ты выражаешься, разве машина может думать?». Девятилетний мальчик ответил буквально так: «Это метафора, а метафора обычно связана с олицетворением».

3. Я предложил ему вопрос из какой-то викторины: «Назови море без берегов!». Шура даже подпрыгнул от удивления. Добившись объяснения (Саргассово море), он тут же обратился ко мне: «А Вы назовите реку без берегов!». Я затруднился ответить. «Гольфстрим», — усмехнулся Шура.

4. Речь шла о Фабре, авторе книги «Жизнь насекомых». Шура отозвался о нём примерно так: «Фабр не настоящий учёный; учёный должен знать всё, что известно, а Фабр описывает только то, что видел. Вот Брем знает и пишет гораздо больше, чем сам видел, он — большой учёный».

Здесь интересна самостоятельность и обобщающая сила мысли, но прежде всего надо удивляться самому факту, что мальчик, читая книгу, задумывается об её авторе, оценивает его как учёного. Для пятиклассников обычно авторы просто не существуют: есть книги, как есть явления природы, и пока никого не занимает их происхождение.

В приведённых примерах зафиксированы не какие-то исключительные удачи Шуры. Подобные по значимости ответы, касающиеся самых разных областей знания, от него можно услышать в каждом разговоре.

Шура нередко пользуется энциклопедией и словарём иностранных слов, т.е. владеет некоторыми элементарными навыками совершенно самостоятельной работы. Для ученика 5-го класса это очень необычно: пятиклассники, как правило, не умеют самостоятельно находить нужный материал и с помощью книг искать ответы на вопросы.

Собранность, напряжённость психики, готовность к напористой умственной работе — постоянное свойство Шуры.

Его повышенная активность проявляется не только в умственных занятиях. Любому времяпрепровождению он отдаёт массу энергии. Весь день его — деятельность, напряжённая трата сил. Во время прогулок его неутомимая подвижность и жадный интерес ко всему окружающему обращают на себя внимание прохожих.

Начало весны. На улице холодно и сыро, но у Шуры приподнятое настроение. Ему всё доставляет удовольствие — сильные порывы ветра, заставляющие останавливаться, большие лужи, покрытые льдом, скопление транспорта на перекрёстках. Я держу его за руку, но он тянется в сторону и, не сознавая, что ему мешает, силится освободить руку. Он смотрит себе под ноги и по сторонам, находя повсюду многое, чего бы я сам никогда не заметил. Он задевает ногами и отбрасывает в сторону всё, что ни встречается на пути: куски льда, деревяшки, просто мусор. Вот он поднял какой-то чёрный комок, и, когда грязь с

него перешла на варежку, я увидел, что это шарик. Он некоторое время подбрасывал и ловил его свободной рукой, а затем спрятал в карман, чтобы иметь возможность поднять весьма невзрачный пруттик. Этот пруттик сопровождал нас до конца, и Шура он очень пригодился: он протыкал им лужи, хлестал по изгородям, а когда попадались места, где сохранился снег, полосовал его тёмными линиями. Обострённая чуткость восприятия и быстрота реакций, обнаруживающие высокую мобилизованность психики, характернейшее свойство мальчика.

При чтении художественной литературы Шура нередко вслух выражает избыток чувств, иногда близок к тому, чтобы заплакать. Это тем более показательно, что он сдержан и эмоциональные переживания свои обычно скрывает. Но вспышка ревности к матери из-за сестры или особая нежность к подбитому птенцу иногда неожиданно обнаруживают тонкую чувствительность ребёнка.

Но центральное значение, несомненно, имеют у Шуры собственно интеллектуальные особенности. Прежде всего, обращает на себя внимание быстрота мыслительного процесса, которая, однако, не мешает устойчивой направленности внимания. Шура не только быстро соображает, но зачастую длительно развивает свои мысли.

Нередко его стремительные высказывания поражают исчерпывающей полнотой. Например, на вопрос, какое время года он больше любит, мальчик ответил так: «Ну, конечно, лето: во-первых, летом каникулы, во-вторых, я буду жить на даче, в третьих, можно бегать босиком, в четвёртых...» — и в такой форме он перечислил шесть пунктов. Другой пример. Мы беседовали с ним о книге Ильина и Сегал «Как человек стал великаном». На вопрос, какое значение имело наступление ледникового периода, Шура последовательно рассказал сначала о климатических изменениях, потом о влиянии ледника на растительное и животное царства, затем о значении этих событий для наших далёких предков.

В ответе, произносимом скороговоркой и вместе с тем очень длинным, исчерпывающем, хотя он и не говорил «во-первых», «во-вторых», была такая же логическая ясность и полнота, как и в первом случае.

Ум Шуры отличается чёткостью и систематичностью.

Ясность и последовательность в изложении обращают на себя внимание в его устных высказываниях и письменных работах. «Мальчик умственно организованный», — отозвалась о нём учительница математики. Система и порядок в мыслях и знаниях, умение найти или создать этот порядок вызывают к нему уважение со стороны учащихся. Ученик, которому он иногда помогает делать уроки, расска-

зывал, что у Шуры «всё по порядку, он знает, что после чего идёт, — лучше, чем в книге».

Систематичность ума Шуры опирается на способности к анализу и обобщению. Его аналитические данные с достаточной определённой выступают не только в занятиях птицами и бабочками, где он умеет заметить и учесть незначительные изменения цвета и формы, но и в школьном учении. Шура любит находить корни слов и легко разбирает сложные грамматические конструкции.

На уроках истории и литературы он умело вычленяет отдельные стороны явлений; например, характеризуя деятельность Карла Великого, выделил для своего ответа свыше десяти пунктов. На уроках математики его иногда просят пересказать своими словами трудную задачу из книжки с целью получить таким образом ясный разбор задачи.

Не менее убедительно проявляется и обобщающая сила его ума. «Книга о птицах», составленная из нескольких источников, отличается большой цельностью, а вводные разделы к каждой главе (таких глав 24) охватывают материал отдельных частей. Способность к обобщению обнаруживается в его ответах по истории, когда он даёт обзор какой-нибудь эпохи, или по математике, когда Шура сам формулирует правила решения одностепенных примеров. О силе его абстракции можно судить по сочинениям, которые, как отмечалось выше, необычайно кратки и содержательны; в них решительно отброшено все второстепенное.

Важное интеллектуальное свойство Шуры может быть обозначено как высокая продуктивность ума (частое и неожиданное возникновение новых мыслей). Во время разговора и совместных занятий он нередко мгновенно переключался на совершенно не ожидаемую, новую точку зрения, и при этом не терялось основное направление рассуждений. Новые мысли появлялись так, как если бы он их непрерывно развивал про себя одновременно с разговором.

Например, однажды Шура показал мне мёртвого жука, пойманного летом, который якобы задохнулся в его коробке. Я выразил сомнение в том, что жук задохнулся, и предположил, что он умер с голоду или от тоски. Шура сделал хитрые глаза: «От тоски — может быть, но от голода они так быстро не умирают».

И тут же, спрятав жука обратно, продолжил: «Отчего он издох, я, конечно, не знаю, но жук нигде не повредился. Пускай мотылёк живёт один день, а курица — четыре года, отчего бы ни умер, он ценный для коллекции». Разговор о жуке продолжался, и Шура не

сбивался с него. Однако неожиданная реплика о мотыльке и курице (видимо, завершающая определённую мысль) показывала, что он успел задуматься и о сроке существования, что его деятельный ум не поглощён полностью ходом разговора — быстрая мысль рвётся в новых направлениях, с лёгкостью выполняя дополнительную работу не в ущерб основной.

Иногда кажется, что его мысли идут сразу по нескольким направлениям. Из-за этого разговаривать с ним бывает нелегко: приходится быть настороже, чтобы суметь правильно понять, не пропустить чего-либо, не отстать. Но таков Шура только в непринуждённой болтовне. Когда он сознает ответственность выступлений и специально стремится быть понятым, например, отвечая в классе, и особенно в письменных работах, его логика не прерывается лишними замечаниями; он становится напряжённо скупым на мысли, и высокая продуктивность его ума непосредственно не обнаруживается.

В Шуре очень много детского. Он охотно играет в индейцев, разукрашивая себя перьями, пачкая лицо татуировкой. Не прочь и «просто так» скакать и резвиться, вызывая негодование бабушки. В начале знакомства он поражал меня своей ребяческой шаловливостью.

Когда, возвращаясь домой после первой прогулки, мы поднялись по лестнице, он неожиданно стал на четвереньки и в таком виде передвигался почти целый этаж — весьма несолидно для ученика 5-го класса.

Юный возраст Шуры сказывается и на школьных занятиях. Преподавательница литературы отмечает у него «психологическую наивность»: при анализе литературных произведений он очень наивно, иногда неверно понимает мотивацию героев. Он не сумел объяснить отношений Маши Троекуровой и Дубровского, запутался в толковании «Метели». Видно, душевные движения, переживания не являются для него объектом внимания; только нехотя, понаслышке он может что-нибудь об этом чуждом и неинтересном рассказать. Вся сфера людских отношений, личных и общественных, воспринимается им ещё совсем по-детски: взрослые живут в каком-то своём мире, и он даже не посягает на то, чтобы разбираться в этом.

Естественная шаловливость его и «психологическая наивность» не являются выражением какого-то умственного недостатка. Перефразируя известную поговорку, можно сказать так: Шура ребёнок, и ничто детское ему не чуждо. В этом нельзя усмотреть ничего, кроме душевного здоровья его.

Особо следует отметить то состояние удовольствия, которое вызывает у Шуры интеллектуальная работа. Я замечал, что ему приятнее всего слушать меня не тогда, когда я рассказываю вещи, наиболее интересные по содержанию, а тогда, когда выражаю мысли в виде логического построения. Иногда я пробовал говорить, усиленно «логизируя», стараясь усложнённо и строго последовательно развивать мысль, применяя слова «в результате», «отсюда следует» и пр. В тех случаях, когда мне это удавалось, мальчик весь разгорался, напряжённо и радостно следя за ходом рассуждения.

Наблюдения за Шурой нередко обнаруживают, что он как бы не полностью включается в деятельность, а немного смотрит и со стороны, сохраняет некоторое критическое отношение. Иногда у него бывает замечательное выражение лица. Произнеся какую-нибудь длинную тираду, он как бы вдруг спохватывается и лукаво, слегка смущённо улыбается.

Улыбка у него разумная и многозначительная. Улыбка Шуры заслуживает особого внимания.

Шуре свойственно чувство юмора. Он нередко шутит, острит. Об этом дают некоторое представление примеры, приведённые для характеристики отношения его к словам: он не просто манипулирует словами, а специально стремится, чтобы получилось смешно. И при этом улыбается. Но его весёлая улыбка очень быстро исчезает, сменяясь совершенно своеобразной, как бы виноватой улыбкой. Эта странная улыбка возникает не только как «последовательный образ» весёлой улыбки, но появляется и тогда, когда вообще нечему улыбаться.

Шура никогда долго не разговаривает с серьёзным видом, а часто улыбается, и многие поступки его сопровождаются таким же выражением лица.

Выразительность его улыбки нельзя определить одним словом: в ней слиты два выражения — виноватости и иронии, и она производит одновременно впечатление улыбки взрослого и улыбки ребёнка; улыбка ребёнка застенчивая, виноватая, а улыбка взрослого — ироническая, снисходительная. Забавляется Шура, наряжаясь индейцем, а на лице, извиняющаяся, виновато-ироническая улыбка. Он даёт вдумчивый, серьёзный ответ о влиянии ледникового периода — и тоже виновато-иронически улыбается. Получается будто бы так: он нарядился индейцем потому, что ему так хочется, для него это естественно, но одновременно он же сам понимает, что это — детская глупость, и поэтому перед посторонним он виновато-иронически улы-

бается. Отвечает о ледниках, умнее, серьезнее рассуждать не может, но сознает, что это всё-таки не настоящий, а только детский ответ, — и виновато-иронически улыбается. Это ирония над самим собой.

Как-то выяснилось, что по дороге в школу он заходит за одним мальчиком, и потом они идут вместе: «Ты что, с этим мальчиком дружишь?» — спрашиваю его. «Нет, идём подсвистываем», — объясняет Шура, и та же улыбка бродит на лице. Ответ, вероятно, очень искренний и точный. Наверное, именно потому, и только потому, заходит он за мальчиком, что ему приятно идти вдвоём и «подсвистывать». Он улыбается, чтобы дать понять, что сознаёт относительность, детскость своих поступков, улыбается примирительно, виновато оправдываясь. Улыбка должна показать, что он сам реально это оценивает.

Речь зашла об одном ученике, который хорошо рисует. «Как он учится?» — спросил я. «На колах и парах», — сострил Шура. От этого выражения только едва вспыхнула на мгновение весёлая искорка — и опять та же усмешка. Как будто постоянная мнительность разъедает непосредственность ребёнка, ему стыдно, он не осмеливается быть самим собой. Улыбка должна опередить наблюдателя и показать, что он сам над собой иронизирует.

Улыбается ли Шура, когда он один? Возможно, что да, но только потому, что это уже стало привычкой. По своему смыслу улыбка обращена к зрителю, к свидетелю, она — оправдание перед посторонним. Здесь проявляется основное противоречие Шуры: по развитию умственных способностей, по знаниям — он подросток, а в остальном — ребёнок. Стыдливое сознание детскости сопровождает его внешнее поведение.

Очень возможно, что ироническая сторона Шуриной улыбки есть отражение чьей-то взрослой откровенной усмешки над «вундеркиндом». Чтобы пережить правоту такой усмешки, мальчик должен был многократно убеждаться в относительности своего ума, своих поступков и высказываний, должен был понимать, что он всегда остаётся ребёнком, который может быть только забавным. И получилось так, что он стал говорить и поступать, примирённый с тем, что все это не вполне настоящее. И от такого сознания должна была возникнуть его застенчивая, виновато-ироническая улыбка.

Улыбка Шуры по поводу собственных высказываний и действий — выражение самой глубины его интеллекта, его рефлексии. В этой улыбке — самосознание его. Трудно сказать, является ли такая рефлексия положительным свойством, не расхолаживает ли она, не

ослабляет ли напор, необходимый для всякого успеха, но во всяком случае отмеченная особенность означает отсутствие самодовольной ограниченности и заключает в себе определённые стимулы к умственному развитию.

Несколько слов о характерологических особенностях ребёнка. Шура не из числа детей открытых, тянущихся к людям, нуждающихся в ласке и поддержке. Он никогда сам не расскажет о своих делах. Только на родительском собрании узнала мать о работе сына в стенной газете, а в другой раз о том, что он регулярно занимается с таким-то учеником. Настойчивый, деятельный, он всегда остаётся противостоящим, внутренне обособленным. Крайнюю самостоятельность и упорство проявляет он в неустанимом стремлении заниматься.

Любовь к труду, повышенная потребность в умственной деятельности — это, пожалуй, основная его особенность. Он не знает, что такое скука и что такое лень. Шура умеет работать в неблагоприятных условиях: его можно видеть занимающимся во время шумной, весёлой перемены в школе, дома — среди громкого разговора. Он способен, занимаясь, не подниматься с места в течение 3–4-х часов, хотя сидит очень беспокойно, вертится, принимает неудобные позы. Удивительно в мальчике сочетание усидчивости с подвижностью. Не менее замечательно его стремление доводить всякое дело до конца. Когда его отрывают для чего-нибудь от занятий, он просит подождать немного, торопясь завершить хотя бы часть работы. Любит ручной труд: вырезает из фанеры, лепит, строгают оружие из дерева. Кроме собственно учебных занятий, сколько дел он уже переделал на своем коротком веку: собирал марки, построил несколько моделей самолётов и целую флотилию судов, сделал сотни рисунков птиц, начертил многие десятки географических карт, исписал несколько тетрадей сведениями о животных. И без конца читает. Своеобразие биографии Шуры в том, что у него не было дошкольного детства: с четырёх лет он стал фактически школьником и с тех пор неутомимо, каждодневно учится.

Шура сам тянется к умственной работе, испытывает удовольствие трудясь. Наблюдая его активность в играх или на прогулке, можно понять, сколько импульсов бывает у него подавлено во время работы. Повышенная потребность в умственной деятельности пронизывает весь его психологический облик, Шура прежде всего — деятельное существо...

Познакомившись с Шурой, я, естественно, стал интересоваться другими случаями ранних проявлений общих умственных способ-

21/II-61.

Здравствуйте, Наталья Леонидовна!

Только на днях прочел Ваше письмо: я больше
наслажда не был дома.

Хочу поблагодарить Вас за добрые слова
и за повесть сведения о Саме, которые мне, конечно,
интересны.

Вот он какой – и в молодых делах вперед думит!
Я тоже беру в Сашу и надеюсь еще куда-нибудь
со стороны узнать о здоровье Кишинского и его
работках.

Всегда вероятно, что с точки зрения бытовых
нужд, я изобразил Сашу в кривом зеркале.
Вы об этом не написали, поэтому, только из
дальности. Мне самому кажется иногда так
кажется – все я был тогда не слишком опытный
педагог. Поэтому и имя его решил изменить.

Тогда немного лет сын Саша будет того же
возраста, в котором я знал его самого. К этой
мне пока не удалось привязаться.

Вам, наверное, труднее, чем Саме на Камчатке:
и за маленьким следить, и о большом беспокоиться.

С самым лучшим чувством (и с какой-то
грустью, что это был так давно) я вспоминаю
о нашей знакомстве.

Ваш был упоминание в письме о Вашей маме.
Передайте ей от меня поклон.

От души желаю Вам и всей Вашей семье
всего наилучшего.

Ильяма

Письмо от 21 февраля 1961 г. исследователя детской одарённости, доктора психологических наук, профессора Натана Семёновича Лейтеса (1918–2013) маме Саши Наталье Леонидовне Кишинской (1904–1994) о том, как он описал её сына-вундеркинда в своей только что изданной книге.

ностей. В разных школах удалось найти нескольких детей Шуриного возраста, о которых учителя и все окружающие говорили как о необыкновенно способных в умственном отношении. Эти дети были взяты под наблюдение.

Мои новые знакомые оказались очень разными по особенностям ума, по направленности интересов, но все они обнаруживали необыкновенное стремление к занятиям. Мне довелось познакомиться с настоящими маленькими тружениками, которые в своей настойчивой тяге к работе не уступали Шуре.

Во всех случаях раннего проявления общей одарённости было, несомненно, значение трудолюбия как источника успехов.

Детская тяга к труду замечательна не только количественной стороной, но и тем влиянием, которое она оказывает на самый процесс деятельности. Тяга к работе захватывает всю личность ребёнка, обуславливая не только темп развития, но и качественный уровень достижений. Склонность к труду выступает как проявление самой одарённости.

Из: Натан Семёнович Лейтес. Об умственной одарённости. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1960. С. 11–28.

Письма Саши, написанные маме в разные годы

1/8/42
Дорогая Мамочка!
Поздравляю тебя с Новым Годом. Иду тебе. Приезжай поторопи! Я был на елке у Н. Звони Васи в школе. Я ходил с Варей, Митей Вали и Манюшей. Елка была очень большая и наряд-

1/1/42
Дорогая Мамочка!
Мы 1ое Мая провели хорошо. Я от Вари получил 3 песочницы и савочек такой прочный что он даже не ломается как тот который привезла ты. А от Вари булочки 2 с обжарками и 6 булочек кориандровых тоже с обжарочками. И еще шур-

29/1/42 года.
Дорогая Мамочка!
Видно получил твое письмо от 11/1/42 г. Я вычитал 100 кл... Путашицу мы получили давно (вот писала). А у нас теперь прохладно +24° тепла, а то была жара +40° тепла. Мы уже посадили свеклу, подсолнухи. На дереве китайские яблоки уже есть два

13/2/42
Дорогая моя Манюша!
Мы вчера ездим кататься на лодке. Девочки Лидка и Кира купались. Раньше мы катались а потом высадили дедушку и дядю саать собирать урожай на огороде. С друного огорода мы срываем зеленые незрелые помидоры и они у нас созревают уже и

Дорогая Мамочка!
Поздравляю тебя с твоим днём
рождения и желаю всего хо-
рошего. Искренне твоя
19/12

Дорогая Мамочка!
Я и дядя Валя сегодня ходили в кино, смотрели картину "Болбочи". Встретили себе друзей, знакомых дяди. Валя из института. Хартима очень интересная. Болбочи-алеки. Рассказывали с тем, как Болбочи из маленького аленчика превратился в сильного аленца, о том, как убил его мать, о его друзья зайцы, о сильном, старом, добром, опытным аленце-отеце, о семье, о зайчатке, барсуке, о маленьких птичках, в рощице, дельце, о сильном алене, погнавшимся в Болбочи изда малюдой аленичкой, о лесном пожаре, устроившем людям Дело происходило в Америке. Водича фильм очень понравился. Сая прервала работу, она работает в ресторане и в клубе.

Дорогая Мамочка!
Письмо твоё от 28 получили. От Нины Савиленковой я не получила ни одного письма. Читала я много и читала много, тебеду прочли Буржана, которого ещё не отдали Рысу и строго много, а гадать во дворе и на яслах, а на Наворничу ходил много раз. Правда, крепко пахли, алаки, садовы, сорняк и вагон, на Наворничу много интересного. Того же больше интересного не было. О Буржанке, у нас в саду, на улице. Многие навозники производились благодаря скворцам, где уже поселился тот, а уж кой она приметивела, собласт к нежности, ведёт до нападения воробьев на скворца, скворца и уже дальше скворца.

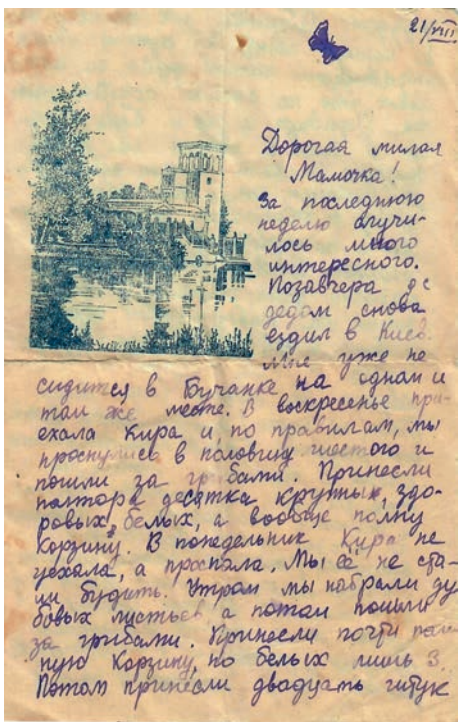
30,9, а сегодня 31,9. Новостей больше никаких. В пятницу приехали Ава и Валя, ходили 3 раза в лес, но ушибов, угаки 3 сыроежек, не нашли. В воскресенье они уехали. Я уже подумываю об ловле птиц и хочу сделать клетки. Как-то я поймал горножужеличного ртеница, но не успел донести до гнезда, он улетел. Немно много много был.

Дорогая Мамочка и дядюшка!
Твоё письмо от 17-го мною получено. Живём мы в Буржане прекрасно. Все здорово. Мои дни пока были хороши, дождливо, а потом переменялось и стало солнечным, сухим и жарким. Грибов ещё не было, зато грибы в расцвете. Замычки и тертики очень много, а дуринку и дуринку маму будем собирать вместе с Лидой. Птицы я видел очень много, но видов в роще мало. Все очень красиво: синицы, иёлка, зяблики, сойки, альбатусы, горножужеличные. Намы 10 звезд, не с Лидой только гетере. Шли мы пострелили и с одной стороны заботы же встанки. Намы Кортева с мамой и сестрой уже уехали в Болград.

17/12-1946 г.
Дорогая Мамочка!
Письмо твоё письмо с картинкой в нём. Ярко горнично мной в институте, я Буржане переживаю эту работу очень. Ягода садовника много искала, так как, вот дядя Валя хотел взять листья в Вайна и упротал. Очень интересно мне заниматься. Но дуринке приехали отучиться, и об их же Завалиева. Об уже читали английские рассказы и забавный расскази были рифмичей скворца. Занимались не по учебнику, а по классу, а по учебнику. Но курса. Ягода мне себе не отдала, и она у нас.

Сегодня мы ~~ещё~~ оставили птиц с Кортевой, но не успели. У дуринки сегодня два жёлтосова, в обоих их инстинктах. Алаки, это прирост в шести часов. Но в половине седьмого зарплатил трам, и в семь раздалась такая проливка, что на дворе остались от земли одни ветровки, остальную часть запылила водой. Дуринка ещё не возвратилась. Гроза короткая, но сильная. Продолжается недало, притаман, а через пять минут отти: и отти, и отти... Так это она очень длинная.

21/III

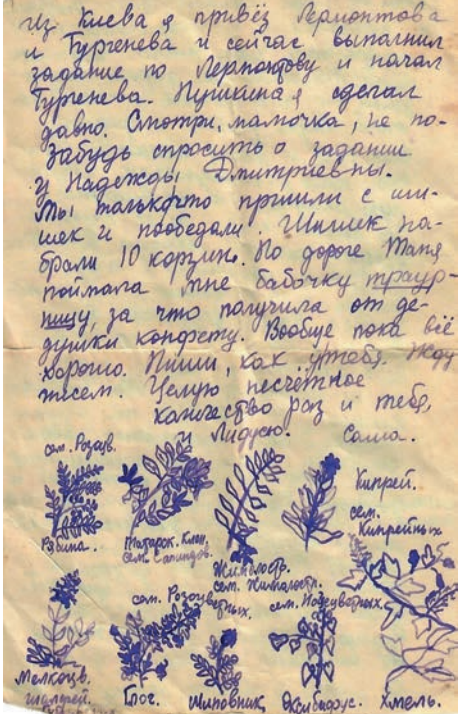
Дорогая мамочка!
Машонка!

За последнего неделю случилось много интересного. Позавчера с дедом ездил в Киев. Мне уже не сидится в Буражке на одном и том же месте. В воскресенье приехала Кира и по правилам, мы проснулись в половине шестого и пошли за гр. Батю.

Поклеили патера в девятке, крутые, здоровых, белых, а вообще пошли Корзину. В понедельник Кира не пришла, а пришла. Мы с ней едем и бурдот. Утром мы набрали дубовых листьев, а потом пошли за грибами. Поклеили погди пачку Корзину, но белых лишь 3. Потом принесли двадцать штук

зрелых: бабушка их намочила и теперь саиб. Вот пусть куда поглядит нашей удаче и покажет, что не стоило осырять даише. Позавчера с дед и Кира поехали в Киев и пошли на Наво-мичуку. Сначала пошли мы с Енрой потом, когда мы нашим доише и ободрали огуры, смывы и пампировы, пришли дед, а также Вера с Маней. Мы порвали зрели, собрали и пошли домой. На Навомиичукой горке я был в зр. разе 4 раза: 3 раза один и 1 раз с Верой и Маней. Ходим на пошуу дяди Васи. Маня (на горке) набрал много вещей от разных кустов: татарского клева с желтыми цветами, вяза, рябины, вишневости, бузины, а также осырадоше с плодами и плоды хмеля. Оксидарше высушить растение зрели пачка. Набрал также много трав раз-ных еленесть. Вообще время провел очень хорошо. С большим удовольствием и вознаграждем дачой. Вспом, пожалуйста нам, в

своей огороде боевой, т.е. с ружьями за пилгами и фотографическим аппаратом через много илажен Валу. Мы, став на дороге, напузили его чаш поили, и пошли за-той. Кира далеко опередила всех, а я и Вала нажали ей, и она нам рассказывала страш-ную сказку про привидение, это была даише даише тужи. Вера с нами поехали 8.44-10.00. Злобавил растение в воду, и теперь они отомши и з их по-ушли. Вера дедушка, Кал, Вера и я пошли на грибах. Набрали много масла, зупо-ти не покарзину. Мы с дедом пошли до мавлат на одном месте. у нас посетили новые дачники: Костом минимирер Сан Порт-Артура с пелкой и сымадошюк. Приехали Вера на ма-шине и всю вечерку заочно зава-рили вечерки. Понедельник Куршуу. Понедельник уезжает Маня с мамой и бабушкой. Вера ходила купаться на Рудно погдили рыбку, много же выгудили и пошли дачой. По дороге я написал бабину герберу

**Из дневника старшей сестры Саши, Лидии Александровны
Кищинской (1927–1967), лето 1946 года**

Саша и Лида Кищинские, 1946 г.

10.07.46 г.

Вчера вечером приехала в Бучанку. Саша встретил меня очень весело и радостно. За это время, что я его не видела, он очень окреп и поздоровел, стал румяным и значительно более спокойным, чем раньше. Увидав меня, он сразу заинтересовался, что я привезла, и очень огорчился, узнав, что я не привезла грамматику. Он здесь занимается английским, геометрией и алгеброй. Занятия его не тяготят, он работает с увлечением и заметно сам торопится вперёд. Остальное время проводит в лесу, наблюдая за птицами, их повадками, их гнёздами. Вчера мы часов в 8 пошли погулять в лес. Он рассказал мне, что нашёл 12 гнёзд, из них 4 с яйцами, описал внешний вид гнезда и яиц. Когда видит в лесу птицу, забывает обо всём или бежит за ней, или тихонько подкрадывается и смотрит, а потом подбегает и рассказывает, что это за птица. Мы проходили мимо одной дачи, где живут наши знакомые, мне не захотелось заходить к ним, и мы обошли дачу стороной, но Саша увидел вдалеке девочку из этого дома. Вон красавица Ирина, красавица Ирина — потянул он меня к

ней. «Почему она красавица»? «О! У неё такие косы, и вьются, вьются до плеч». «Сколько ей лет»? «Восемь». «Она нравится тебе»? «Да, мы с ней играем каждый раз, как приходим к ним». Он ещё раз посмотрел в ту сторону, где промелькнула девочка, но скоро отвлекся цветами. К цветам и вообще к растениям относится очень бережно. Как-то он бросился в куст ивняка и начал его тормошить «Что ты делаешь? Ведь это живое дерево, ему больно». Он медленно вышел из куста и отпустил ветви. Он заглядывает в каждый густой куст, в каждое подходящее место, ища гнездо. Он любит найти гнездо и наблюдать как из яиц вползплются птенцы, как они растут, и возмущается, когда находит эти гнёзда разоренными.

Вчера ему подвезло. Внезапно он увидел на вершине какой-то сосенки птицу, незнакомую ему. Он ходил вокруг неё минут 5, осмотрел её со всех сторон, наблюдал её полет, а потом подробно описал мне её внешний вид и оперение. Потом он бегал по лесу. Очевидно, воображая себя воином. Вернувшись в половине десятого, лёг спать.

Проснулся в 7, встал в половине восьмого, помог в уборке комнат, поговорил со мной, позавтракал и сейчас, полулёжа на кровати, читает привезённую мной книгу Э. Сэтон-Томпсона «Моя жизнь».

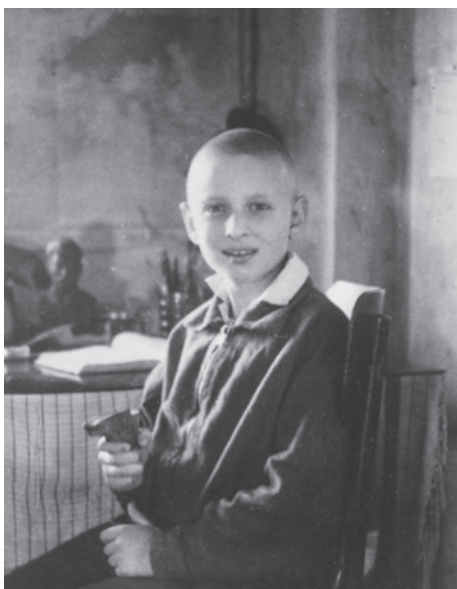
Книга должно быть очень близка ему, и он не может оторваться. Урок английского языка откладывается. Да, перед сном любит поговорить с бабушкой о птицах, о книгах, об истории (и всемирной, и русской).

Вечер. Днём Саша читал, немного гулял со мной, скакал диким индейцем по двору. Он несколько раз видел фильм «Пятнадцатилетний капитан» и теперь часто прыгает, подражая «великому Мганге». Занимался английским, написал маме письмо. За обедом расплакался о чём-то, кажется о том, что бабушка налила суп не в ту тарелку, из какой он привык есть.

Бегал к одному из наблюдаемых гнёзд и вернулся, с восторгом рассказывая о том, что маленькие горихвостки подросли. Сейчас ушёл с дедом за шишками. Бегаёт босиком по всему лесу и гораздо больше похож на девятилетнего мальчишку, чем в Москве.

11.07.46 г.

Саша встал в 8, после завтрака занимался английским. Занимается он обычно так: спрашивает у бабушки об интересующем его, и урок проходит в форме консультаций. Любит задавать вопросы относительно связей английского, немецкого и французского языков,

Саша в год описания сестрой Лидой в своём дневнике лета 1946 г. в Бучанке под Киевом.

но эти вопросы носят несколько неестественный характер, как мне кажется.

Вероятно, когда-то ему сказали, что это полезно, и вот он старается. Затем он долго бегал по лесу. Сделал лодку с парусом (лодка из коры, парус — бумажный). Занимался геометрией. Но я на уроке не была. Он слушает теоремы и объяснения, а затем сам пытается доказать теоремы. Сейчас к нам пришла «красавица Ирина», и Саша уходит с ней в лес за шишками. Корзину носит сам и рассказывает «Ирине» о птицах. Настроение несколько приподнятое, за Ириной заботливо ухаживает — повел её в свой шалаш, принёс ковер и цветы, которыми украсил свой дом.

13.07.46 г.

После ухода «Красавицы Ирины» Саша гулял со мной в лесу, где всё искал птичьи гнёзда. Вечером бегал по всей усадьбе вслед за перелетавшей с дерева на дерево сиворакшей. Произошёл один неприметный инцидент: он не в меру расшалился и нагрубил мне, а я в шутку слегка ударила его концом своего пояса. Удар был несильным, но обида ужасная, он расплакался, но плакать ушёл от меня в лес. Однако, успокоившись, вернулся как ни в чём не бывало.

Вчера я ездила в Киев и поэтому Сашу почти не видала. Встретились мы только вечером за ужином. Он очень обрадовался моему возвращению и разговаривал ласково.

Сегодня с утра ходили несколько раз в лес за шишками и цветами. Он бегает по лесу без боязни, азартно гоняется за бабочками, охотно помогает в работе по дому, особенно любит колоть дрова. Делать это он научился этим летом и с увлечением рубит небольшие ветви. Сейчас занимается математикой. Геометрия ему больше нравится, чем алгебра. У него характерная особенность: он не выносит замечаний и противоречит, всегда обижается и делает наоборот.

15.07.46 г.

Вечером 13-го ходили на реку. Саша всё время хотел в воду, но в воду его не пустили, и он только бегал за птицами. Доставал камыши и увлекся охотой на жёлтые кувшинки. На обратном пути вез ветки для отопления. В 9.30, как всегда, лёг спать.

Вчера с утра ушёл с дядей далеко в лес. Ходил с 9-и до 1 часу. Домой вернулся усталый, но ликующий, поймал около десятка самых разнообразных бабочек, узнал названия и припрятал их для коллекции. Потом лежал, ходили провожать дядю и тетю. Ходил по рельсам, искал кремни, пытался выбить искру. Вечером мы с ним опять пошли гулять. Я осталась на месте, а он с альбомом и карандашом убегал куда-то далеко и возвращался чуть ли не через час, принося рисунки ворона, полевого воробья и т.д., сделанных с натуры. Потом, сев около меня, отработывал сделанные эскизы, а затем, отложив всё, выстроил из песка изумительную крепость, окружённую стеной с воротами. На обратном пути собирал шишки и вызвался нести довольно тяжёлый мешок и нёс его довольно долго. Причём пел, что случается с ним редко. Был очень весел. По дороге встретили «красавицу Ирину» с бабушкой и двумя мальчишками, они тоже несли шишки. Саша обратил внимание на старшего мальчика, был, видимо, недоволен его присутствием и хотел узнать, кто он и зачем он здесь. Вепнулись мы около девяти.

Сегодня утром бегал за птицами, делал парус к лодке, занимался алгеброй и английским. Занимается чрезвычайно охотно, и всё ему даётся легко. После обеда мы пошли на реку. Купались, причём Саша с восторгом полоскался в воде, лежал и бегал по берегу. Наблюдал за красной синицей. Но уже здесь на берегу ему захотелось прилечь, и он ничего не писал. Сначала я не обратила на это внимания, но на обратном пути он как-то «завял», скучно собирал шишки и шёл вяло и молча, что на него непохоже, потому что обычно мы разговариваем о птицах, о их повадках и т.д. Даже не смотрел на птиц. Голова была горячая и, как он теперь признался, кружилась. А около дома он почувствовал себя совсем плохо и расплакался. Сейчас лёг, и когда

измеряли температуру, оказалось 39.9 градусов. Я в ужасе. Сейчас он лежит. Сказалась усталость, жара и, может быть, простудился во время купания. Лежит тихо и спокойно, ни на что не жалуясь, и тихонько разговаривает с дедушкой.

18.07.46 г.

Сашок выздоровел. 16-го утром температура была 37.4 , в 2 часа — 37.8, в 8 часов — 37.4. Целый день он лежал, читал Сетона Томпсона и рисовал, рисовал птиц и животных. Лежал спокойно и тихо, занимаясь своим делом.

Вчера утром температура 37.2, в 2 часа — 36.6. Лежал на кровати, задрал вверх ноги, читал, немного рисовал. Читал «Десятую планету» С. Беляева и хохотал над понравившимся местом. К вечеру встал, обрадовавшись приезду бабушки, и вечером гулял, собирал шишки, бегал. Чувствует он себя хорошо. С восторгом рассказал мне, что поползень, спустившийся, чтобы напиться из умывальника, прикрепленного к сосне, поскользнулся и упал в умывальник, но скоро выкарабкался оттуда. Смотрел на уже выросших птенцов горихвостки, которых он ласково называет горихвостеночками. В 9.00 лёг спать и долго о чём-то разговаривал с дедом.

Сегодня встал поздно, в 8.30, температура 36.8. Бегаёт сейчас по двору, напевая что-то. Очень не любит время, предназначенное для туалета. Вообще не любит чистоты.

20.07.46 г.

Сашок задаёт мне педагогические загадки, но всё буду записывать по порядку. 18-го ничего особенно интересного не было. Целый день Саша гулял, бегал, уходил далеко в лес. После обеда я собралась идти гулять, а Саше нужно было заниматься. Он договорился со мной, что после занятий пойдёт мне навстречу, а после этого лёг на свою кровать и расплакался. Когда он плачет, он не терпит никаких утешений и вопросов, сердится и ещё больше обижается. Я ушла, а на обратном пути встретила его и бабушку. Они шли за шишками, но, увидев меня, Саша напомнил, что я обещала гулять с ним, а не только собирать шишки. Я зашла домой, а затем вернулась к Саше и бабушке. Оказалось, что уже поздно, а к тому же я устала, и поэтому мы гулять не пошли, а просто вернулись домой. Вечер прошёл спокойно, и он лёг спать, как обычно.

Вчера с утра к нам приехали дядя и тётя и привезли Саше обещанные ему дощечки. Увидев их, он забыл обо всём прочем и сейчас же начал мастерить клетку для зяблика, сделать которую он

давно мечтал. Работает он быстро, легко и уверенно. С помощью перочинного ножа и молотка выделывает прямо чудеса. Сначала начертил приблизительный план на бумаге, затем стал делать. Вырезав дно и потолок, он прибил по сторонам 4 обструганных дощечки, в которых, очевидно, делаются гнёзда для прутьев. Прутья тоже делает сам из дерева. Работал почти до обеда, не отрываясь. Затем, сделав несколько прутьев, прекратил работу из-за дождя. Днём читал, немного рисовал. Читал привезённую вчера книгу «Мои встречи с животными» Фролова. Вечером ходили гулять. Саша не боится один оставаться в лесу. Далеко убегает в стороны. Поймал кусачего жука, долго возился с ним, смотрел, что тот может сделать. Наконец положил в спичечную коробку. Из лесу мы вышли на песчаную равнину. Саша бегал по ней вдоль и поперёк, прыгал через низенькие сосенки, посаженные здесь, нашёл старую линию окопов, которые только были начаты рыться, и развлекался тем, что прыгал в окоп и выскакивал из него. Собрал букетик цветов, но потерял его и огорчился. Попутно слушал, как я рассказывала повесть Грина «Алые паруса». На обратном пути мы проходили мимо дома «красавицы Ирины» и зашли туда. Саша внезапно уцепился за моё платье, шёл следом, потупив глаза, изредка исподлобья взглядывая на Ирину, и молчал. Как только мы вышли, он выпустил меня и пошёл спокойно. Кстати, название «красавица Ирина» он выдумал сам, больше её так никто не зовёт. Вернулись поздно, и спать Сашок лёг около 10. Он был сердит на меня, т.к. он приставал ко мне с большой сосновой веткой, и я на него «насердилась», т.е. что-то резко сказала.

Сегодня утром он встал раньше меня, пришёл ко мне и улёгся на кровать ко мне. Я рассердилась, а он, когда разойдётся, удержу не знает и упорствовал, когда я его, наконец, вытурила с кровати, он уселся рядом на кресле и ногами улёгся ко мне на подушку. Я вспылила и нашлапала его. Нашлапала не больно, но, очевидно, было обидно, потому что он расплакался и ушёл в лес. Не завтракал и, придя домой, умылся и вычистил зубы, не глядя на меня, и, взяв свою деревянную саблю, опять убежал.

22.07.46 г.

Кончилась вся история благополучно. Полдня Саша голодный бегал по лесу, чем навлёк на себя недовольство всех домашних, а потом к обеду пришёл совершенно спокойно и, видимо, не чувствовал за собой никакой вины. Но в душе, наверное, что-то произошло, как-то сам осмыслил что-то, потому что, хотя с бабушкой разговаривал

холодно и довольно резко, со мной вдруг заговорил спокойно и совершенно дружелюбно. Вечером ходили купаться, на этот раз всё обошлось благополучно. Во время купанья встретили «красавицу Ирину» с родителями. Саша сразу с ней разговорился, они вместе делали из кувшинок ожерелья, очень весело играли и не расставались до вечера. Вообще они очень дружны. Домой шли за руку, а иногда и под ручку. Это только факты.

Вчера с утра занимался. С болота принесли дикую утку. У неё подбито крыло, поэтому её удалось поймать. Саша долго возился, устраивая ей «дом», и часто бегал смотреть, как она ничего не ест. Пока он занимался, я с тётёй ушла за грибами без его ведома. Когда вернулись, узнали, что он плакал, но нас встретил спокойно и радовался принесённым нами грибам. Кстати, сразу определил, что утка — самка шилохвости. Ходил провожать уезжавших дядю и тётю, бегал обратно, чтобы найти пойманного недавно жука, чтоб отдать его дяде для хлороформирования, но жука не нашёл и очень огорчился. Вечером ходил с дедушкой за шишками и, придя, с восторгом рассказывал, сколько они собрали.

Сегодня встал поздно, бегал смотреть на утку, ходил со мной за грибами, но больше смотрел не на грибы, а на птиц и рассказывал про виденные им гнёзда. За птицей может бежать далеко, пока всю не рассмотрит. Нашли старое гнездо, и Саша долго возился с ним. Помочь мне в собирании шишек отказался. Придя, занимался с дедушкой английским. Сейчас что-то мастерит. Гонял от дома собак. В этом отношении абсолютно бесстрашен. В домашней работе помогать не хочет.

25.07.46 г.

День кончился тихо. Саша возился с уткой, читал, играл. 23-го я ездила в Киев и Сашу видела только вечером. Он зарисовал утку, занимался алгеброй и больше, как будто бы, ничего не произошло. Вечером ласкался ко мне — очевидно, всё-таки соскучился.

Вчера с утра ходили за грибами. Видели гнездо птицы, где только что вывелись птенцы. Саша аккуратно смотрел на них и очень жалел, что не мог их зарисовать. Грибы собирал без особенного азарта, но охотно. Исходили мы с ним много и в конце концов попали под дождь. Прибежали домой, и через некоторое время обнаружилось, что Саша сильно разрезал ногу, вытекло много крови, но он об этом никому ничего не сказал. Рану и вид крови перенёс легко, но вида крови не любит и не любит, когда его лечат. Пока ходили, всё время

разговаривали то на «птичьи темы» (здесь он, преимущественно, занимался исследованием моих знаний), то на литературные (кто известнейший писатель в мире? в России? что он написал?). Вопросы он задаёт серьёзно. Интересовался происхождением Солнечной системы, но здесь, видимо, тоже больше экзаменовал меня — ему самому этот материал знаком. Вечером он читал, занимался английским. Сейчас с увлечением перечитывает учебник по древней истории Мишулина — тот, по которому он учился в 5-м классе.

За ужином зашёл разговор о старославянском языке. Саша сразу заинтересовался названиями некоторых предметов, слов, но потом забыл об этом. Спать лёг рано.

Сегодня после завтрака бегал за грибами сам, но грибов не нашёл. Мечтает пойти на то место, где вчера видел гнездо. Занимался со мной гимнастикой — физической зарядкой. Команду слушает плохо: она вызывает у него желание сделать наоборот, вообще резкие интонации голоса его всегда раздражают. Отнёсся к гимнастике несерьёзно, но упражнения все делал, хотя они у него получаются нечётко и слабо, частично потому, что он нарочно кривляется, а большей частью потому, что организм, очевидно, не дисциплинирован, и даже должной координации движений достичь ему не удаётся. Потом занимался с дедушкой английским. Когда он пришёл с книгами для занятий, я спросила: «ты заниматься идёшь?». Он ответил: «Не знаю, захочу — буду заниматься, не захочу — не буду». После этого охотно работал около часа. Сейчас ушёл за шишками.

28.07.46 г.

Все эти дни прошли, как обыкновенно. Саша достал академическое издание «Робинзона Крузо», и вот уже несколько дней, не отрываясь, читает его лёжа. Для того, чтоб оторвать его, нужно очень много труда, и делает он всё с неудовольствием. Только 26-го вечером мы с ним долго собирали шишки. Сначала он не хотел идти, но я сказала: «Пойдём на станцию, может быть тётя и дядя приедут. Если их нет, ты пойдёшь домой, а я останусь собирать». Наши не приехали, и мы отправились за шишками и собирали до самого вечера. Саша увлёкся задачей собрать полным огромный мешок. Работал с удовольствием. А утром 26-го у нас случилось большое «несчастье» — мы были в том месте, где было гнездо с птенцами — гнездо осталось, а птенцы исчезли. Саша очень тяжело переживал это происшествие, он даже не мог говорить об этом, но мне кое-как удалось его успокоить.

Вчера он переживал то, что утке, которая живёт у нас, отрезали крыло — это было необычно. Вечером ходили на реку, Саша купался, ходил по воде, но принял все предосторожности, чтоб не было опять удара, которого он, видимо, боится. Вернулся спокойно. Сегодня всё время читает. Утром у нас была небольшая стычка, и сейчас он чувствует себя виноватым, но не сознаётся и не делает никаких попыток к примирению.

31.07.46 г.

28-го весь день Саша со мной разговаривал мало и всё время или бегал за бабочками, или читал «Робинзона». Ухаживал за уткой.

Утром 29-го, в день бабушкиных именин, лёжа на кровати сказал: «бабушка, я хочу подарить тебе 15 корзин шишек и весь день буду умным». С утра он пошёл куда-то очень далеко в лес и к обеду принёс 5 корзин. За обедом был необычно смирный. К вечеру пришла «красавица Ирина». Издалека увидев её, Саша бросился ей навстречу, привёл, усадил за стол и во время чая следил: не нужно ли ей чего. Против обыкновения не был требователен, а держался чрезвычайно скромно. После чая они убежали в лес и ловили бабочек. Саша изображал из себя индейца и носился с копьём, но Ирина, очевидно, не смущалась. Внезапно она вернулась одна, сказав, что Саша ушёл за бабочками. Он отсутствовал больше часа и вернулся уже тогда, когда Ирина собралась уходить. Испросив у бабушки разрешения, он отправился провожать Ирину с матерью и сестрой и вернулся, когда уже стемнело. Я спросила: «ты Иру до самого дома проводил»? «Ну, конечно». Потом, оказывается, они сидели в осиннике около Ириноного дома и разговаривали. Вечером Саша ничего не ел и сразу лёг спать, как обычно перед сном разговаривая с дедушкой об английском языке.

Вчера утром мы с ним собрали 3 корзины шишек, причём все собранное он домой принёс сам и шутливо сказал, что он сам всё это собрал. Потом мы ходили за грибами, и Саша старательно искал их. Он очень удачно умеет по одному грибу найти целую семью. При этом он почти ложится на листья и, разрывая их, закапывает себя. Вернувшись и пообедав, он учил уроки и читал «Робинзона». Вечером ходил со мной провожать приезжавшую к нам родственницу, а потом бегал за шишками. Да, днём сбегал в тот осинник, где, по словам Ирины, было много бабочек, но т.к. день был прохладный, то их не было. Вернувшись с шишками и под дождём, дотемна читал «Робинзона» и не хотел мыть ног. Чем больше его упрашивали, тем медленней дело продвигалось и с большим трудом его удалось уложить. Он

резко реагирует, когда я с дедушкой говорю по-французски. Ему это, видимо, нравится, потому что он часто восхищается, но он поминутно вступает в разговор, желая показать свои познания в английском. Сегодня с утра, наблюдая, как я причёсываюсь, он делал мне «указания» насчёт моей причёски, потом бегал и читал. Завтракать отказался и вот, сейчас уже 2.30, а он всё ещё ничего не ел. Ему нужно было заниматься алгеброй, и учитель позвал его, но Саши не оказалось. Он вернулся нескоро. Бабушка очень нервничала из-за его отсутствия и когда он вернулся накричала на него. Он молча вымыл руки, а потом лёг на свою постель и разрыдался. Успокоившись, он посмотрел на себя в зеркало, пошёл, умылся и отправился заниматься совершенно спокойно. Прозанимавшись более часа, он вернулся и сейчас, свернувшись калачом на моей постели, просматривает «Хрестоматию по Западноевропейской литературе XVII века».

4.08.46 г.

За эти дни не произошло ничего особенного. Саша жил как обычно, по целым дням пропадая в лесу,нося бабушке для печки хворост и сухую хвою, ухаживая за уткой. Читал в «Хрестоматии по Западно-европейской литературе» отрывки из «Гаргантюа и Пантагрюэля», Мольера, «Дон-Жуана» Тирсо де Малина, балладу о Робин Гуде. Над Рабле и Мольером хохотал до слёз. Материал для чтения выбирал сам. Птицами вроде стал меньше интересоваться. Вчера немного занимался сам по алгебре, носил бабушке шишки, вечером плакал, когда бабушка отказалась дать утке хлеба. Но потом успокоился, т.к. хлеб дал утке перед сном, болтая с дедом, а перед этим мы с ним немного шалили: танцевали, прыгали, боролись. Сегодня с утра бегал за шишками. Работа эта сейчас доставляет ему удовольствие, поэтому он весел и в хорошем расположении духа.

8.08.46 г.

Давно не писала, потому что дни проходили сравнительно обычно. 4-го мы, взрослые, уходили в далёкую прогулку. Саша, узнав, что его не берут, расплакался, но потом успокоился, и, когда мы возвращались вымокшие под дождём, он «ехидничал», поддразнивая нас.

В понедельник жил обычно, т.е. читал, занимался, бегал по лесу за бабочками, ходил со мной за грибами. Во вторник отпросился у бабушки за бабочками на «осинки», т.е. в мелколесье недалеко от дома, где живёт красавица Ирина. Вернулся нескоро, запыхавшийся, с двумя бабочками и рассказал, что он разговаривал с сыном хозяйки дачи, где живёт Ирина, и узнал, что Ира уехала в Киев встречать отца

и вернётся к вечеру. Зная его вообще необщительный характер, мы с бабушкой удивились, что он заговорил с незнакомым ему мальчиком.

Вечером Саша валялся по траве, делал лук и стрелы и рано улёгся спать.

Вчера с утра читал что-то из «Хрестоматии по XVII веку», а потом опять побежал на «осинки». Вернулся часа через два и рассказал, что Ирина приехала, и они вместе ловили бабочек. Рассказывал охотно и без смущения, но был заметно возбуждён. В половине 3-го пошёл гулять с дядей и вернулся только около 9. Были они далеко, всё время ходили. Саша заметно устал, но был бодр и перед сном долго разговаривал со мной и бабушкой об Иване Грозном. Его интересует, почему все известные ему произведения об Иване Грозном («Песня о купце Калашникове», «Василий Шибанов», «Князь Репнин» и др.) кончаются чьей-либо смертью. Я пыталась объяснить это влиянием Карамзина и приводила не имеющие этого влияния народные песни, как факт иной оценки Грозного народом, пыталась развенчать подвиг Василия Шибанова (это, кажется, произвело впечатление). Бабушка защищал Карамзина и осуждал Грозного. Спор был жарким. Саша слушал внимательно и, в конце концов, согласился со мной, но ещё не до конца убедился в правоте моих слов.

Сегодня с утра читал на английском языке Стивенсона — сокращённое издание «Острова сокровищ». Читал, очевидно, подражая мне — т.е. лёжа и небрежно, как будто по-русски, но часто заглядывал в словарь в конце книги.

Сейчас завтракает, а перед завтраком они с дядей водили утку прогуливать: она шла впереди, а они за ней. С дядей они приятели, хотя тот вообще нелюдим, но они понимают и любят друг друга.

12.08.46 г.

8-го и 9-го пробыла в городе, вернулась вечером, 10-го утром Саша читал и бегал по лесу, собирал шишки. До полудня его было не видно и не слышно. После обеда мы решили отправиться гулять в лес и за шишками. Приехала наша сестра, которую мы не видали 2 года, и мы пошли вместе. Саша был очень рад приезду, но разговаривал мало и старался сделать безразличный вид. В лесу работал мало, ссылаясь на то, что днём уже собрано 2 корзины. Он бегал по кустам, играя. Вернувшись домой, рано лёг спать, но перед сном беседовал с дедом.

Вчера с утра Саша бегал с нами встречать родных. Очень интересуется привезёнными подарками. Долго возился с подаренным конструктором, но пока ещё мало что у него получается. Выводил гулять

Бучанка под Киевом, 1949 г.

Беззаботное детство. Саша на тропе натуралиста в Бучанке. 12 лет, 1949 г.

Саше 13 лет. Переход в отрочество и поэтому серьёзный сосредоточенный взгляд. Москва, 1950 г.

Саша готов получить паспорт. Слева позади него мать Наталья Леонидовна и справа её сестра Варвара Леонидовна. Москва, 1953 г.

А говорят, что яйца курицу не учат, но бывают исключения. Блестяще образованный Саша на следующий год после окончания школы в 1952 г. увлечённо рассказывает о чём-то родным и близким людям. Слева направо: Саша, тётя Варвара Леонидовна (сестра матери), мать Наталья Леонидовна и муж двоюродной сестры Татьяны. Бучанка, под Киевом, 1953 г.

утку и чуть не упустил. Переволновался и искал повсюду. Ходил с нами купаться. Дорогой бегал за бабочками, в воде, как обычно, шалил. Просидел в воде долго. Купался против обыкновения в трусах, и когда надо было переодеться, стесняясь полез в кусты и вышел оттуда с молодцеватым видом.

Вечером ходили в гости к «красавице Ирине». Сначала они почти не разговаривали, и Саша играл с младшей сестрой Ирины. За столом сидели рядом и тоже молчали. Саша обиделся, что ему не дали вина, но промолчал, хотя губы надулись. Вёл себя скромно и прилично, но, прощаясь, просил разрешения остаться ещё поиграть. Ему разрешили, и он остался, дружелюбно разговаривая с Ириной. Вернулся через час, как всегда чуть возбуждённый, и вскоре лёг спать, перед сном приласкавшись ко мне и сестре.

Сегодня встал рано, занимался русским языком, а потом бегал встречать тётю. Особенного волнения не высказал и вскоре ушёл на веранду, где сидел и строил. Сейчас сделал из конструктора зенитку и с величайшей гордостью показал её мне.

Три поколения вместе. Бабушка Юлия Васильевна Павлова (в дев. Акимова), мать Наталья Леонидовна и тётя Варвара Леонидовна, сестра матери. Москва, 1954 г.

Самые близкие родственники А.А. Кищинского. Слева направо: Нина Павловна Волкова (сестра Николая Павловича Волкова), Варвара Леонидовна Заводская (Павлова) — старшая сестра матери А.А. Натальи Леонидовны, Валерий Леонидович Павлов (старший брат матери А.А.) с женой Варварой Николаевной, Татьяна Голикова (Волкова) — двоюродная сестра А.А., дочь Веры Леонидовны и Николая Павловича Юлия Васильевна Павлова — бабушка А.А., Борис Филиппович Голиков (муж Татьяны), Вера Леонидовна Волкова (Павлова) — младшая сестра матери А.А., Леонид Михайлович Павлов — дедушка А.А., Николай Павлович Волков (муж Веры Леонидовны). Бучанка под Киевом, 1964 г.

О сестре, Лидии Александровне Кищинской

*Л.А. Кищинская. Фото Е. Бирюкова.
Из газеты «Уральский университет»,
6 января 1966 г.*

В 23 года обычно кончают вуз. Она в 23 окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию. И это перешагивание через время — не случайность, а чрезвычайно характерная черта Лидии Александровны Кищинской: умение жить уплотнённо, умение очень много уместить в минуты, в часы, в сутки. Наверное, оно далось не

просто и не легко, но теперь это уже характер, в котором полнота восприятия жизни сочетается с чёткостью, организованностью и подтянутостью. А отсюда — эта завидная способность жить на высокой скорости.

Как Лидия Александровна пришла в науку? Почему именно в науку? Это большой вопрос, на который, конечно, сложно ответить в маленькой заметке. Можно сказать лишь о главном: ей хотелось самой думать, находить, ей мало было готового и всегда казалось, что жизнь искусства настолько богата и многообразна, что о ней ещё можно сказать бесконечно много важного.

Педагогическая работа на первых порах совершенно не привлекала её, и начало было трудное: приходилось ломать себя. Но общение с ребятами всё изменило, ибо оно принесло ощущение своей нужности, сознание полезности своего труда. Вот так, очевидно, слилось в ней и научное, и педагогическое, причём одно без другого теперь уже кажется невозможным. И когда думаешь о Лидии Александровне, то понимаешь, какое это замечательное сочетание: искать, находить, быть учёным и проверять найденное в общении со студентами, заражая, увлекая их.

Творчество А. Толстого, писателей Парижской коммуны, наконец, история советской критики...

— Почему я шла именно так? — рассказывает Лидия Александровна. — Вероятно, потому, что всегда интересно было идти целиной. Когда работала над эпопеей «Хождение по мукам», об А. Толстом было написано мало. Когда в 1960 году взялась за разработку курса о советской критике, это был совершенно не исследованный

материал. Только год спустя появилась книга В. Иванова, а ещё позднее — А. Дементьева. Мне как-то всегда было скучно заниматься рассмотрением вопросов, которые уже обстоятельно исследованы в литературоведении. Поэтому я бросала работать над тем, к чему начинали обращаться многие. Такая манера, конечно, несёт в себе и минусы, ибо как-то нарушается последовательность в работе. Но, наверное, в ней есть и плюсы, потому что всегда хотелось как-то расширять горизонт, пахать, как говорится, не только поле, но и его окрестности...

И если всмотреться глубже в научную работу Лидии Александровны, в её интересы, то видишь, пожалуй, что в них есть глубокая логика. Она — в постоянном внимании к вопросам теоретическим, в первую очередь к вопросам мировоззрения, метода писателей и критиков. Не случайно поэтому таким близким и интересным для Л.А. Кищинской оказался курс теории литературы. И ещё одна особенность, говорящая о единой устремлённости научной работы Лидии Александровны. Занимаясь самыми разными вопросами, она верно угадывала перспективу их решения. Направление, взятое ею и в рассмотрении творческой эволюции Толстого, и в анализе движения советской критики, оказалось верным и плодотворным.

Оценка научной и педагогической работы Лидии Александровны — и в её учениках, которые проходили у неё настоящую литературоведческую школу, слушая курсы по введению в литературоведение, по теории литературы, участвуя в кружке критики и рецензии. Результаты их работы обычно были интересными и значительными. Об этом говорили дипломные работы В. Мартыненко, Д. Черашней, Р. Хубровского, В. Лукьянина. И сегодня Лидия Александровна остаётся такой же энергичной, деятельной, целенаправленной и в то же время очень общительной, живой, близкой людям и в своей научной, и в своей педагогической работе.

*В.В. Эйдинова,
преподаватель кафедры советской литературы.*

Кищинская Лидия Александровна (1927–1967)

Родилась 12 августа 1927 года в Киеве. Кандидат филологических наук (1950), доцент (1959).

Окончила факультет русского языка и литературы Московского педагогического института (1947) и там же аспирантуру по

кафедре советской литературы (1950), защитив кандидатскую диссертацию «Творческая история трилогии А. Толстого «Хождение по мукам»». С 1950 по 1958 г. работала в Свердловском педагогическом институте, затем — в Уральском университете. Читала лекции по введению в литературоведение, теории литературы, истории литературы XX в., вела спецкурсы и спецсеминары по творчеству А. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, по истории литературной критики XX в. Руководила студенческим литературным объединением (1959–1966). Л.А. Ки-

щинская стояла у истоков кафедры русской литературы XX в., образованной в 1962 г., которую возглавляла до сентября 1964 г. Её научные интересы лежали в русле истории и теории социалистического реализма и советской критики. Удостоена премии Уральского университета за курс лекций «Борьба за теоретические основы советской литературной критики» (номинация «Лучшая научная работа», 1968).

Соч.: О художественном методе Жюль Валлеса в трилогии «Жак Вентра» // Проблемы историко-литературного процесса. Свердловск, 1965; Литературная дискуссия 1922–1925 годов // Вопр. лит. 1966. № 4; В спорах о новом искусстве // Советская литература 20-х годов. Челябинск, 1966; Борьба за теоретические основы советской литературной критики (1917–1932). Свердловск, 1967.

Лит.: *Денисов В.* Любить ради человека // Урал. ун-т. 1961. 9 марта; *Эйдинова В.* На высокой скорости // Урал. ун-т. 1966. 6 янв.; *Грибушин И.* Путь к зрелости // Урал. ун-т. 1967. 18 нояб.; *Баруздин С.* О Л.А. Кищинской // Урал. 1968. № 11; *Черашняя Д.И.* Сказать жизни — да! // Урал. 1985. № 11; *Черашняя Д.И.* Ясное деланье жизни: (Л.А. Кищинская) // Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 230–233.

С сайта «Уральский государственный университет в биографиях»,
<https://biography.ideafix.su/indexa06d.html>

***

Лидию Александровну Кищинскую (1927–1967) я знал очень хорошо: сдавал ей экзамены при поступлении в университет, с первого же своего студенческого дня слушал её курс «Введение в литературоведение», а потом слушал и все другие курсы, которые она читала на факультете. У неё же писал свои курсовые и дипломную работу. Попасть к такому руководителю было просто везением; ни к одному другому преподавателю (включая и всех факультетских корифеев) мы, весь наш курс (а одно время она была и нашим куратором), не относились с таким пиететом и безграничным доверием, переходящим в обожание, как к Лидии Александровне. Не без удивления гляжу в то время с высоты своего нынешнего возраста: ведь ей тогда было всего-то тридцать лет! Чем она нас обояла? Если рассматривать по отдельности её качества учёного, лектора, педагога, просто эрудита, то, пожалуй, в каждом отношении кто-то на факультете был сильнее, чем она; но тем, очевидно, и была Лидия Александровна замечательна, что одно от другого в ней не отделялось. Она была человеком очень цельным и всем этим вместе — литературой, лекциями своими, своими учениками-обожателями — жила, никогда и ни в чём не допуская приблизительности, но также и позы, нарочитости, фальши.

К сожалению, жизнь её оказалась недолгой...

Вряд ли кто другой на факультете прилежней, чем Лидия Александровна, следил за текущей литературой. Она была в курсе журнальных новинок, по её «наводке» проводились диспуты; вокруг неё роились факультетские стихотворцы, по её приглашению на факультете выступали поэты, уже получившие признание. Её увлечения становились увлечениями всех, кто её окружал. Казалось, сама её натура располагала к занятиям критикой, к тому же она и как учёный-филолог занималась исследованием истории советской критики 20-х годов.

И естественно, что к ней первой обратилась за помощью Н.А. Полозкова, перейдя с кафедры в журнал. Лидия Александровна не подвела: даже, как видите, не одну, а две рецензии сделала для первого номера. Но вот неожиданность: работа с ней над этими рецензиями, как вспоминает Нина Андреевна, шла очень трудно. И получилось... Ну, в общем, не совсем то получилось, что ожидалось. И сейчас, более полувека спустя, я перечитываю эти рецензии и, увы, не слышу живого голоса Кищинской: мыслительные и языковые стереотипы времени совсем заглушили его. Не в укор её памяти горю: трудно в ту пору было критику говорить своим голосом...

Убеждён, что у Лидии Александровны это скоро стало бы получаться — если б она в критике нашла своё призвание. Но у неё была огромная учебная нагрузка, а тем временем факультет развивался, возникла необходимость выделить из общей историко-литературной кафедры кафедру советской литературы, и поначалу Л.А. Кищинская её возглавила; теперь само положение обязывало её усаживаться за докторскую... Докторскую она дописать не успела...

*Из: Валентин Лукьянин. Сложение усилий.
Уральский литературный журнал и уральская филология. 2010. № 10.
<http://uraljournal.ru/work-2010-10-205>*

Рассказ племянника А.А. Кищинского, Александра Ниссоновича Виленского, про свою маму, старшую сестру Саши, Лидию Александровну Кищинскую (1927–1967)

Мама (отрывок)

Л.А. Кищинская, Свердловск, 1966 г.

Я плохо помню маму. Мне было всего 12 лет, когда она скончалась, и я был слишком мал и глуп, чтобы запоминать каждую минуту, проведённую с ней. Я вообще себя осознанно начал воспринимать лет с 13-ти, не раньше. До этого — отрывки, смутные всплески памяти.

Как далеко от нас отстоят первая мировая война, революция, большевики, вторая мировая, перестройка? Кажется, что это всё далёкое прошлое, что никакой связи с нами, нынешними, у этого нет, что то время — исчезло безвозвратно. Но моя бабушка родилась в самом начале

XX века, а ушла в мир иной в самом его конце, пережив первую мировую, революцию, гражданскую войну, коллективизацию, репрессии, расстрел мужа, вторую мировую, пережила гибель обоих детей, пережила застойные времена, горбачёвские реформы и тихо

скончалась в ельцинские годы, успев дожить до правнуков и чуть-чуть не дотянув до праправнуков. Времени нет.

Сейчас, когда я пишу это, маме, ушедшей в 40, было бы всего 95 лет, и она вполне могла бы познакомиться не только со своими внуками, но и с правнуками. И это реально: все её родные умерли в весьма почтенном возрасте, прожив этот самый двадцатый век практически от начала и до конца. И только она — нет.

Я родился всего через десять лет после второй мировой войны. Я уже ходил в первый класс, а Сталин всё ещё лежал в мавзолее, многим фронтовикам (они были фронтовиками, а не ветеранами) не было и сорока, а о том, что Гагарин полетел в космос, нам сообщила воспитательница в детском саду. Я начал слушать рок-музыку, когда The Beatles ещё играли вместе, Джим Моррисон был жив-живёхонек, а Pink Floyd даже не собирались записывать свой первый альбом. Сегодня полётами в космос никого не удивишь, фронтовиков практически не осталось, «битлов» (ненавижу этот эвфемизм!) никто не слушает, а убийца моего деда считается «эффективным менеджером». Времени нет.

Помню, как меня, обжегшегося об эту самую колонку, плачущего, мама перевязывала чудодейственным немецким пластырем, неизвестно откуда взявшимся трофеем — похоже, кто-то из родственников с фронта привёз. Ядовито-оранжевый пластырь на самом деле заживлял ожоги практически мгновенно и быстро снимал боль. Ещё был трофейный порошок от паразитов в банке с распластанным орлом и готическим шрифтом. Вот посыпали ли меня им — не знаю. Но если помню банку, то, видно, посыпали. Паразиты из этого мира никуда не девались, ни в какие времена.

Помню, как в гостях мама, наклонившись ко мне, шептала, что я себя безобразно веду за столом. Впрочем, я и сейчас себя веду за столом не лучшим образом.

Помню рюмки в доме родительских друзей — тонкие, удивительного переливчатого звона с кудряво выведенным вензелем Николая II. Утверждали, что это реальные царские рюмки, купленные на барахолке в Екатеринбурге после расстрела Романовых, когда распродавали часть их имущества, разграбленного предприимчивыми горожанами в оставшемся без присмотра доме Ипатьева. Вообще, город наш был прочно связан с этим расстрелом, маленький папа с родителями жил прямо напротив знаменитого «дома особого назначения», в Вознесенском переулке.

Помню — вот это точно помню! — наш с мамой поход на пикник куда-то в лес, где я играл в индейцев, а мама о чём-то сосредоточенно думала, да и вообще была не в настроении, чем меня сильно удивила. Я практически не помню её раздражённой, похоже, это был единственный случай, чем и запомнился. На том пикнике я открыл, что она не ест помидоры. Вообще. И никогда не ела. Странно, я их очень люблю. Да-да, и «кушать, и просто так». А она — нет.

Ещё помню, мы с мамой обсуждаем книгу Е. Тарле «Наполеон»: после просмотра «Гусарской баллады» я бредил Отечественной войной 1812 года, а потом, после Тарле — Маренго, Аустерлицем, Ватерлоо. Я был продвинутым ребёнком, ну кто бы в 10–11 лет смог прочитать историческую монографию о Наполеоне? То-то же. Потом стал лепить из пластилина солдатиков, стараясь соблюдать «форменные отлички: в мундирах выпушки, погончики, петлички», гости ахали: «Какая ювелирная работа!». Мне было лестно.

Мама, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, читала мои первые «писательские» опусы. Почему-то очень хорошо помню, что я писал их в тетрадке с розовой обложкой.

Мама была очень красивой. Всем детям их мамы кажутся самыми красивыми, но она и вправду была красавицей. Не в классическом понимании, но красавицей удивительной. Банально, тем не менее, верно: ни одна фотография не может передать обаяние живого человека, улыбку, жесты, голос, манеру речи. Мама очаровывала людей мгновенно, хотели они того или нет, и была очень, очень женственной. И через десятилетия после её ухода бывшие студенты вспоминают о ней с нежностью и придыханием.

Как-то вместе с ней мы ехали к бабушке в Москву. Фирменный поезд «Урал» шёл часов 27, за это время пассажиры в купе успевали перезнакомиться. Пили чай — удивительно ароматный, в стаканах тонкого стекла, в мельхиоровых подстаканниках с выдавленным рисунком — чаще всего васнецовские «Три богатыря». Ели варёную курицу, яйца и беспрестанно разговаривали. О чём? Обо всём. С нами в купе ехал офицер, молодой майор, который очень неуклюже пытался за мамой ухаживать. Сколько ей тогда было? Лет 35, 36, не больше, красивая молодая женщина. Вот майор и решил приударить, действуя довольно примитивным, но испытанным способом — через сына. Угощал меня шоколадками, шутил, пытался поразить маму рассказом о том, как был свидетелем взрыва «Царь бомбы» на Новой Земле. Не знаю, как маму, меня он поразил. Офицер служил в совершенно другом месте, на материке, а не на Новой Земле, но от вспышки на какое-то

время ослеп, а от удара оглох. Сначала ослеп и только потом, через довольно продолжительное по его рассказам время, оглох. Именно с тех пор я помню, что скорость света выше скорости звука. Очень полезным оказался этот майор. А потом я узнал, что вспышку самого мощного в истории термоядерного заряда видели люди за тысячу километров, что сейсмическая волна трижды обогнула земной шар, что «гриб» поднялся на высоту 67 километров. Правда, гриба этого майор не видел, честно признался — сразу потерял зрение.... С мамой ничего у него, конечно, не вышло.

На улице Делегатской, ранее — Божедомском переулке — нас ждала бабушка. Кстати, совсем рядом там «Божедомка, 7», о которой говорят в фильме «Место встречи изменить нельзя», Божедомка теперь — улица Дурова. А если спуститься вниз по переулку и перейти Садовое кольцо, то упрёшься в Большой Каретный переулок, тот самый, «где мои 17 лет». Бабушка по старой памяти часто пользовалась прежними названиями — не Делегатская, а Божедомский, не улица Дурова — а Божедомка, Самотёка, и так далее.

В доме на Делегатской была коридорная система — бесконечный туннель, от которого в разные стороны отходили двери квартир. Ну в точь, как у Высоцкого: «Все жили вровень, скромно так: система коридорная, На тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Так и жили. Правда, в бабушкиной комнатке выделили угол, где стоял примус, на котором она готовила еду. Забытый сегодня запах горелого керосина и пищи.

Мальчик, проснувшийся рано-рано — разница со Свердловском была два часа, «у них», в Москве, шесть утра, а у нас-то уже восемь! — забирался на подоконник и смотрел на переулок, ставший улицей. Делегатская убегала вниз, к Самотёке, вокруг стояли старые дома типичной московской постройки — двух и трехэтажные, с большими окнами, с цокольным этажом, отличающимся по архитектуре от верхнего, с каменными узорами под крышей. Почему-то у «бордюра» (у них говорили «бордюр», а у нас — «поробрик», как в Питере) всегда стояло такси — двуцветная «Волга»: низ кремовый, верх — коричневый. Меня это поражало, в нашем городе машин такой расцветки не было.

Для мальчика, любившего читать — а я очень любил читать! Приучили родители на свою голову! — у бабушки хранились книги ещё её детства. Дореволюционное издание «Жизни животных» Брема — любимая книга маминого брата, будущего известного орнитолога. Но оно меня мало интересовало, к животным я всегда относился

довольно равнодушно, хотя там были красивые цветные картинки, переложенные папиросной бумагой. Сейчас так не издают, конечно. А вот «Пиноккио» — с архаичными ятями и ерами — читал взахлёб, поражаясь, насколько эта страшная книга отличается от вполне себе вегетарианского «Буратино». Я любил этот дом на Делегатской. Теперь там институт стоматологии. Жаль.

Из этого дома ранним утром 7 апреля 1938 года навсегда увели моего деда.

Киевские девочки — необходимое отступление

Бабушка в молодости была страшной вертихвосткой. Во всяком случае, так утверждали её сестры. В бабушкиной семье было, как в пьесе Чехова — три сестры и брат. Жили они в Киеве, жили при царе и Раде, при немцах и Скоропадском, при Петлюре и большевиках, потом снова при Раде, потом при поляках, и снова при большевиках. А потом снова при Раде.

Самый старший ребёнок — бабушкин брат — был несколько не от мира сего. Вообще-то, сильно не от мира сего. Фанатичный фотограф, делавший очень плохие снимки, но кто бы ему посмел об этом сказать? Безобидный распространённый недостаток. Единственное, что немного напрягало — его стремление усадить родственников вокруг стола, выложить кучу огромных альбомов с аккуратно вклеенными фотографиями и заставить подробно рассматривать десятки мутных снимков неинтересных местностей — дядя считал, что людей снимать надо только в самом крайнем случае, а главной темой, как и художник Шишкин, считал именно пейзажи, которые у него получались тоскливыми до невозможности. Сейчас-то я понимаю, что он просто не имел понятия о композиции, крупности, глубине резкости, переднем и заднем планах. Впрочем, это его увлечение ничем не отличается от популярных когда-то «слайдов из отпуска» и сегодняшних дигитальных фоточек из-за границы, регулярно публикуемых в Instagram и Facebook. Простительно. Гораздо хуже таких самодеятельных фотографов те, кто считают, что умеют петь и заставляют себя слушать. Можно, конечно, всем им сказать, что, мол, плохо вы поёте, но зачем? Это я по молодости был любителем грубо резануть правду-матку, а сейчас думаю — ни к чему это.

В Советском Союзе «заграницей» считалась Прибалтика, да она и была заграницей, не скрывала, что покорилась вооружённой оккупации и только из-за этого вошла «в братскую семью советских народов», откровенно презирая и семью, и народы. Украина же всегда

рассматривалась как «своя», хотя была, собственно, тоже за границей. Не такой, как Прибалтика, но всё же.

А в Киеве в это время жила семья скромного гимназического учителя: он с женой, 17-летний первенец и девочки 15, 13 и 11 лет. 13 исполнилось бабушке в ноябре 1917-го, именно в тот момент, когда Рада объявила об отделении от бывшей империи новой страны — Украины. Дети учителя получили хорошее классическое образование, о чём потом, при советской власти, не любили вспоминать, лишь время от времени обнаруживали непривычную для советского человека эрудицию, да машинально вставляли в речь французские словечки.

Все три сестры, как я и говорил, дожили до 90 с лишним лет и до самого последнего дня ходили с поразительно прямыми спинами — сегодня таких спин просто не существует! Как выправка выдавала бывших офицеров, так осанка выдавала бывших гимназисток. До последнего дня носили каблучки, даже дома, и никаких домашних халатов — детищ советского времени — только платья с фартуками, как приучили в детстве. Всегда с причёской, с нездешним, опять же не советским прононсом в речи — так говорили героини Куприна и Бунина, на языке, в котором все грубые вещи, включая естественные отправления и части тела, именовались изящными эвфемизмами.

Забавно думать, что булгаковский Николка Турбин — ровесник бабушкиного брата, которого немцы в 1918 чуть не расстреляли «за терроризм». Сумасшедший братец-химик, двинутый на химреактивах, он полез на какой-то военный склад после бывшего там пожара, в надежде найти что-то интересное для себя, был пойман, объявлен поджигателем и приговорен к расстрелу. Его отец, как говорила бабушка, долго ругался с немецким офицером на трёх языках, после чего 18-летнего химика отпустили с богом. Это о пользе знания языков. А через 23 года в Киев снова пришли немцы, только совсем другие немцы. Те уже не отпустили бы.

Иногда я задумывался, как обычная интеллигентная семья пережила всю эту кутерьму революции и гражданской войны. Пережила в деревянном доме на улице Саксаганьского, где их квартира, как тогда говорили, «была в первом этаже», а «во втором» были квартиры Леси Украинки и композитора Николая Лысенко (ударение на первый слог), до страшных дней не доживших. Но дети их помнили. Все же в одном доме жили.

А ещё Киев — это Михаил Булгаков, которым я зачитывался и зачитываюсь по сей день.

Представляете? Прототипы поручиков Мышлаевских, обмороженные и злые, отбивались от наступающих сечевых стрельцов полковника Коновальца, а моя бабушка с сестрами цепенели от страха и неизвестности. Гетман Скоропадский уже сбежал, Петлюра наступал, будущий знаменитый писатель Шкловский портил машины гетманского бронедивизиона — и все это происходило в одно и то же время. Я до сих пор поражаюсь, что вся эта, казалось бы, древняя история вершилась буквально позавчера. Нет времени, воистину нет его.

Была ли моя 14-летняя бабушка в магазине Анжу или это считалось неприличным? Бегала ли она по Андреевскому спуску мимо «дома постройки изумительной»? А там — лампа под зелёным абажуром, именины, пианино, ёлка. Там братья Булгаковы: старший Миша, доктор, пишущий свои первыеopusы, младший Коля — юнкер инженерного училища, тот самый Николка, что не оставит полковника Най-Турса в одиночестве прикрывать отход мальчишек. Там сёстры. Там та жизнь, и они даже не подозревают, что она уже ушла, что больше той жизни не будет. Будет другая, и к ней нужно будет как-то приспособливаться. А пока мимо этого дома, мимо взлетающего в небо Андреевского собора бежит по скрипучему снегу моя бабушка, девочка-подросток, подпрыгивая, чтобы согреть ножки, мерзнущие в ботинках с высокой шнуровкой. Лёгкую, чуть подпрыгивающую походку она сохранит до последнего дня. И никогда, никогда не будет рассказывать о тех днях, ни словом, ни намёком. А старший внук не догадается её расспросить. Теперь — только видение юной девочки-бабушки. Я даже не знаю, как она тогда выглядела — не осталось ни одной фотографии. Мир лампы под зелёным абажуром безвозвратно ушёл вместе с фотографиями туда, куда уходят со временем все миры.

Единственным осколком того мира был посёлок Клавдиево, где бабушка с сестрами снимали на лето дачу. Снимать дачу — это тоже оттуда, из безвозвратно ушедшей эпохи, то немного, что от неё осталось, и как мне повезло, что я хоть как-то, но прикоснулся к ней.

На даче ходили в лес, собирали твёрдые классические боровики, прямо как с картинки в энциклопедии «Съедобные грибы». Черника, земляника, купание в дальнем озере, куда мы бегали с местными мальчишками — я научился бодро болтать «на мове». С одним из хлопцев мы вместе собрали из двух старых мотоциклов один новый. Он почему-то назывался «козёл», хотя на баке гордо красовалась надпись «Ковровец».

Кстати, хоть и родились мои бабушки в стародавние времена, но в Бога, похоже, не верили, во всяком случае, никаких следов от веры в них не было. А может просто вытравили. Большевики это умели. Никогда никто из них не вспоминал: «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней». Они были достаточно разумны, чтобы не портить мальчику знакомство с советской историографией, ничего общего с реальной историей не имевшей. Сейчас жалко, конечно, что кроме апокрифа о «добрых немцах», отпустивших безумного химика, никаких других рассказов не было. А ведь наверняка могли многое рассказать про конницу Болбочана, про гетманские дружины, про деникинских офицеров, про польских жолнежей... Да и про «красных» тоже лучше было, конечно, правды ребёнку не знать. Только младшая из сестёр однажды, смеясь, вспоминала, как 16-летнюю мою бабушку пригласил в синематограф красный кавалерист, командир эскадрона в бригаде Котовского, а та — из озорства — взяла с собой 14-летнюю «малую».

«И вот идём мы по Крещатику, он — высокий, стройный, в кожаной куртке и кубанке, на одном боку — маузер, на другом — шашка, ремни скрипят, шпоры звенят (просто Петров-Водкин какой-то, “Смерть комиссара”, правда?). Все думают: куда это он их ведёт? А он нас в кино вёл». Штришок такой характерный про «не знали, куда ведёт». И тётя Вера не понимала, не чувствовала двусмысленности этой фразы. А может и чувствовала. Кто знает? Кто теперь узнает?

Сестры свято хранили молчание о тех временах. Жизнь приучила не болтать лишнего, целее будешь. Аккуратные гимназистки с прямыми спинами никогда ничего «крамольного» не рассказывали.

Киевские девочки — отступление второе

Сёстры бабушки обожали друг друга, при этом у них существовала чёткая иерархия старших и младших. Моя старшая дочь была потрясена, когда мы в Москве пришли в гости к самой младшей из сестёр, тётя Вере. Они с мужем жили в доме министерства обороны СССР на Набережной Горького (не путать с улицей Горького, ныне Тверской): муж был генерал-майором медицинской службы — редкое звание в этих войсках. Они с тётей Верой прошли всю войну во фронтовых госпиталях, тётя, нейрохирург, работала и до войны, и после в институте Бурденко и, как настоящие фронтовики, ни она, ни дядя никогда о войне не рассказывали. Я даже не знаю, какие награды у них были. Но, судя по высоким чинам, были, и немалые.

У младшей из сестёр был оригинальный взгляд на воспитание: она, например, считала, что детей надо непременно баловать, потакать их желаниям, тогда они вырастают с высокой самооценкой. У детей другой обмен веществ, поэтому им хочется сладкого больше, чем взрослым. Не надо закармливать их конфетами с фанатизмом, но и отказывать в сладостях смысла не имеет. Поэтому дочь тёти Веры была страшно избалованным ребёнком: могла ночью потребовать какао, а когда ей приносили заботливо сваренный напиток, брезгливо требовала «Какава, только другова!» И ничего, выросла, закончила МГУ, стала учёным-климатологом. Так что в системе тёти Веры что-то такое было, несомненно.

Так вот, про гости и иерархию. Мы с дочкой были приглашены на обед. Обед — обязательно в столовой, крахмальная скатерть, крахмальные салфетки в металлических кольцах, аккуратно разложенные серебряные столовые приборы — и тарелки соответственно перемене блюд. Это не было выпендрёжем или пылью в глаза. Так в этом доме было заведено и так было всегда. Ничего странного они в этом не видели, для их поколения это была норма.

1988 год, младшей из сестёр — 82 года. Я тогда учился в Москве на Высших двухгодичных Курсах сценаристов и режиссеров при Союзе Кинематографистов СССР (про них чуть позже), дочка приехала в столицу проведать папу. Естественно, тётя Вера захотела познакомиться с правнучкой своей сестры. «Правнучка сестры» — звучит, правда?

Вся эта преамбула была только для того, чтобы процитировать фразу, которая прозвучала, когда в столовую была внесена кастрюля с супом: «Только бабушке Наташе не говорите, что я подала суп в кастрюле, а не в супнице»!

Дочь моя была в шоке. Вот такие были иерархические отношения. Старшая сестра в свои 84 могла отчитать 82-летнюю «малую» за неподобающее поведение и безобразную сервировку. Кто сегодня вообще знает, что такое супница?

Мама. Продолжение

Мама знала, что умирает. А я, 12-летний, что я мог понимать? Я даже представить не мог, что меня может ждать: ну, болеет мама, бывает. Вот папа — сердечник, у него давление, мама тоже заболела, всё пройдет. В 12 лет трудно представить, что есть болезни, которые не проходят.

Мама знала, что умирает, поэтому торопилась рассказать мне о своей жизни как можно больше. Ей было необходимо, жизненно необходимо, чтобы я запомнил её. Мы живы пока нас помнят, кто сказал эту банальную фразу? Неизвестно, но растиражировано до пошлости, хотя сказано-то очень верно. И ещё верно — у Сэлинджера: «Оттого, что человек умер, его нельзя перестать любить, особенно если он был лучше всех живых».

Мама не могла вдумчиво сидеть перед экраном компьютера и неторопливо писать какие-нибудь «Воспоминания». Но ей было важно, чтобы сын, когда она уйдёт, знал о ней всё, ну, почти всё. И она говорила и говорила. Мама уже не могла вставать с постели, поэтому звала меня к себе и начинала рассказывать, а я, дурак, слушал вполуха, думал как бы улизнуть на улицу, к друзьям. Сейчас я многое отдал бы, чтобы выслушать всё и до конца. Но хоть все локти искусай — не будет этого. Упустил.

Мама рассказывала про литературный кружок Дворца пионеров, в котором была одной из самых заметных и самых серьёзных девочек. Я не знаю, писала ли она стихи, скорее всего нет, я никогда не видел, чтобы она писала что-то «художественное»: после папиной смерти, разбирая архив, я не нашёл ни следа от каких-либо детских стихов или рассказов. Статьи, рефераты — да. И дневник... но о нём чуть позже.

Её специальностью была литературная критика. Причём, с самого раннего детства, что поразительно. Когда все остальные девочки писали гормональную лирику в стиле «я так боюсь тебя не встретить», мама вдумчиво занималась литературоведением.

Будущий маститый поэт и редактор солидных журналов, 11-летним мальчишкой пришедший к ним в литературную студию московского городского Дома пионеров, с ходу влюбился в не по возрасту серьёзную девочку.

*Всё пройдёт, и зимними порошами
Заметёт прошедших вёсен нить.
Всё равно ты самая хорошая,
И тебя немислимо забыть.*

Так писал ей. Поразительно, ему было всего 11, ей — 10, когда они познакомились и подружались на всю жизнь. Именно подружались, дальше дружбы дело не пошло, хотя мальчик был влюблён, влюблён безответно. Мальчики часто по уши влюбляются в девочек, которые

вежливо, но непреклонно ставят их на место. А то он заявился весь такой красивый, состоявшийся, с рекомендательным письмом самой Н.К. Крупской — вдовы Ленина и заместителя наркома просвещения РСФСР. И стихи его уже печатались — 11 лет парню! — в «Пионерской правде», в журнале «Пионер», в многотиражке Наркомтяжпрома «Штаб индустрии».

Но спесь «знаменитого» сразу же сошла при первой встрече с девочкой. Она в свои 10, напишет он много позднее, «оказывается читала Горького и двух Толстых — Льва и Алексея, она знала вовсе не известного мне Жюль Валлеса и куда профессиональнее меня говорила о творчестве Р. Фраермана, А. Гайдара, Л. Кассиля, В. Смирновой, С. Михалкова, А. Барто, С. Маршака — писателей, которые приходили на занятия нашей студии и читали нам свои произведения, «чтобы посоветоваться: получилось или нет»». Напишет он это уже в некрологе, через 30 лет. Всего через 30 лет. А до этого будет ей писать любовные письма с фронта, приезжать в гости в далёкий Свердловск (не думаю, что папе сильно нравились эти визиты), дарить мне свои книжки детских стихов и помнить об очень серьёзной девочке с поддетски пухлыми щёчками. Почему-то на всех детских фотографиях мама выглядит очень серьёзной. Ну, такой и была, вероятно.

Мальчик два раза в «пятидневку» после занятий в студии провозит девочку до её дома на Делегатской. Покупает ей мороженое и конфеты на сэкономленные от школьных завтраков деньги — банально, но откуда ещё у 11-летнего мальчика могли взяться деньги на мороженое? От студии в переулке Стопани до Делегатской пешком не меньше часа.

Что ж, вернёмся в 20-е годы XX века. Юная моя бабушка, как мы уже знаем, была редкостной вертихвосткой (когда тётя Вера об этом говорила, у неё прямо лицо светилось от воспоминаний!). Работала она телефонисткой. Видели в старых фильмах? Человек крутит ручку телефона, попадает на станцию и важно говорит в трубку: «Барышня, дайте 12–34!». Вот такой барышней бабушка и служила, втыкая штекеры в нужные гнёзда, соединяя абонентов и отчаянно кокетничая. Ну а как не кокетничать, когда тебе ещё нет и 20-ти? Сами понимаете. Естественно, такая работа была просто роскошной платформой для флиртов с «барышней», особенно если у той приятный голос и весёлый отзывчивый нрав. «Верчение хвостом» заключалось в том, что бабуля моя назначала свидание нескольким кавалерам на одно и то же время в одном и том же месте, а потом брала сестёр, и,

хихикая, девушки наблюдали за тем, как молодые люди топчутся в томительном ожидании, ревниво поглядывая то ли на соперников, то ли на товарищey по несчастью.

А потом появился Саша.

Бабушка очень любила мужа. Мама родилась в Киеве, но семья довольно быстро перебралась в Москву: дед был инженером-мостостроителем, в столице оказался нужнее.

И в одну из ночей (моя бабушка) меня спросила:

— А у тебя никогда не было проблем из-за того, что твой дед был репрессирован?

Как обухом по голове. Ещё раз: 1990-й год. Гласность, перестройка. Реформы, о которых до этого никто и помышлять не мог. Журнал «Огонёк» и программа «Взгляд». Но на протяжении всей жизни бабушка несла в себе этот жуткий страх, это неверие в то, что что-то может измениться, эту боязнь, что в любой момент с тобой могут сделать всё, что угодно. Прошли хрущевская оттепель, брежневский застой, настали горбачёвские прозрения — но мою бедную бабушку всё ещё трясло от страха за внука репрессированного мостостроителя.

Дед, которого, благодаря «эффективному менеджеру», я так никогда и не видел, 6 апреля 1938 года вернулся из командировки на Дальний Восток. Они легли спать в той самой квартирке на Делегатской (тогда ещё Божедомском переулке), а утром в дверь постучали. Деда уводили длинным коридором, на повороте он обернулся и посмотрел на бабушку. Она на всю жизнь запомнила эту картину: коридорная система, двое уводят мужа, поворот, он оборачивается и в последний раз смотрит на неё. Всё. Жить ему оставалось четыре месяца.

Деда расстреляли 1 сентября 1938 года в день вынесения приговора по делу «Москва-Центр». Он лежит где-то в общей могиле на Коммунарке вместе с расстрелянным в тот же день Николаем Брюхановым, народным комиссаром финансов СССР, соратником Ленина (о нём упоминает Маяковский в пьесе «Баня»: «...туда весь Наркомфин с Брюхановым засунуть надо...»). Дед был расстрелян вместе с Валерианом Осинским (Оболенским), старым большевиком, опять же соратником Ленина, теоретиком-экономистом, директором Института истории науки и техники АН СССР. Расстрелян вместе с начальником ГАИ, зам. начальника МУРа, сотрудником Разведупра РККА и многими другими.

Родным сообщили, что он получил пресловутые «10 лет без права переписки», а в 1942 году пришло письмо, что он умер в лагере

от воспаления лёгких. Бабушка до самого конца была уверена, что так и было. Даже думать не хочу, что она чувствовала, узнав о значении формулировки «10 лет без права...».

Деда реабилитировали 4 февраля 1956 года «за отсутствием состава преступления». Ну, слава богу, не прошло и 18-ти лет, как выяснилось, что не был он участником контрреволюционного террористического заговора. Зря убили, получается. А я родился ещё от дочери «врага народа» и первый год моей жизни считался «внуком врага народа», ЧСИР — «членом семьи изменника родины». Эпохи лихо перетекают одна в другую. Вот иди и разберись в той кутерьме, в которую мы все были втянуты в годы, предшествовавшие золотому веку.

В начале апреля 1938 бывшая вертихвостка, а теперь экономист Трёхгорной мануфактуры, осталась одна с 10-летней дочкой, 10-месячным сыном и с полной непоняткой, что делать и как жить дальше. А через какое-то время её вызвал к себе начальник.

— Где ваш муж?

— Он уехал в командировку и не вернулся, я не знаю, где он сейчас, — неожиданно для самой себя соврала бабушка.

Начальник хмыкнул, порылся в бумагах, а потом поднял взгляд на похолодевшую 34-летнюю мать двоих детей.

— Вот так всем и отвечайте, — буркнул он. — Идите, работайте!

Бабушка-то ждала, что её сейчас уволят и прикидывала, что делать с детьми в этой ситуации, а тут — рассказывала она — резко отпустило. Вот прямо резко. Хороший был человек её начальник. Не все тогда подонками были. Не случайно же он про мужа спросил, значит, был «сигнал» — помнит кто-то такое выражение? А поступил просто по-человечески. И бабушка до самой пенсии работала на Трёхгорке.

Но страх остался. И через много-много лет она спросила, не было ли у меня, 34-летнего отца двоих детей, проблем из-за деда, «участника контрреволюционной террористической организации». Это ж как надо было изуродовать поколение девочек в ботинках с высокой шнуровкой, вприпрыжку бегущих вниз по извилистому переулку, как надо было стараться, чтобы девочки и мальчики забыли про лампу под зелёным абажуром, про голландскую печь и ёлку, а вместо этого всю жизнь несли в себе страх, страх и страх.

Деда она ждала долго, второй раз вышла замуж в 60 лет за старинного друга семьи, того самого «котовца», что в кубанке и с маузером вёл их сорок лет назад «непонятно куда». Как она мне признавалась, за эти годы «руки ко многим тянулись, сердце — нет».

Мама, торопясь успеть, рассказывала, как 14-летней девочкой с четырёхлетним братом и старшей сестрой своей мамы выбиралась из осаждённого Киева, куда её отправила заботливая моя бабушка: лето, Украина, фрукты, овощи, солнце, воздух — это вам не пыльная, липкая от жары Москва! Детей по традиции на каникулы отправляли в Киев, на дачу. Такая в 1941 году получилась дача под Киевом.

Август 41-го. Оба твоих ребёнка — там, где идут бои. Как моя железная бабушка, бывшая барышня-вертихвостка, всё это выдержала? Откуда они, эти девочки из растерзанного войнами Города, брали силы на всю остальную жизнь? И почему мы сейчас думаем, что у нас этих сил не было бы?

Когда стало понятно, что немцев не сдержать, что Киев окружают, бабушка отчаянно ринулась спасать детей. Любая мать так бы сделала. Уж лучше носиться по дорогам, задыхаться от жары в переполненных вагонах, втискиваться без билетов — а где их взять? — в поезда, эшелоны, двигаться навстречу стремительно катящемуся на восток фронту — всё лучше, чем сходить с ума от бессилия в Москве.

Тот же начальник, что мудро посоветовал всем говорить, что муж в командировке, вновь проявил себя человеком. Бабушка пришла отпрашиваться в отпуск — какой, к чёрту, отпуск! Время военное, положение аховое, с чего вдруг? Но он только сказал:

— Ищи детей!

Жаль я не знаю имени этого достойного человека.

А в августе 1941 моей бабушке не было и 37-ми лет. «Бабушка» — молодая отчаянная женщина. Отчаянная не от слова «отчаяние», которое тогда полностью её охватило. А от способности на самые безумные поступки. Ну сами посудите, как можно думать, что найдёшь детей в этой суматохе, неразберихе, панике, носясь без всякого плана от станции к станции, леденя от мысли, что может случиться с дочкой-подростком и крохотным сыном, если вдруг они попадут к немцам. Успели выехать из Киева, не успели? Никаких известий, никакой информации, ничего. Но что-то же делать надо! Значит, буду носиться по дорогам, стараясь не думать, что произойдёт, когда взятый впопыхах отпуск закончится и надо будет возвращаться на работу. Не вернуться было нельзя — война. А дети — у всех дети. И благородству достойных людей есть предел.

На вокзале в Мичуринске, бывшем Козельске, бледная молодая женщина выходит из вагона и встаёт в очередь к «титану» — набрать кипятку. Не разносили тогда проводницы чай в тонких стаканах. Стоять долго, очередь движется медленно, женщина беспрестанно

оглядывается, боясь упустить свой состав — вдруг тронется. От скуки разглядывает окружающих. С брезгливостью смотрит на спящее под скамейкой существо, одетое в грязную солдатскую шинель и большие солдатские же ботинки. Сегодня таких людей называют бомжами. «Это же надо так опуститься» — осуждающе думает моя будущая бабушка, но в этот момент существо под скамейкой поворачивается к ней лицом: это её родная старшая сестра! Та самая, к которой отправила детей отъедаться украинскими фруктами и загорать под украинским солнышком. Сестра-то бабушкина тоже была из тех девочек в ботинках на высокой шнуровке, никогда не рассказывающих о том, что им пришлось пережить. Она до того, как замкнулось кольцо окружения, всё же успела одним из последних эшелонов вывезти из Киева и родителей, и племянников, и добраться до Мичуринска. А под лавкой? В снятой комнате поместились только дети и родители, а она — что она, она и под лавкой может. 39 лет, муж на фронте, ему там тяжелее, а мы тут справимся.

Вот так 37-летняя бабушка сходила за кипятком на богом забытой станции. А 35-летняя младшая их сестра в это время спасала раненых в голову красноармейцев, оперируя их в полевых госпиталях, где всё было совсем не так красиво, как это показывают в кино, а по локоть в крови, в ошметках мозга, где вонь от гниющих ран и кричащие от боли мальчишки.

Железными они были, эти киевские гимназистки, которых принято представлять кисейными барышнями.

В Мичуринске семья и осталась в эвакуации. Бабушка начала снова дышать и вернулась в Москву, дети остались с тётей и своими бабушкой и дедушкой — столица была закрыта.

Мама рассказывала, что в мичуринской школе, где родной дедушка преподавал французский, он никогда не ставил ей пятёрки, хотя мама все предметы знала на отлично и вообще школу закончила экстерном. Он считал, что внучке директора школы непозволительно ставить самую высокую оценку. Не приведи Господь, заподозрят что неладное. Правильно это было? Не знаю. Но меня это впечатлило. Это был принцип другого мира, безвозвратно исчезнувшего ещё до наступления «нашего» золотого века. И если бы тогда существовали медали за учёбу, то из-за четвёрки по французскому мама лишилась бы золота. Но медали введут в школах, когда мама уже будет учиться в вузе.

Кстати, как следствие, французский мама знала неплохо, во всяком случае, вполне могла общаться с франкоязычными. Папа, у

которого с языками было совсем не так хорошо, рассказывал, как она беседовала в Болгарии с женщиной из какой-то африканской страны. Беседовала! А в доме у нас были французские книги и много пластинок с французской музыкой, в том числе, одна, покоровившая моё сердце: Ив Монтан, Песня солдата.

Мама переводила мне, о чём там поётся. Вот уходит на войну солдат, уходит с надеждой на славу, на то, что вернётся с маршалским жезлом в ранце, весёлый и бесшабашный. А потом бредёт домой, никому ненужный, без славы, без денег, и вместо маршалского жезла в его потертом ранце лежит только скомканное грязное бельё. И у меня перехватывало горло от жалости к этому неведомому солдату. Я ведь до сих пор помню этот мотив.

Почему, ну, почему я тогда вполуха слушал мамины рассказы?! Запомнил почему-то только её школьную подругу Киру, наверное, из-за редкого в те годы имени.

Как всякая мать, она была на редкость наблюдательна. Увидев, как я стал что-то часто сплевывать, усмехнувшись, спросила: «Надеюсь, это не от того, что ты стал курить?».

А это было как раз от того! Накурились с мальчишками на озере Шарташ, куда ездили ловить раков. Откуда она знала про этот симптом, ведь в семье никто не курил?!

Насколько я мог понять, мама и папа очень любили друг друга. Я знал, что у папы до мамы была другая семья, с нами иногда жила моя сводная сестра Элла, которую я считал и считаю родной. Сестра вышла замуж, родила девочку, и мама называла её своей внучкой. Об этом она, ни секунды не сомневаясь, писала в письмах из клиники на Каширке, где ей пытались остановить неизбежное развитие опухоли. Писала, как с соседкой по палате обсуждают своих внучек-ровесниц, и что у соседки девочка ещё не говорит, а наша-то вон какая! Уже произносит трёхсложные слова! «Очень скучаю по ней!».

Да, родители действительно любили друг друга. Я тогда был слишком мал, чтобы задуматься над тем, что, наверняка, и мама была в юности влюблена в кого-то, что у неё, конечно же, были романы, не могло не быть. У такой умницы-красавицы безусловно была куча бешеных поклонников, вспомним несчастного поэта с безответной любовью! Не могло же такого быть, чтобы ничего не было — и тут сразу я?!

Потом будут скоропалительное замужество (как ни пиши про противостояние чувственного и духовного), рождение сына, его смерть в младенческом возрасте. Бабушка в ту нашу последнюю встречу впервые заговорила со мной о том муже и том ребёнке.

Тот оказался банальным алкоголиком, что и стало причиной разрыва. «А ребёнка они застудили», — сурово и сухо сказала бабушка. Он скончался от менингита.

Наверное, всё это было причиной, по которой мама буквально сбежала из Москвы после окончания аспирантуры в 1950 году. 23-летняя кандидат наук, которую наверняка ожидала блестящая карьера в столице, бросает всё и уезжает «по распределению» на Урал, в Свердловский пединститут (затем переходит в университет). «Дура, дура маленькая!» — в сердцах напишет она позже под одним из интимных признаний. Это там, в Свердловске, молодая женщина будет перечитывать свой девичий дневник и не удержится от неловкости за эти интимные записи.

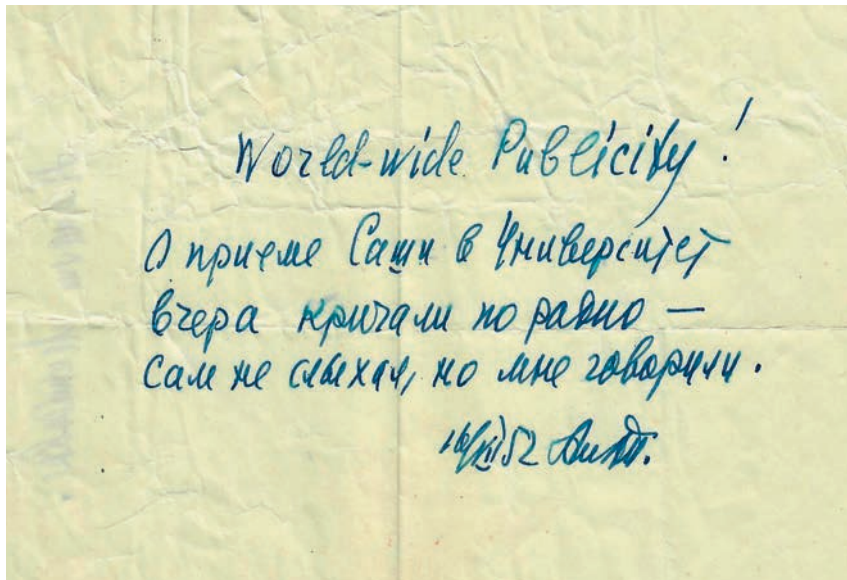
Последняя запись в блокноте:

«Три с лишним года я не брала в руки эту тетрадь. Сегодня её можно закончить... Кончается юность, пылкая, стремительная, безрассудная и бесстыдная в своих порывах. Приходит зрелость. Надо оправдать право на жизнь. Совершенно незачем писать о том, что произошло за эти годы. Но теперь мне кажется, что я имею право называться человеком. Отошли в прошлое и ушли из души и Г., и А. Отболело и умерло. Нет и сына... Я далеко от Москвы. Пусто на сердце... Может быть, любви и нет, а есть мечта о ней. Но я не хочу больше ошибок».

22.01.51

Ей 23 года. С половиной. Совсем скоро на одной из вечеринок она познакомится с обаятельным тридцатилетним мужчиной, который проводит её домой в преподавательское общежитие на Набережной Рабочей Молодёжи и совершенно «случайно» унесёт с собой ключи от её комнаты, чтобы на следующий день позвонить и предложить встретиться: «вернуть ключи»...

Студенческая пора

Приятная и долгожданная новость, записанная Владимиром Александровичем Завадским, мужем старшей тётки Саши, Варвары Леонидовны.

А. Кицинский, Т. Гагарина, Л. Терёхина. 1951 г. Фото В. Андреева.
Из альбома Ю.С. Равкина.

*Озеро Круглое. Е. Гагарина, Л. Терёхина, А. Кицинский. 2 мая 1953 г.
Фото Д. Крылова из альбома Ю.С. Равкина*

*Озеро Круглое. А. Кицинский, А. Терёхина, Т. Гагарина, 2 мая 1953 г.
Фото Д. Крылова из альбома Ю.С. Равкина.*

А. Кицинский, Е. Ляпунова, М. Шемякин. Из альбома Ю.С. Равкина

*А. Кицинский и Б. Головкин. Заповедник «Семь островов», лето 1955 г.
Фото А. Терёхиной из альбома Ю.С. Равкина*

Река Цна, 10 апреля 1953 г. Фото Д. Крылова из альбома Ю.С. Равкина

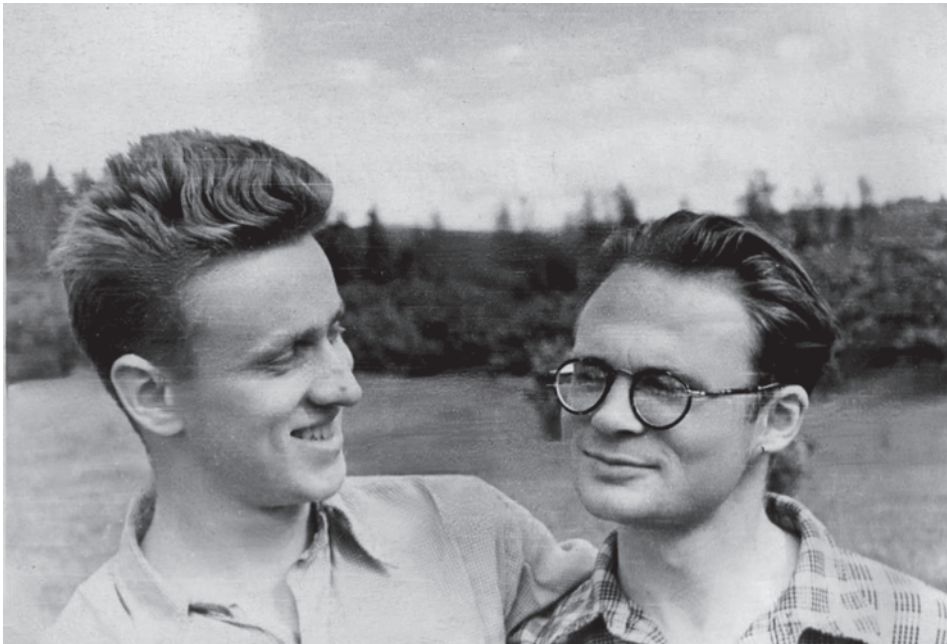

Река Цна, 10 апреля 1953 г. Фото Д. Крылова из альбома Ю.С. Равкина

*А. Кицинский. Заповедник «Семь
Островов», лето 1955 г.
Фото А. Терёхиной из альбома
Ю.С. Равкина*

*Кицинский в прыжке. Август 1954 г. Река Молога, Вологодская область.
Фото Д. Крылова из альбома Ю.С. Равкина*

*А. Кицинский и Б. Головкин. Подрезково, июнь 1957 г.
Фото Д. Пулавкина из альбома Ю.С. Равкина*

А это любимый экспедиционный нож Саши. Ныне хранится в доме его сына Андрея Александровича.

Кровожадный ковбой. Кубань, 1956 г. Из семейного архива Кицинских.

Саше 20 лет. Причёска как у главного героя кинофильма «Весна на Заречной улице». Москва, 1957 г. Из семейного архива Кицинских.

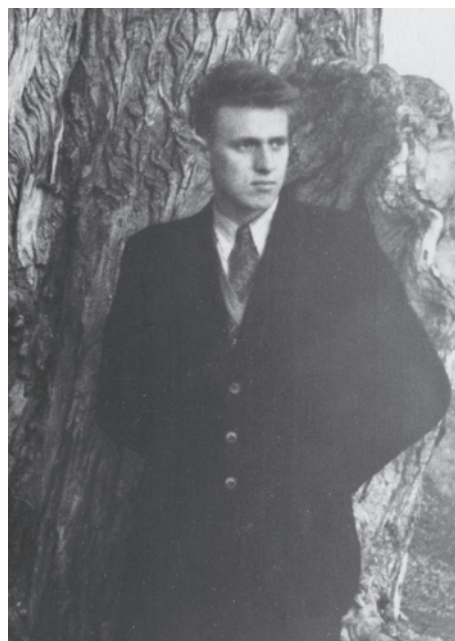
Двадцатилетний учёный и несостоявшийся моряк. Майкоп, 1957 г. Из семейного архива Кицинских.

За учёбой на биофаке МГУ. Москва, 1956 г. Из семейного архива Кицинских.

Выпускник МГУ и младший научный сотрудник в Приморско-Ахтарском филиале Краснодарского управления государственного охотничьего хозяйства и Кавказского заповедника. Москва, 1958 г. Из семейного архива Кицинских.

А.А. Кицинскому 21 год. Москва, 1958 г. Из семейного архива Кицинских.

*А.А. Кицинский и справа от него В.М. Белькович спустя много лет после окончания университета на встрече с выпуском однокурсников по МГУ 1957 года.
Из семейного архива Кицинских.*

Экспедиция и зимовка

В двадцать с небольшим лет я встретила Александра Кищинского — своего будущего мужа и отца моих детей, Андрея и Юли. Он окончил Московский государственный университет и работал над проблемами охраны водоплавающих птиц, мечтая о поездке в биологическую экспедицию на Камчатку. Познакомились мы на танцах в городе Приморско-Ахтарске на берегу Азовского моря. Он спросил меня: «Поедешь со мной на Камчатку?». Я ответила: «Да». «Тогда я приеду на тебе жениться в ноябре» — сказал он и даже назвал точную дату. Так всё и было.

Поженившись, мы отправились на Камчатку весной 1959 года. Это была экспедиция Академии наук по изучению производительных сил (СОПС) Камчатского края и Чукотского автономного округа. Добирались до Петропавловска-Камчатского долго: 8 дней поездом до Владивостока и 4 дня

Красивая пара. Александр Александрович Кищинский и Елена Михайловна Шевченко в день регистрации брака в Москве 2 марта 1959 г. Елена Михайловна решила не менять фамилию при замужестве, потому что её отец очень горевал, что у него сыновья умерли, и никто не будет иметь его фамилию.

Пленившая сердце навсегда Елена Михайловна Шевченко в Приморско-Ахтарске, 1958 г.

На свадьбе с новыми родственниками. Долиновка, 1958 г.

Свадьба Александра Александровича Кищинского и Елены Михайловны Шевченко в поэтическом изложении Елены Михайловны в сборнике её стихотворений, изданных её дочерью Юлией Александровной Быстровой

на теплоходе «Советский Союз». Из всей экспедиции (20 человек) только мы с Сашей были женатыми, поэтому девушки со своими проблемами часто приходили к Саше советоваться, думая, что поскольку он женатый, всё должен знать. Он смеялся!

Саша с двухмесячным сыном Андреем в Петропавловске-Камчатском, 1960 г.

Счастье и взаимная радость. Камчатка, 1960 г.

В Петропавловске-Камчатском сотрудникам экспедиции предоставили две квартиры, в одной из которых нам с Сашей выделили одну комнату. Саша большую часть времени работал в поле, так что я в основном жила в этой комнате одна. Очень часто ко мне приходили ребята переночевать на полу, так как им не хватало места во второй квартире. Я уже была на сносях, спала на кровати, и они называли меня королевой. В начале декабря пришло время рожать. Начались схватки. Посоветоваться не с кем. Всё вокруг занесено снегом — сугробы в человеческий рост. Хорошо, что в этот момент Саша оказался дома! Пытался вызвать скорую — не получилось. Выскочил на улицу, и тут повезло! Навстречу ехала машина скорой помощи, которая ехала по вызову к больному. В ней оказались добрые люди. Забрали меня и отвезли в больницу. И вообще на Камчатке люди удивительно добрые! 4 декабря родился Андрей.

Когда Андрею было 9 месяцев, случилась беда — у Саши в поле лопнул аппендицит. Хорошо, что им случайно встретились геологи с рацией, и они вызвали вертолёт. Сашу отвезли в посёлок Тиличики в местную больницу. Там оказался молодой, но очень талантливый хирург, который спасал его в течение трёх недель. Я отправилась в Тиличики вместе с Андрюшей. Из Петропавловска-Камчатского мы летели на маленьком самолёте. Пилоты согревали для Андрюшки бутылочки с кашей у себя в кабине. Из-за плохой погоды пришлось сделать аварийную посадку, и мы шли пешком по заснеженному полю в посёлок. Я тащила за собой лёгкую коляску с Андрюшкой и не заметила, как его выронила. Чувствую, что коляска стала легкой, оглядываюсь, а он лежит на земле и продолжает спать — вот такой спокойный ребёнок! На второй день добрались в Тиличики.

Андрею год. Провожаем его в Москву со Стасей Ляссотович и Гришей Храбровым. А сами отправимся на зимовку, 1960 г.

Заведующая местной гостиницы мне отказалась предоставить комнату. Пришлось идти в местный сельсовет, и вот там я впервые услышала отборный русский мат! Так председатель отчитывал заведующую гостиницы, которая сказала ему, что все номера забронированы. Устроившись в гостинице, я сразу отправилась в больницу. Но с ребёнком меня туда не пустили — в больнице карантин. Оставила Андрюшу в коляске под окном, пошла в палату. На кровати лежал очень худой мужик с большой красной бородой. Он сказал: «я знал, что ты приедешь». В комнате, где мы жили, печь надо было отапливать углем. К счастью, сотрудники больницы были все добрые без исключения и разрешали мне брать уголь в больничном сарае. А когда я обожгла руку в печке, лечили и меня. Пробыла я в Тиличихах до тех пор, пока Сашу не выписали. Когда его везли на каталке к самолёту, слышала, как местные женщины говорили, глядя на нас: «такая молодая и красивая женщина и такой старый больной муж!».

Зимовка

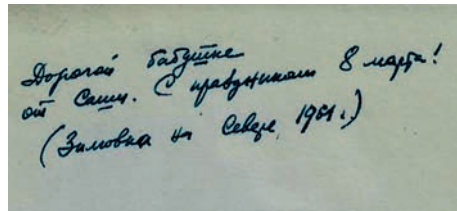
В конце 1960 года мы отправили Андрюшу в Москву со Стасей Ляссотович и Гришей Храбровым, а сами улетели на зимовку. Летом коллеги построили нам землянку в трёх километрах от посёлка Ачай-

Едем на зимовку, 1960 г.

Рабочие будни на зимовке

Саша в кукхлянке и надпись на обороте этой фотографии, 1961 г.

Ваям. Добирались туда несколько дней с приключениями. Сначала прилетели на маленьком самолёте в посёлок Корф, где была взлётная полоса и деревянное строение типа аэровокзала. В этом холодном строении пришлось ждать три дня чукчей с собачьими упряжками, чтобы двигаться дальше. «Аэровокзал» не отапливался. Было очень холодно, и нам пришлось спать вдвоём в одном спальном мешке, чтобы согреться.

Через три дня приехали чукчи на трёх собачьих упряжках. Главный, Оннав, потом стал нашим проводником. Посмотрели на нашу одежду и сказали: так ехать нельзя! Надели на меня меховые штаны и кукхлянку, а на Сашу кукхлянку и малахай. По дороге было смешно. Когда мне надо было отойти по нужде, во-первых, в тундре ни кустика, так что Саше приходилось меня прикрывать, во-вторых, ему приходилось развязывать мне кожаные шнурки на штанах, потому что я не могла это сделать замершими руками. Ехали мы таким образом три дня, ночевали в ярангах, спали на полу на оленьих шкурах вповалку, ели мороженую рыбу, хлебали вместе с чукчами похлёбку из общего котла. Похлёбка, сваренная из оленины с рисом, была вкусная. Нам, как почётным гостям, вылавливали самые жирные куски оленины!

Обходимся без расчёсок

Григорий Павлович Храбров по совместительству в роли парикмахера. Камчатка, 1960–1961 гг.

Наконец, добрались до нашей землянки, внесли наши пожитки, еду и стратегический запас спирта — Саше нужен спирт для работы. В землянке была печка, поэтому по приезде мы её сразу растопили, а Оннав стал просить немножко спирта. Саша не хотел распаковывать тюки и сказал: «дам завтра». Но Оннав настаивал и говорил, что он должен понести спирт старухе (кстати, «старухе» было 28 лет, а ему 63). В конце концов Саша сдался и налил ему фляжку. Счастливый Оннав ушёл, а когда на следующий день Саша спросил: «Ну как, твоя старуха была довольна?», он ответил: «Нет! я выпил спирт по дороге домой».

Характерная улыбка. Петропавловск-Камчатский по возвращении из Тиличилов, 1961 г.

«Ну как же так?» спросил возмущённый Саша. «Потому что очень хотелось» ответил Оннав. Однажды Саша с Оннавом уехали далеко на побережье добывать тюленей на корм для собак и застряли там в какой-то заброшенной занесённой снегом халупе на несколько дней из-за урагана. Так долго их не было, что я и мои друзья из Ачай-Ваяма уже собирались посылать людей на поиски. Но, слава Богу, всё обошлось! Уезжая, Саша велел мне ходить по его маршрутам, собирать из капканов мышей, измерять температуру и глубину снега и проч. Чтобы мне было веселее, поймал птичку, посадил её в клетку, а клетку повесил на дерево у входа. Но пришли чукчи и птичку выпустили. Я надела его фуфайку и сунула руку в карман, а там полно мышей! Испугалась.

Чтобы наши волосы стали лучше, мы побрили друг другу головы и смазывали их какими-то препаратами, надеясь, что за 8 месяцев наши волосы станут густыми и крепкими. Но нас отозвали в Петропавловск-Камчатский на три месяца раньше, и мы приехали домой со смешными причёсками.

Елена Михайловна Шевченко

Фото из семейного архива

Хорошее отражение эпохи шестидесятников. Одухотворённые лица, полные надежд. Москва, 1964 г.

Красавица, спортсменка и комсомолка. Жена, кубанская казачка Елена Михайловна Шевченко. Москва, 1962 г.

Длинношеие лебеди — счастливый отец и сын Андрей. Москва, 1969 г.

У мишки что-то происходит с шеей. Москва, 1976 г.

Мама с дочкой Юлей, 1981 г.

А тут Юлия уже сама мама. Внучка Кицинских Екатерина с мамой. Москва, 1999 г.

Кищинские в гостях у тётки Веры — Веры Леонидовны Волковой. Слева направо: генерал-майор медицинской службы Николай Павлович Волков, его жена Вера Леонидовна Волкова (в девичестве Павлова), Елена Михайловна Шевченко с дочерью Юлией на руках, Александр Александрович Кищинский и сын Андрей. Москва, 25 октября 1976 г.

Какой чудесный день, какой чудесный пень! Дочь Юля на пенёчке на лесной экскурсии с отцом. Уже умненькая и благоразумненькая. Подмосковье, 1978 г. .

Саша поехал с ней в лес перед своей командировкой на Аляску. Потом мы вместе с ней провожали Сашу в Монголию, и Юля его больше не видела. Когда он умер, ей было 5 с половиной лет.

Страницы полевых дневников А.А. Кищинского, заполненные в разные годы и в разных регионах СССР

Кузнецкий, Д.В.
Таблица № 8.

Дневник
наблюдений.

Начала 6. VIII. 1954.

Валодская область, Руден-
ское водохранилище.

Окончен 8. II. 1955.

Аз. СФ Ленинградский р-н,
Козьмо-Демьяновское водохр.

Coturn. cot.	64, 73, 79, 81,	Oxyura	15, 49, 57, 51
Franc. franc.	60, 59,	Mergamus	12, 80.
Fulica atra	7, 52, 53, 54, 55, 56, 61, 63, 74, 75, 77, 78, 79,		
Otis tetrax	4, 51, 57, 59, 60, 73, 77, 79, 83		
Char. alex.	57,	Ph. carbo	72,
Cal. alp.	58, 60, 65,		
Tr. totanus	14, 49, 51, 56, 57, 60, 65, 81,		
Tr. erythr.	48, 56, 77, 81,	Ph. pygma.	
Tr. ochrop.	73,	Pelec. crisp.	73,
Van. vanell.	2, 13, 49, 56, 65, 81,	Pelec. onocr.	73,
Recurv. av.	5, 12, 13, 49, 56, 73, 81,		
Zinosa lim.	16, 49, 56, 65,		
S. Nam. arg.	9, 14, 49, 57, 73,		
Scalopus crist.	4, 7,	Ard. ciner.	54, 63, 74,
Anas plat.	2, 55, .	Egr. alba	8, 11, 16, 51, 52, 55, 74, 78
Z. rid.	65, 73,	Egr. quaz.	53,
Z. arg.	2, 5, 57, 73,		
Z. can.	5, 56,		
Z. icth.	75,		
Col. cast.	79,	Bot. still	5, 8, 52, 64, 67, 76, 79,
Cygn. det.	56,	Ph. ruber	8, 19, 50, 52, 53, 57, 58, 59, 60, 74, 75, 84
Cygn. det.	56,		
Cygn. det.	56,		
Cygn. det.	56,		
Cygn. det.	56,		
Cygn. det.	56,		

Мушкет Д.К.Сидорова.

644 *Stadler's* ~~1888~~
~~1888~~ ~~1888~~
~~1888~~

20-1	170(614)	<i>H. arvensis</i>	♂	ср. N2	4	39,2	189	115,5	105	1-1,6	семена, част. ост.
	171(615)	<i>St. vulg.</i>	♂	4 ср. N1		77,5	228	133,3	+1,0	12,1	насекомые

22-1	177(616)	<i>Cal. alpina</i>	♀	смена		56,8	217	127,4	1,0	1-7,9	-
------	----------	--------------------	---	-------	--	------	-----	-------	-----	-------	---

21-1	175(617)	<i>Emb. sch.</i>	♀	смена		29,3	160	79,5	-	1-4,9	семена
	174(618)	<i>H. nica</i>	♂	4		89,5	236	132,3	+1,5	1-2,0	гусей, моллюски
	175(619)	<i>St. vulg.</i>	♀	смена		78,7	234	129,9	+1,5	1-6,4	гусей, моллюски
	176(620)	<i>Card. canis</i>	♂			19,5	116	83,4	-	-	семена

28-1	178(621)	<i>Phyll. colub.</i>	♂	гнездо		52	127	61,0	+1,5	1-1,2	насекомые, яйца
	178(622)	<i>Phyll. colub.</i>	♀	гнездо		52	127	61,0	+1,5	1-2,7	насекомые
		<i>Card. canis</i>	♂	гнездо		14,6	117	73	-	-	насекомые, яйца, дощечки

На косе охотился ♂ полевой лунь.
 Летает здесь же болотной лунь.
 Мушкет окотился ♀ лунь с бел. нагхвое
 и красным клювом, иривант. отгыхаю, впр.
 иенский - коле. Здесь же, впрод, лет. болот

Описание -
 излучность.
 места обитания.
 Сур. мушкет, коровки, копы, мушкет
 Шибя, к. сурмушкет, или сурмушкет
 здесь мушкет.
 мушкет или мушкет
 места обитания мушкет, сурмушкет, сурмушкет.
 мушкет мушкет. Не мушкет.
 мушкет мушкет. Не мушкет.
 не мушкет мушкет мушкет мушкет.
 мушкет мушкет мушкет мушкет.
 мушкет мушкет мушкет мушкет.
 мушкет мушкет мушкет мушкет.

КЛЩИНСКИЙ

1951

I

Виды необходимые к добыче —

По сист.

1. Потанки.
2. Воробьи
3. Сорок
4. Саян
5. Канюки.
6. Котлячек.
7. Серебр. гайка
8. Златоордок.
9. Сизик
10. Б. п. г.
11. М. п. г.
12. Зелёный г.
13. Ворона
14. Саян
15. Скворец
16. Шелк
17. Конопляк
18. Зяблик
19. Зелёнушка
20. Чирок
21. Воробей бел.
22. Воробей бел.
23. Малецкий бел.
24. Котлик
25. Трёхсвист.
26. Пичуга
27. Поползень
28. Сизик бел.
29. Голубчик
30. Камышовый
31. Дрозд
32. Зяблунья
33. Зяблунья
34. Сорок
35. Зяблунья
36. Зяблунья

По редкости и нерегулярности,
~~не~~ не обязательны —

1. Б. Саян
2. Перелом
3. Чирок
- 4.

Кладовые на туши
Пастушка — Гусь
Кулик —

115/1936 п.

Коринфские ресурсы

Растения
~~Rubus sanctus~~ - ~~субарктик, гора~~. Соп. семена, 8, 10, 11.
 Salicornia herbacea.
 Punica granatum

грав. { Bas
 Шарики
 Шип
 Мбт

Rubus sanctus
 Punica granatum
 Lycium ruthenicum

Faschoerus

Ruppia
 Petalogeton
 Polygonum aegypti
 Najas
 Porosmetum
 Juncus
 Ple

Characeae
 Ulex

ночь и т.д. -
 B. japonicus
 Kantarion
 Hordelia paniculata
 Valpea huyios.

Cressa cretica.
 Petrosimonia brachiata
 Suaeda confusa.

Setaria viridis (Lamour.) S. glauca
 Strepis gigantea.
 Panicum divitatum (Lamour.)

(75)

Lagopus lagopus -
 (Lagopus lagopus) - Зимний вид обитает в горах
 в долине Восток и вб. широт.
 в Коринфе в Сиваке. По пути в Восток:
Acantus flammula - 2 в долине в долине
Pyrula pyramidalis - 1 в средн. долине, Корин в долине в долине,
 в долине, в долине

Lagopus lagopus

Итак, создается впечатление, что и сейчас зайцы живут на индивидуальных участках (березки сидят "пятнами"). Зайчики заселяют весь пояс стланицы, из него выходя к кормовым в ольхику и холм тундры. Заселяют кустарники по речкам.

По маршруту отлет. обитание 7-10 экз. Площадь ... км².

- 1) низкие ивняки по р. Кай-Илеваям, 400 x 80-30м. - 1
- 2) выше по ивнякам р. Кай-Илеваям. - 1
- 3) в стланицах др. мисей пещеры - 1-2
- 4) на ср. с ольшикой выше пещ. мисеры - 1
- 5) граница альпийки и Ча - кормовые сходы.
- 6) у лагеря 1959г - 1-2
- 7) выше в стланицах - 1-2
- 8) в лого - 1

впоследствии сравнить с данными мая 1960г.

Охотона гипербореа

Россыни, где обитали ишмухи, каполовиты, соволены, совсем почти исключительно в низких частях. Альпийский снег глянц плотен; под плоскими камнями все задоро снегом. митидеонных пухот очень мало. Хотя я много ходил там.

Два поехали катом с Майвалям и в 14⁵⁰ мбт погудились на три вагона и поехали в Майвалям. За день 21.10 добрались до Кухльбазе, где закочевали. Охоты:

Lepus gentilis - 1, на лого близ "Комсомольска", клвал 20-го на вост. дороге.

Lepus lagopus - на 2 км открытой тундры - Нет.

Lepus timidus - много следов в старых ивняках и в ивн. с ольхой сразу за "Комсомольском" (более 10 и 100м).

Если дальше по руслу р. Вуки и в течение по ивняку. Нигде не видели.

(21 января 1961г). Переи облачность, слабый СВВ ветер, нередки небольшие снегопады, t° -10-12°C. Дождик до Тылмаэ.

Наблюдения

Corvus corax - 1 на Кухльбазе,

1 на пути к Тылмаэ } в тундре с холм углекислотной
1 в 5 км от Тылмаэ } ровн. долинами и
участками ивняков №21.

В верховьях реки Ачай-Ваям

На Камчатке, 1960 г.

С профессором Л.А. Портенко на Камчатке, 1960 г.

Колымский хребет, лето 1963 г.

Как молоды мы были... (воспоминания о Саше Кищинском)

Получив предложение написать воспоминания об Александре Александровиче Кищинском (1937–1980), я испытал смешанные чувства: с одной стороны — радости от прикосновения к далёкому и очень приятному прошлому, а с другой, не скрою, — страха от сознания трудности этого задания, связанной с масштабом личности человека, которого я привык называть просто Саша. Взял с полки бесценный подарок — книгу «Московские орнитологи» (1999) и вновь перечитал прекрасный очерк о Кищинском, написанный Владимиром Евгеньевичем Флинтсом (1924–2004), 100-летие со дня рождения которого мы будем отмечать уже всего через месяц. В который раз поразившись тому, как много успел сделать за свою короткую жизнь Саша, я мысленно поблагодарил Владимира Евгеньевича за этот очерк, в котором он дал полную и аргументированную оценку его творчества, тем самым избавив нас от попыток рассуждать на эту тему и оставив нам более простое и приятное занятие — воспоминания о человеке и друге в обстановке той далёкой жизни, — более полувека назад. В ушедшем 2023 году исполнилось 43 года, как Саши нет с нами, это ровно столько же, сколько он прожил на этом свете. Очень мало прожил. Но его книги по-прежнему составляют основу наших знаний о птицах крайнего северо-востока Азиатского материка. А память о нём живёт в сердцах тех, кто хорошо знал и любил его. И наш долг перед ним — передать её следующим поколениям.

*****

Познакомились мы в далёком 1962 году, когда нам обоим было по 25 лет. В сентябре этого года в городе Львове (Западная Украина) проходила Третья Всесоюзная орнитологическая конференция. Каждая такая всесоюзная конференция была важнейшим событием для орнитологов Советского Союза, собиравшем если не всех, но большинство специалистов на несколько дней для общения. Для меня это была уже вторая конференция, но первая полномасштабная, поскольку на Второй (Москва, август 1959) я присутствовал только в первый день, а остальные провёл в инфекционной больнице на Соколиной горе (Ковшарь, 2014). Во Львове же я был все дни, включая и экскурсию на Карпаты, и даже демонстрировал свой «постер» — такая форма доклада, непривычная не только для меня, впервые была апробирована именно на этой конференции.

Здесь, во Львове, я не только увидел вблизи светил орнитологии (Г.П. Дементьева, Н.А. Гладкова, Л.А. Портенко, Б.К. Штегмана и др.), но и свёл знакомство со многими своими сверстниками, включая даже алмаатинца Эдика Гаврилова, с которым И.А. Долгушин несколько раз пытался нас познакомить, но всё как-то не получалось, так как Гаврилов жил и работал не в городе, а в посёлке Каргалинка, где располагался его Институт защиты растений. Здесь я познакомился и подружился с Анатолием Никифоровичем Пославским (1937–1994) и Ардалионом Алексеевичем Винокуровым (1931–2012). Число орнитологических знакомств, завязавшихся на Львовской конференции, исчислялось десятками имён, с некоторыми из них дружеские отношения сохранились на десятилетия.

Оригинальным получилось знакомство с Сашей Кищинским, который разыскивал меня по поручению самой Елизаветы Владимировны Козловой (я перед этим послал на её суд свой опус о первом нахождении гнезда краснокрылого чечевичника). Когда он подошёл ко мне, я вздрогнул — так он был похож на одного моего харьковского университетского товарища, погибшего при загадочных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. И только голос оказался другим. Это ли обстоятельство или, скорее, то, что он, коренной москвич, только недавно поступил в аспирантуру в Ленинград (ныне Петербург) и не имел ещё здесь друзей, способствовало тому, что, когда я из Львова приехал на три недели в этот город, в первую свою командировку в ЗИН, мы подружились и всё своё свободное время проводили вместе, знакомясь с достопримечательностями этого прекрасного города, имевшего славу Северной Венеции.

Многие участники конференции, как и я, после её окончания поехали в ЗИН — грех было не воспользоваться такой возможностью, учитывая близость северной столицы и доступность железнодорожного билета. Мы ехали в одном вагоне с Марией Алексеевной Кузьминой (Игорь Александрович Долгушин прилетел позже самолётом), здесь же я видел А.А. Назаренко из Владивостока и очень яркую брюнетку Марал Аманову из Ашхабада, а также ряд других знакомых по Львову лиц, имён которых я просто ещё не знал.

Трёхнедельное пребывание в Ленинграде оказалось не только полезным (в чём я нисколько не сомневался, планируя эту поездку), но и удивительно приятным. Сам город, о котором я много слышал и всегда мечтал увидеть, произвёл просто неизгладимое впечатление, за что я в первую очередь благодарен моим спутникам — Марии Алексеевне Кузьминой и Игорю Александровичу Долгушину. Мария

Алексеевна была коренной ленинградкой, обожала свой город и стремилась показать всё самое лучшее в нём. В один из выходных она повезла меня в город Пушкин (бывшее Царское Село), где показала все достопримечательности и даже место в парке, памятное только ей: «Здесь на меня едва не наехал, катаясь на лошадке, цесаревич Алексей». И я представил себе их маленькими...

Игорь Александрович как-то после ужина устроил мне вечернюю прогулку по также любимому им городу, рассказывая обо всём, что встречалось на пути: Исаакиевский собор, Адмиралтейство, Мойка, Фонтанка, Спас на крови и т.д. От него я впервые узнал, что сам город планировался, как Северная Венеция, и всё обилие каналов соответствовало этому основному замыслу — чтобы гостей во дворцы привозили на гондолах.

Завершали программу ознакомления с Питером наши вечерние и воскресные прогулки с Сашей Кищинским. Он жил в аспирантском общежитии на Петроградской стороне, но поскольку в отличие от меня, полного новичка, уже более или менее ориентировался в городе, то чаще заезжал ко мне на Халтурина 27, где находилась старинная академическая гостиница практически без удобств (во всяком случае, горячей воды здесь не было). Как объяснили мне знающие ленинградцы, раньше здесь жила дворцовая челядь — через несколько домов находился сам Зимний дворец (ныне — знаменитый Эрмитаж), там улица Халтурина открывалась, как бы вливаясь в Дворцовую площадь. Старинные 3–4-этажные дома на Халтурина стояли так плотно, что по их крышам можно было пройти от нашей гостиницы до Зимнего дворца, что я и видел как-то на ноябрьские праздники: люди пробирались этим путём, чтобы посмотреть парад. Здесь я любил останавливаться и в последующие годы.

Отсюда мы с Сашей направлялись вдоль Невского проспекта, осматривали чудный Казанский собор или заворачивали к Спасу на крови, который в то время был на ремонте. Однажды он предложил поехать в Александрово-Невскую лавру, в которой сам ещё не был. Здесь мы слушали богослужение и бродили по некрополю со знаменитыми могилами. Больше всего меня поразила плита с надписью «Тут лежит Суворовъ». Когда я на второй день выразил свое удивление краткостью этой надписи в разговоре с Долгушиным, он спокойно ответил: «А это совсем не случайно и вовсе не прихоть. У него было столько титулов, что для перечисления их не хватило бы и нескольких таких плит». Запомнилась могила Державина, а также скульптурные надгробия некоторых композиторов, особенно Даргомыжского. Из надписей нам

с Сашей запомнилась такая философская эпитафия: «Прохожий, ты идёшь, но ляжешь, как и я. Присядь и отдохни на камне у меня. Сорви былиночку и вспомни о судьбе. Я дома, ты — в гостях. Подумай о себе».

Одним словом, прогулки наши были очень содержательными. И ничуть не менее интересными были наши беседы, в которых мы касались любых вопросов, не только птиц, хотя заканчивались чаще всего именно ими... Помню, в одно из воскресений (когда ЗИН закрыт) увидели на Невском красочную афишу нового фильма «Приключения Одиссея», зашли в кинотеатр и с удовольствием посмотрели этот фильм. Когда на вопрос местных жителей выброшенный морской волной на берег Одиссей отвечает: «Я Одиссей» и ему верят, Саша не выдержал и восхищённо сказал: «Вот времена были! Ни паспорта не потребовали, ни прописки, ни справок!». И долго потом на улице мы всерьёз говорили о том, как далеко ушло человечество по пути цивилизации и к каким издержкам это порой приводит... Ни разу не касались только бытовых и семейных проблем, поэтому сложности Сашиной биографии я узнал только десятилетия спустя, когда его не стало.

Зоологический институт Академии наук СССР (ЗИН АН СССР, а сейчас ЗИН РАН) расположен на стрелке Васильевского острова — прямо напротив окончания Дворцового моста. Ежедневный мой пеший маршрут проходил по набережной Невы мимо Эрмитажа, откуда открывалась прекрасная панорама на эту полноводную реку, Петропавловскую крепость, Дворцовый мост и стрелку Васильевского острова. Здесь на каждом шагу ощущалось дыхание истории, не покидала мысль о том, сколько же людей здесь прошло.

Орнитологический отдел находился в самом конце правого крыла третьего этажа, и запомнить дорогу было не так-то просто. Коридоры с множеством поворотов казались бесконечными. Не случайно через полгода в одном из писем в ответ на мой вопрос — что там, в центре, слышно о будущей реорганизации заповедников — Саша Кищинский мудро ответил: «По нашим длинным коридорам тоже ползли слухи на эту тему. Но ты же знаешь наши коридоры?! Так что брось нервничать и работай спокойно, всё образуется».

Эта его черта — рассудительность — помогала мне не раз, в том числе и 20 лет спустя, во время защиты докторской диссертации, на которую Саша писал внешний отзыв от ИЭМЭЖ (ныне ИПЭЭ), а мне в письме сообщил, что на защите присутствовать не сможет, поскольку уезжает в очередную экспедицию в Монголию. И добавил: «Не волнуйся, всё у тебя будет хорошо». Это было его последнее письмо. И последняя экспедиция...

Жизнь сложилась так, что после этих трёх золотых недель мы с Сашей виделись всего три или четыре раза, но регулярно переписывались (это был конец эпохи эпистолярного жанра), и эти письма, значительная часть которых, к счастью, сохранилась, были своего рода отдушиной для обоих, поскольку в них обсуждались любые вопросы, важные в данный момент для одного из нас или для обоих. Прежде, чем перейти к письмам, попробую вспомнить о наших встречах. Первая из них была вскоре после нашей ленинградской встречи, зимой 1963 или 1964 года, когда я был у Саши дома в Москве и он весь вечер показывал мне свои великолепные слайды Камчатки, Колымы и других экзотических мест. Незримо при этом присутствовал Феликс Чернявский, имя которого Саша называл после каждого второго слайда, поскольку это были их совместные поездки. Познакомиться с самим Чернявским мне так и не пришлось. Другие детали этой встречи стёрлись из памяти, поскольку весь вечер мы были заняты своим бесконечным разговором — увлечь Саша умел!..

Вторая встреча состоялась в октябре 1967 г. на Чокпаке, откуда мы съездили в заповедник Аксу-Джабаглы, но об этом я расскажу немного подробнее дальше. Третья встреча в октябре 1969 г. была мимолётной — на хорах Зоомузея МГУ, куда я привёз на определение добытые Эрнаром Ауэзовым материалы по реликтовой чайке, а Саша меня встретил вместе с Л.С. Степаняном и В.Е. Флинтом. Пожалуй, других встреч и не было...

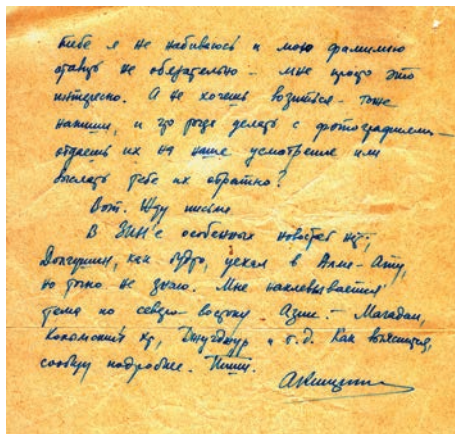
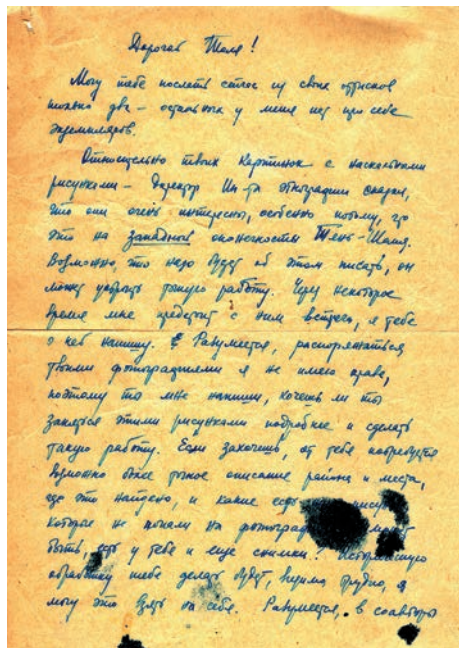
Но вернёмся в Ленинград, октябрь 1962 года. Как ни странно, но хотя Саша и был аспирантом Леонида Александровича Портенко, но в ЗИН'е мы с ним не встречались, хотя рабочее время я проводил там со сборами Л.М. Шульпина 1933–1935 гг. из Аксу-Джабаглы и постоянно видел самого Л.А. Портенко и Константина Алексеевича Юдина. Видимо, это зависело от специфики работы аспирантов в центральных библиотеках и хранилищах.

Из коллег, более близких мне по возрасту, я немного общался со строгой и тоже очень занятой Ирэной Анатольевной Нейфельдт (1929–2020), но больше — с добряком Борисом Владимировичем Некрасовым (1929–2012) и весёлым, энергичным Роальдом Леонидовичем Потаповым (1933–2018). Дружба, возникающая между нами, отличалась тем, что если с Аликом Потаповым мы с первого же дня обращались по имени и на «ты», то с Некрасовым, в силу его рафинированной интеллигентности, — по имени, но на «Вы».

Алик тут же пригласил меня к себе в гости, на набережную Чёрной речки, где я окунулся в мир высокогорья — везде был Памир и

немного «Тигровая балка», в которой он работал. Фотографии и слайды Памира и его пернатых обитателей заняли почти весь вечер, но не был забыт и снежный человек, которого Потапов одно время искал на Памире вместе с И.А. Абдусалымовым. Многие из его устных рассказов я прочитал потом в его замечательной книге воспоминаний «Неведомый Памир» (Потапов, 1970). Стоило мне упомянуть о высокогорной (3700 м над ур. м.) галерее петроглифов Каскабулака, как Алик живо заинтересовался ими, расспрашивал, а потом сказал, что у него есть хорошие специалисты в Институте этнографии, и что этот материал можно довольно быстро опубликовать. Тогда ещё статья В.Е. Соколова (1964) не была напечатана, и я плохо себе представлял, как можно публиковать то, что открыто не тобой, а другим — в данном случае Фёдором Дмитриевичем Шапошниковым (1909–1973), териологом, работавшим в Аксу-Джабаглы в 1953–1956 гг. Сказал об этом Алику, и он тут же предложил связаться с Ф.Д. Шапошниковым и предложить ему соавторскую публикацию.

Рассказал я об этом как-то другим вечером и Саше Кищинскому, который также заинтересовался этими петроглифами и обещал навести справки у директора Института этнографии. Для этого перед отъездом из Ленинграда я оставил Саше фотографии некоторых петроглифов. И вот что сообщил он мне на эту тему в своём первом письме:

* пометки на письме неизвестного происхождения — вполне возможно, что мои — АК

Первое письмо Саши, октябрь-ноябрь 1962 г.

«Дорогой Толя! Могу тебе послать сейчас из своих оттисков только два — остальных у меня нет при себе экземпляров. Относительно твоих картинок с наскальными рисунками — директор Ин-та этнографии сказал, что они очень интересны, особенно потому, что это на западной оконечности Тянь-Шаня. Возможно, надо будет об этом писать, он может устроить такую работу. Через некоторое время мне предстоит с ним встреча, я тебе об этом напишу. Разумеется, распоряжаться твоими фотографиями я не имею права, поэтому ты мне напиши, хочешь ли ты заняться этими рисунками подробнее и сделать такую работу. Если захочешь, от тебя потребуется возможно более точное описание района и места, где это найдено, и какие есть ещё рисунки, какие не попали на фотографии, может быть есть у тебя и ещё снимки? Историческую обработку тебе делать видимо, будет трудно, я могу взять это на себя. Разумеется, в соавторы тебе я не набиваюсь и мою фамилию ставить не обязательно — мне просто это интересно. А не хочешь возиться — тоже напиши, и что тогда делать с фотографиями — отдаёшь их на наше усмотрение или выслать тебе их обратно? Вот. Жду письма. В ЗИНе особых новостей нет. Долгушин как будто уехал в Алма-Ату, но точно не знаю. Мне наклёвывается тема по северо-востоку Азии — Магадан, Колымский хр., Джугджур и т.д. Как выяснится, сообщу подробнее. Пиши. (подпись)»

После такого подробного разъяснения, поразмыслив, я принял взвешенное решение: не браться за то, в чём я мало смыслю, а ограничиться зоологией, о чём и написал Саше, а также сообщил в Тюмень Ф.Д. Шапошникову, что его петроглифы интересуют многих. Через 2 года вышла статья «О прошлых ареалах копытных Казахстана по наскальным изображениям» академика В.Е. Соколова (1964), которого в июле 1961 г. я сопровождал на Каскабулак для взятия проб кожных покровов тянь-шаньского архара и показал ему эту высокогорную галерею петроглифов. А через 10 лет была опубликована и статья самого Ф.Д. Шапошникова (1974).

Во втором своём письме от 8 апреля 1963 г. Саша подробно написал о своих делах:

«Дорогой Толя! Извини за долгое молчание — я больше месяца был в Москве, потом сдавал экзамены, а теперь начинаются экспедиционные дела. В Ленинграде начинается весна — у вас она вероятно уже кончается — и после зимней городской слячки дико тянет куда-нибудь «на волю, в пампасы». Я сдал последний экзамен — зоогеографию — на 5; надеюсь, что этот экзамен в моей жизни последний. Из других удовольствий — может быть, я писал тебе, что осенью попал на пост секретаря комитета ВЛКСМ ЗИН'а — не дают спокойно досидеть комсомольский возраст. Так вот удовольствие заключается в том, что нам предложили устроить отчётно-выборное собрание не осенью, а в апреле, и я питаю радостную надежду, что путём умелого проведения выборов мне удастся выбыть из состава общественных деятелей ВЛКСМ навечно. Собрание состоится 16 апреля. Вот так. Мне утвердили намеченную нами с шефом поездку. Я еду в Магадан, а затем по так называемому «Колымскому нагорью» — горные хребты, лежащие между Колымой и Охотским побережьем. Отправляюсь в начале мая. Как видишь, несмотря на всяческий кипёж, орнитологические поездки в экзотические места всё

же ещё возможны. Правда, всё это стоило колоссального труда и скрипа, и не будь моим шефом Портенко, не видать бы мне поездки. Однако сейчас всё позади — снаряжение выписано, через пару дней буду заколачивать и отправлять, деньги утверждены. Так что перспективы пока есть.

Насчёт мрачных прогнозов о биологии, вероятно, ты сам уже уяснил, что в постановлении ЦК по биологии ничего летального не содержится, и на нас оно как будто никакого воздействия не оказывает. У нас в длиннейшем коридоре тоже ползали всякие слухи, но однако живём. В большой Академии продолжают реорганизации, которые, по-моему, не прекращались с 1917 года; сейчас будет упразднено Отделение биологических наук и вместо него будут 4 «куста»: физиология и биохимия растений, физиология и биохимия животных, биофизика и «теоретическая биология», куда войдём и мы грешные вместе с БИН, ПИН, ИМЖ и лысенковским институтом генетики. Для нас это не предвещает ничего особенно злого. Впрочем, назревает сокращение штатов, но это касается штатных сотрудников, так что мне, аспирантику, на него высочайше...

Вот так у нас. Вас, конечно, всеобщее пренебрежение к «допотопному натурализму» может коснуться больше, но пока я путей к этому не вижу.

Толя, тезисы московской конференции я у нас достать не могу — попробуй, может быть, через своих московских знакомых, близких к оргкомитетам и МГУ. Ты ведь знаешь — купить их нельзя, а лишних у людей нет. Ну пока. Желаю отлично использовать лето. Привет Тянь-Шаню. Пиши, если успеешь до 10 мая».

Дорогой Толя!
 Извини за долгое молчание — я только вернулся в Магадан, начал сразу писать, а материалы подготовил несколько дней. В Ленинграде материалы есть — у нас есть, в Магадане уже готовятся — и мне сейчас придется написать еще много вещей, но я постараюсь написать. Я уже написал статью — закончил, и я думаю, что этот материал — самый интересный. Но думаю, что материал — самый интересный. Я уже написал статью — закончил, и я думаю, что этот материал — самый интересный. Я уже написал статью — закончил, и я думаю, что этот материал — самый интересный.

с меня надо. Я бы в Магадане и хотел бы сразу написать "Колымский журнал" — этот журнал, который издаёт Колымал и который издается в Ленинграде в Магадане. Как журнал, который в Ленинграде издаётся, который издаётся в Ленинграде. Не же ещё журнал "Журнал", но это журнал Колымского фонда — журнал, о котором мы писали в журнале "Журнал" в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде.

журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде. Журнал "Журнал" — журнал, который издаётся в Ленинграде.

Второе сохранившееся письмо Саши Кищинского от 8 апреля 1963 г. из Ленинграда

В третьем письме, написанном по окончании полевого сезона 1963 года, появляются очень интересные описания летних поездок и впечатлений от них.

«Дорогой Толя! Извини за запоздание с ответом. Я недавно вернулся из отпуска. Спасибо за книжку. Дела мои такие. Как ты знаешь, я всё-таки попал на Северо-Восток. Уехал в начале мая, прилетел в Магадан и больше трёх месяцев провёл в Колымском хребте, в 400–600 км северо-восточнее Магадана. Потом в сентябре ездил ещё на северо-запад от этого великолепного города, добравшись до верховьев Колымы. Вернулся только 8 октября. Поездка, естественно, была очень

интересной. В Колымском хребте забрался в абсолютно неисследованную область, с помощью геолого-съёмочной партии. Был и на водоразделах, где уже совсем ничего не живёт, и три раза выходил на Охотское море. Из экзотики — масса медведей, которых удавалось фотографировать с 10-20 метров. Вот как-нибудь выберешься к нам — посмотришь. Высокогорье — жалкие осколки того, что населяет альпику центрально-азиатских гор. Впечатление от него мрачнейшее — сплошные россыпи чёрных камней, жалкие пятнышки горной тундры и вечный туман. Совершенно, конечно, не то, что цветёт над лесами Тянь-Шаня. Даже, пожалуй, картина беднее, чем в Коряцком нагорье и на Камчатке, где современное оледенение как-то поддерживает круглогодичное водное питание альпийского пояса и какие-то растения в нём. А тут — какая-то сплошная каменная пустыня. Всё же удалось выйти на гнездовье и большого песочника, и *Leucosticte arctoa*, и ещё на кое-что.

Да, ещё из новостей — всё-таки вышла, наконец, книжка «Млекопитающие Коряцкого нагорья» Л.А. Портенко, А.А. Кищинского и Ф.Б. Чернявского. Это уже хорошо.

Сейчас идёт симпозиум по проблеме лесотундры в биогеографии и освоению лесотундры. Сборище и ботаников, и зоологов, и почвоведов, и др. Я даже делал сообщение относительно Колымских гор.

А так живём потихоньку, переехали в новое общежитие, далеко (от ЗИН'а ехать 45 мин. на трамвае), но хорошие условия. Двухместный номер, тихо, спокойно. Работать очень удобно. Никаких восточных людей (помнишь, сколько их копошилось у нас на Петрозаводской; ты как будто у меня тогда был) — вернее, они живут в своих комнатах, и я их не вижу. Люкс! Ну пока. Пиши о своих делах. Всегда рад твоему письму».

Норильск! Шани!

Цыбуки на фотографии с альпинами. Я недавно вернулся из альпика. Снял 30 снимков. Мне там очень понравилось, и я решил пойти на Северный полюс. Ехал в начале мая, приехал в Натанал, и в течение трех месяцев пробыл в Колымском хребте, в 400-600 км севернее Норильска. Там в сентябре, ехал отсюда в город от этого великого города, добравшись до верховьев Колымы. Изучил альпы в сентябре. Там же, естественно, был очень интересен. В Колымском хребте забрался в абсолютно неисследованную область, с помощью геолого-съёмочной партии. Там и на водоразделах, где уже совсем ничего не живёт, и три раза выходил на Охотское море. Из экзотики — масса медведей, которых удавалось фотографировать с 10-20 метров. Вот как-нибудь выберешься к нам, посмотрим. Высокогорье — жалкие осколки того, что населяет альпику центрально-азиатских гор. Впечатление от него мрачнейшее — сплошные россыпи чёрных камней, жалкие пятнышки горной тундры и вечный туман. Совершенно, конечно, не то, что цветёт над лесами Тянь-Шаня. Даже, пожалуй, картина беднее, чем в Коряцком нагорье и на Камчатке, где современное оледенение как-то поддерживает круглогодичное водное питание альпийского пояса и какие-то растения в нём. А тут — какая-то сплошная каменная пустыня. Всё же удалось выйти на гнездовье и большого песочника, и *Leucosticte arctoa*, и ещё на кое-что.

Норильск! Шани!

Цыбуки на фотографии с альпинами. Я недавно вернулся из альпика. Снял 30 снимков. Мне там очень понравилось, и я решил пойти на Северный полюс. Ехал в начале мая, приехал в Натанал, и в течение трех месяцев пробыл в Колымском хребте, в 400-600 км севернее Норильска. Там в сентябре, ехал отсюда в город от этого великого города, добравшись до верховьев Колымы. Изучил альпы в сентябре. Там же, естественно, был очень интересен. В Колымском хребте забрался в абсолютно неисследованную область, с помощью геолого-съёмочной партии. Там и на водоразделах, где уже совсем ничего не живёт, и три раза выходил на Охотское море. Из экзотики — масса медведей, которых удавалось фотографировать с 10-20 метров. Вот как-нибудь выберешься к нам, посмотрим. Высокогорье — жалкие осколки того, что населяет альпику центрально-азиатских гор. Впечатление от него мрачнейшее — сплошные россыпи чёрных камней, жалкие пятнышки горной тундры и вечный туман. Совершенно, конечно, не то, что цветёт над лесами Тянь-Шаня. Даже, пожалуй, картина беднее, чем в Коряцком нагорье и на Камчатке, где современное оледенение как-то поддерживает круглогодичное водное питание альпийского пояса и какие-то растения в нём. А тут — какая-то сплошная каменная пустыня. Всё же удалось выйти на гнездовье и большого песочника, и *Leucosticte arctoa*, и ещё на кое-что.

Да, ещё из новостей — всё-таки вышла, наконец, книжка «Млекопитающие Коряцкого нагорья» Л.А. Портенко, А.А. Кищинского и Ф.Б. Чернявского. Это уже хорошо.

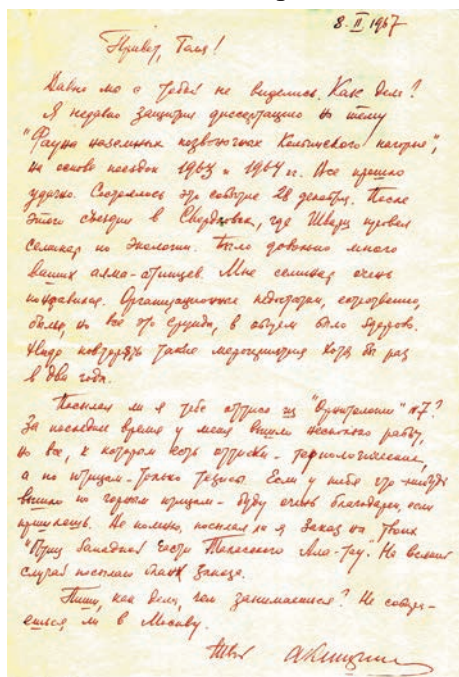
Сейчас идёт симпозиум по проблеме лесотундры в биогеографии и освоению лесотундры. Сборище и ботаников, и зоологов, и почвоведов, и др. Я даже делал сообщение относительно Колымских гор.

А так живём потихоньку, переехали в новое общежитие, далеко (от ЗИН'а ехать 45 мин. на трамвае), но хорошие условия. Двухместный номер, тихо, спокойно. Работать очень удобно. Никаких восточных людей (помнишь, сколько их копошилось у нас на Петрозаводской; ты как будто у меня тогда был) — вернее, они живут в своих комнатах, и я их не вижу. Люкс! Ну пока. Пиши о своих делах. Всегда рад твоему письму».

Третье сохранившееся письмо Саши. Октябрь 1963 г.

Читая с завистью описание Сашиных путешествий, я вдруг вспомнил, как мой друг Игорь Кривицкий ещё в 1958 г. объявил на кафедре зоологии позвоночных Харьковского университета, где мы учились (я на 4-м курсе, а он на 5-м), что после окончания «универса» уезжает на Чукотку в составе экспедиции ленинградского профессора Л.А. Портенко, с которым заведующий нашей кафедрой Илья Борисович Волчанецкий в большой дружбе (оба — ученики самого М.А. Мензбира!), и они уже обо всём договорились. Мы с Юрой Шибаевым откровенно завидовали Игорю и переживали за него в ожидании очередных телефонных переговоров двух профессоров, но решение всё время откладывалось. Из-за этого Игорь после окончания 5-го курса даже остался на год лаборантом при кафедре, но... В конце концов, в августе 1959 г. он поехал на работу в Кургальджинский заповедник в Казахстане (выехали втроём одним поездом до Москвы: я в заповедник Аксу-Джабаглы, а Шибаев — в Судзухинский заповедник на Дальнем Востоке). Только теперь я понял, кого выбрал вместо Игоря для своих экспедиций Леонид Александрович Портенко...

Четвёртое сохранившееся письмо датировано 8 февраля 1967 года. Оно написано через месяц с небольшим после защиты Сашей кандидатской диссертации:

Четвёртое письмо Саши

«Привет, Толя! Давно мы с тобой не виделись, как дела? Я недавно защитил диссертацию на тему «Фауна наземных позвоночных Колымского нагорья» на основе поездок 1963 и 1964 г. Всё прошло удачно. Состоялось это событие 28 декабря. После этого съездил в Свердловск, где Шварц провёл семинар по экологии. Было довольно много ваших алмаатинцев. Мне семинар очень понравился. Организационные недостатки, конечно, были, но всё это ерунда, в общем было здорово. Надо повторять такие мероприятия хотя бы раз в два года. Посылал ли я тебе отпечатки из «Орнитологии» № 7? За последнее время у меня вышло несколько работ, но все, к которым есть отпечатки, — териологические, а по птицам — только тезисы. Если у тебя что-нибудь вышло по горным птицам — буду очень благодарен, если пришлешь. Не помню,

посылал ли я заказ на твоих «Птиц западной части Таласского Алатау». На всякий случай посылаю бланк заказа. Пиши, как дела, чем занимаешься. Не собираешься ли в Москву? Твой (подпись)».

В этом письма для меня очень примечательно, что он приводит правильное название моей первой монографии, которое впоследствии уже в издательстве сократили, убрав «западной части», чем я был очень расстроен, поскольку восточной части этого хребта я тогда и в глаза не видел (побывал там только в 1998 году!). И в ответ на моё письмо, в котором я сообщил главные свои новости — о переезде в Алма-Ату и о выходе книги «Птицы Таласского Алатау» (1966) — Саша уже через месяц пишет:

«Дорогой Толя! Спасибо за письмо. Поздравляю тебя с крупным событием — выходом книги (подумать только!) и с переходом в Алма-Ату. Не тяни волынку с экзаменами, сдавай, как можешь, только скорее. Когда будешь защищаться? Обязательно пришли и автореферат, я напишу тебе отзыв, поскольку надеюсь, что к тому времени меня утвердят в «сане» кандидата. Очень жду и книгу. Высылай наложенным платежом, поскольку покупать экземпляры для всех друзей нет ни возможности, ни смысла, тебе и так хватит забот с переездом. Передай мою благодарность за автореферат по суслику А. Бекенову — к сожалению, я не знаю его имени и отчества. Я не написал ему отзыв на реферат, поскольку я ещё кандидат неутверждённый и мой отзыв не имеет никакой цены. А работа его мне очень понравилась. Хотелось бы получить и оттиски опубликованных работ. Толя, Дарлингтона я постараюсь тебе купить, но не обещаю. Он вышел маленьким тиражом и продавался только по заявкам. Я искал его месяца два и, наконец, купил по открытке, которую кто-то из друзей сумел припрятать и не отдать продавщице. Ещё попробую.

Дорогой Толя!
28.3.1967

Спасибо за письмо. Поздравляю тебя с крупным событием — выходом книги (подумать только!) и с переходом в Алма-Ату. Не тяни волынку с экзаменами, сдавай, как можешь, только скорее. Когда будешь защищаться? Обязательно пришли и автореферат, я напишу тебе отзыв, поскольку надеюсь, что к тому времени меня утвердят в «сане» кандидата. Очень жду и книгу. Высылай наложенным платежом, поскольку покупать экземпляры для всех друзей нет ни возможности, ни смысла, тебе и так хватит забот с переездом. Передай мою благодарность за автореферат по суслику А. Бекенову — к сожалению, я не знаю его имени и отчества. Я не написал ему отзыв на реферат, поскольку я ещё кандидат неутверждённый и мой отзыв не имеет никакой цены. А работа его мне очень понравилась. Хотелось бы получить и оттиски опубликованных работ. Толя, Дарлингтона я постараюсь тебе купить, но не обещаю. Он вышел маленьким тиражом и продавался только по заявкам. Я искал его месяца два и, наконец, купил по открытке, которую кто-то из друзей сумел припрятать и не отдать продавщице. Ещё попробую.

Поздравляю с выходом книги.
Как же тебе удалось написать (и даже опубликовать?) И в основном рассудительный и в конце работы лучше всего дискуссионный. Тысячи тебе спасибо за опубликованный "суслик".
Ну, пока.
Толя
Илья Шмидт

Пятое письмо Саши от 24 марта 1967 г.

Работаю я сейчас в так наз. Комитете по науке и технике при Совмине, по биологическим наукам. Название громкое, занятие скучное. Думаю смыться при первой же хорошей возможности, но пока что Москва мне её не предоставляет. Всё в воле аллаха!

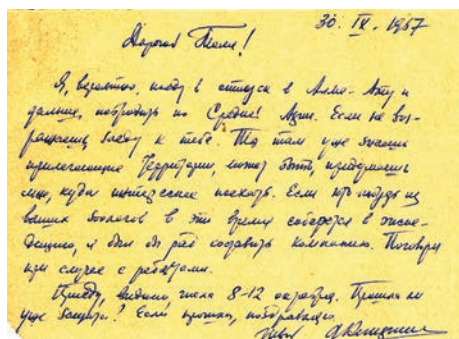
Зимой я ездил в Свердловск и познакомился там с вашими ребятами — Э. Гавриловым, Ю. Лобачёвым, А. Федосенко, И. Шубиным и др. Передавай им большой привет.

Чем ты сейчас занимаешься (кроме экзаменов)? Я в основном рассовываю в печать разные куски своей диссертации. Посылаю тебе оттики опубликованных «кусков». Ну, пока. Пиши. Твой (подпись)».

Следующее письмо, вернее, коротенькую открытку, Саша пишет через два дня после моей защиты, ещё не зная — состоялась ли она, о чём и спрашивает в открытке.

«Дорогой Толя!

Я, вероятно, поеду в отпуск в Алма-Ату и дальше, побродить по Средней Азии. Если не возражаешь, заеду к тебе. Ты там уже знаешь прилегающие территории, может быть, подскажешь мне, куда интереснее поехать. Если кто-нибудь из ваших зоологов в это время соберётся в экспедицию, я был бы рад составить компанию. Поговори при случае с ребятами. Приеду, видимо, числа 8–12 октября. Прошла ли уже защита? Если прошла, поздравляю. Твой (подпись)».

Шестое письмо Саши от 30 сентября 1967 г. (открытка)

Надо ли говорить, насколько я был обрадован такому известию?! Однако поскольку я работал в поле на Чокпакском стационаре и на защиту оттуда вырвался лишь на несколько дней, то, оформив и отослав в ВАК документы, вынужден был вернуться на стационар — мигрирующие птицы не ждут, а людей мало...

Поэтому Саша приехал в Алма-Ату без меня. Встретила его моя жена Тамара и помогла уехать на Чокпак (около 12 часов езды прямым автобусом «Алма-Ата — Чимкент», проходящим по трассе всего в 100 м от нашей ловушки). К сожалению, радость встречи изрядно подпортила погода — во второй половине октября зачастили дожди,

при которых и птицы не особо летают и люди вынуждены прятаться в палатках.

Но мы с Сашей пытались как-то противостоять непогоде: накинув плащи из грубого брезента, тяжеленные (когда намокнут), но с хорошими капюшонами, часами бродили по окрестным лесополосам, выпугивая запрятавшихся там от дождя птиц. И вели, как 5 лет назад в Ленинграде, нескончаемые беседы на самые разные темы, благо за эти годы много воды утекло и было о чём рассказать друг другу. На сей раз затрагивали темы, которых раньше не касались. Так, услышав, что я 4 года назад похоронил отца после операции аппендицита, Саша рассказал, как у него лопнул аппендицит в поле на Севере и там эту операцию делали в нелёгких условиях. «Главное — сказал он — хорошо вычистить, чтобы не осталось ничего, что может привести к перитониту, а меня чистили, как чистят ружьё шомполом». Положение было очень тяжёлое, даже жена из Петропавловска-Камчатского прилетела. Вытянули!

Помню, в одну из таких прогулок в лесополосе я наткнулся на обронённый кем-то партсигар из обычной нержавеющей стали и хотел пройти мимо. Но Саша с видом знатока сказал: возьми, вот такие найденные вещи держатся потом очень долго. И добавил, полушутя: как и ворованные... Я взял его, и до сих пор, как только эта безделушка (я не курю уже почти 50 лет) среди прочих железок вдруг попадается мне на глаза, я вспоминаю Сашу...

Лишь только немного наладилась погода, мы с Сашей на попутной машине поехали в заповедник Аксу-Джабаглы: ему очень хотелось посмотреть место, о котором я столько рассказывал, а мне не терпелось его показать. Но в горы выбраться не удалось — погода снова испортилась. Ограничились предгорьями и Новониколаевкой. А потом Саше вообще пришлось срочно уехать через Ташкент в Свердловск (ныне Екатеринбург), к тяжело больной сестре, так и не совершив свой вояж по Средней Азии...

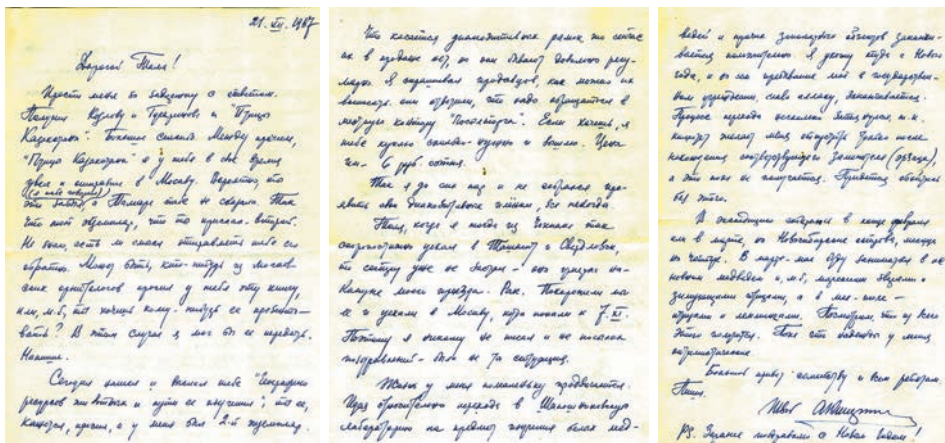
Через два месяца я получил от него седьмое по счёту письмо, в котором он писал:

«Дорогой Толя! Прости меня за задержку с ответом. Получил Козлову и Тугаринову и Птицы Казахстана. Между прочим, Птицы Казахстана я у тебя в своё время увёл и отправил в Москву. Вероятно, ты это забыл (я тебе говорил), а Тамара тебе не сказала. Так что тот экземпляр, что ты прислал, — второй. Не знаю, есть ли смысл отправлять тебе его обратно. Может быть кто-нибудь из московских орнитологов просил у тебя эту книжку или м.б. ты хочешь её кому-нибудь презентовать? В таком случае я мог бы её передать. Напиши. Сегодня

нашёл и выслал тебе «Географию населения ресурсов наземных животных», ты её, кажется, просил, а у меня был второй экземпляр. ...

Толя, когда я тогда из Чокпака так скоропостижно уехал в Ташкент и Свердловск, то сестру уже не застал — она умерла накануне моего приезда. Рак. Похоронили мы её и уехали в Москву, куда попали к 7/XI. Поэтому я никому не писал и не посылал поздравлений — была не та ситуация.

Жизнь у меня помаленьку продвигается. Идея относительно перехода в Шапошниковскую лабораторию на предмет изучения белых медведей и прочих заполярных объектов заканчивается положительно. Я уйду туда с Нового года, и на сём пребывание моё в государственном учреждении, слава аллаху, заканчивается. Процесс перехода несколько затянулся, т.к. комитет желает меня отпустить только после нахождения соответствующего заместителя (эрзаца), а это пока не получается. Придётся обойтись без этого. В экспедицию собираюсь в конце февраля или в марте, на Новосибирские острова месяца на четыре. В марте–мае буду заниматься в основном медведем и м.б. морскими зверями и зимующими птицами, а в мае–июле — птицами и леммингами. Посмотрим, что из всего этого получится. Пока что надежды мои оптимистические. Большой привет семейству и всем ребятам. Пиши. Твой (подпись)».

Седьмое письмо Саши от 21 декабря 1967 г.

Следующее, восьмое по счёту письмо Саши, написанное буквально за два дня до его длительной экспедиции на Новосибирские острова, было спровоцировано тем, что я послал ему резолюцию конференции «Охрана и рациональное использование ресурсов дикой живой природы», проведённой в Алма-Атинском пединституте имени Абая 18–22 апреля 1966 года под эгидой Казахского общества охраны природы. Организатором и руководителем этой конференции был профессор Василий Николаевич Скалон, крупный зоолог, охотовед и ярый природозащитник, а ответственным за выпуск сборника тезисов и резолюции — его заместитель по кафедре зоологии доцент Матвей

Александрович Шаргаев, допустивший в аннотации к сборнику тезисов следующую вольность: «В материалах научно-методической конференции освещаются проблемы охраны дикой живой природы, вопросы охраны, рационального использования и обогащения животного и растительного мира Казахстана *и ряда других республик СССР*» (курсив мой — АК). Вот эта-то выделенная курсивом вольность и стала мишенью для испепеляющей критики Саши, что хорошо видно из приводимого ниже текста его письма. Вторая часть его письма — ответ на мой вопрос: как он (как работник Комитета науки) смотрит на создание в Казахстане специализированной лаборатории по охране природы? Убедительность его аргументов просто удивительна. Вот полный текст его письма от 18 марта 1968 года с ответами на все вопросы.

«Дорогой Толя!

Твоё письмо застало меня ещё в Москве в самые последние дни пребывания. 20-го улетаю на Новосибирские острова в поисках белого медведя. Мне кажется, ты не получил моего последнего письма, которое я писал тебе с месяц назад. Так ли это?

Получил резолюцию вашей конференции по охране природы. Должен тебе сказать откровенно, прочёл её со вниманием и обнаружил в ней, наряду с многими полезными предложениями и пунктами, места, написанные на удивление безграмотно, и места, вызывающие явное недоумение. Если бы эта конференция в своих решениях именовала себя Казахстанской, вероятно всё было бы логично. Однако резолюция претендует на «Всесоюзность» и поэтому кое-что просто неверно. Например, идея полностью запретить охоту на пять лет на белых куропаток (пишется — на всех диких куриных) для архангельского севера, Якутии, Колымы и Коряцко-Чукотских тундр, где существует примерно двукратный недопромысел — при современном уровне знаний о динамике популяций *Lagopus* — просто бессмысленность. Полный запрет охоты на всех птиц на три года во все сезоны — вещь, которая сама по себе не может дать никаких результатов.

Ты, по-моему, не принимал участия в этих делах. И конечно пишущим такие резолюции надо больше ладить с грамматикой.

Теперь о том, что касается твоей просьбы о проблемной лаборатории. Ничем порадовать в этом деле не могу. Решает вопросы об организации таких лабораторий наш Комитет. Делает он это на основании просьбы Совмина республики, в которой должно содержаться (или к которой прилагается) обоснование, зачем нужна такая лаборатория, что от неё ожидается¹.

В письме обязательно должно содержаться указание, что необходимые средства и фонд зарплаты республика выделяет. Подписать письмо должен зам. Пред. Совмина (кто курирует у вас науку). Когда я работал в Комитете, то имел дело с организацией таких лабораторий и в Казахстане — в Министерстве высшего образования КазССР этот порядок прекрасно знают и бумаги такого рода готовили

---

¹ Не в смысле общих слов об актуальности охраны природы, это все знают, а в смысле, какие конкретные научные результаты из этого получатся, если лабораторию создать

нужно выделять деньги и фонд зарплаты. Имеющийся опыт давно уже научил руководство Комитета, что если подать республике подобную идею из Москвы, любая республика тут же подаёт все полагающиеся документы, лабораторию организует, а потом пишет: «По вашему прямому указанию научное учреждение такое-то создано, но денег на него в республике нет, поэтому, раз вы так распорядились, будьте любезны выложить на его содержание такую-то сумму» и естественно с запросом. Сам понимаешь, нет такого руководителя, который стремился бы сам показать другому ведомству дорогу в свой карман.

Поэтому разговоры о проблемных лабораториях в Комитете всегда кончатся так: «Важность проблемы для нас ясна. Пусть ваша республика выделит вам деньги, сколько надо, и подаст документы — если всё в них будет логично, мы возражать не будем».

Всё то, что я тебе пишу, совершенно точно — я этих проблемных лабораторий организовал десятка три, порядок для всех один. Пусть ваши зоологи выбивают деньги из республики, иначе ничего не будет. Писать прямо в Комитет бесполезно — просьб такого рода Комитет ни от институтов, ни от республиканских министерств не принимает — только от Совминов республик (как от хозяев денег своей республики). ...

Сейчас еду на Новосибирские острова, с 20 марта ориентировочно по 15 мая. Что будет дальше — пока не знаю, будет отчасти зависеть от того, какая часть обших отпущенных на тему денег останется после экспедиции. Хотелось бы летом или осенью побывать на о. Врангеля. На будущий год планирую экспедицию на Северную Землю — это terra incognita, по ней ни одной зоологической работы нет.

Сейчас едем втроём — со мной лаборант и ещё Даня Берман, мой старый друг, зоолог из Новосибирска. Что из всего этого получится — пока я не очень улавливаю, т.к. местность дикая, транспорта нет, регулярных авиарейсов нет. Будем надеяться на удачу. ...

С «Птицами Колымы» пока неясно — не до них. Сдал я их в издательство — вернусь, займусь. ...

Передавай большой привет Тамаре, Эдику, Вадиму Капитонову и всем казахстанским зоологам, кто меня знает. Твой (подпись)

P.S. Посылаю программу тетеревиного совещания».

И это писал человек, которому через день улетать *далеко* и *надолго*. Казалось бы, не время для таких *подробных* объяснений. Но в этом — весь Саша, его характер, стремление оказать помощь и сделать это на самом высоком уровне... Я и сейчас читаю его письмо с волнением, как будто это проблемы сегодняшние, а не далёкого прошлого. Большинство людей сейчас (а многие — и тогда) просто отмахнулись бы от подобного рода вопросов, как от назойливой мухи, или ответили бы коротко и «обтекаемо»...

Осенью 1968 года (7 октября), после окончания полевого сезона, закончившегося для меня переломом ноги и попаданием на полтора года на больничную койку, я получил письмо от Саши следующего содержания:

прислать ему нашу литературу по поведению и экологии тетеревиных. Может М.А. Кузьмина согласится прислать мне для него оттиск своей работы из вашего последнего сборника («Сравнительная характеристика питания тетеревиных и фазановых»)? Канадец сам специалист по тетеревиным и обещает прислать что-то в обмен. Огромный привет Тамаре, Эдику, Вадиму Капитонову и другим, кто меня знает. Твой (подпись)».

Обычное оптимистически-бодрое письмо в Сашином стиле, с чёткой информацией о проделанной работе и о планах на будущее. Но перечитывая его сейчас, я уловил не совсем обычную информацию — о поездке к матери под Киев, в сосновые леса. И вспомнилось, как в 1984 году на выездном заседании Всесоюзной комиссии по заповедникам в Кара-Кале (Туркменистан) Татьяна Михайловна Корнеева, племянница известного киевского зоолога, рассказывала мне о том, как они посещали в Киеве известного украинского орнитолога и коллекционера-зоолога Виталия Михайловича Зубаровского (с ним и я был хорошо знаком, принимал его в Алма-Ате и даже однажды был у него в гостях в Киеве) вместе с Сашей Кищинским, который доводился родственником то ли ей, то ли самому Зубаровскому. Вместе с фразой из письма Саши это указывает на украинский след в его родословной, о чём я раньше не задумывался (а все официальные публикации ничего об этом не упоминали, заканчиваясь трагической судьбой репрессированного отца).

Последнее из обстоятельных писем Саши, 10-е по счёту, написано 27 декабря 1968 года.

«Дорогой Толя! Поздравляю тебя и Тамару с наступающим Новым годом! Пусть в Новом году всё будет хорошо и, главное, чтобы ты скорее вернулся в «бюровую форму». У нас тут был Икар (я, к сожалению, с ним так и не виделся — в лаборатории я бываю очень редко, и в Зоомузее как-то встретиться не довелось) и Саша Федосенко (его я видел в Зоомузее). Я недавно получил от Эдика оттиски об арчовом дубоносе и о кольцевании птиц. Передай ему, пожалуйста, спасибо, огромный привет и новогодние поздравления! В январе выйдет моя книжка о птицах Колымского нагорья, и я надеюсь, что уже числа 20-го смогу её вам прислать. М.А. Кузьмина сразу же, кажется ещё в сентябре, прислала мне 2 оттиска, и я их отправил канадцу. Ему же я дал её адрес — может быть она уже от него что-нибудь и получила. На всякий случай, его адрес: Dr. S.D. MacDonald, National Museum of Canada, Ottawa 4, Canada. Занимается он поведением тетеревиных.

Планы мои на будущее могут сильно видоизмениться в связи с предстоящим в сентябре 1969 в Москве IX Международным конгрессом биологов-охотоведов. Генеральный секретарь конгресса — Банников, а я — его заместитель. Всё это, казалось бы, очень хорошо, но из-за этого, по идее, весь год до сентября у меня будет занят на этих делах, и это может накрыть большой калошей все мои поездки. Пока что предполагается поездка с С.М. Успенским на о. Врангеля в марте-апреле и с ним же — на Гыданский полуостров в июне-июле.

слова: «Ещё совсем недавно, когда я занимался Северо-Востоком, я бы просто подарил тебе эту книгу. Но сейчас я начинаю заниматься птицами Монголии и теперь без неё мне никак». И мне оставалось только порадоваться за него.

Самое последнее из сохранившихся писем (11-е) датировано 16 февраля 1969 г.

«Дорогой Толя! На-днях получил твоё письмо. Как долго длится твоя история с ногами; вероятно, лето пройдёт в основном в обработке и писанине, с полем придётся отложить.

Рад случаю послать тебе только что вышедших «Птиц Колымского нагорья». Дабы не обременять почтовое ведомство, посылаю заодно экземпляры и для Эдика и Икара. Передай им, пожалуйста, вместе с моими всяческими приветами. Спасибо Икару за книгу про алма-атинских птиц, мне её передал Адик.

Московия живёт довольно бесцветной жизнью, особенно ярких событий нет. В сентябре (15–19) будет проходить в Москве IX Международный конгресс биологов-охотоведов. Так что информируй ребят. Я имею «сомнительное удовольствие» состоять при нём зам. генерального секретаря (А.Г. Банникова). Так что если что на эту тему ему интересно, то я в курсе. Не знаю, как это будет совмещаться с Ашхабадской конференцией. Благодаря этому событию я до сентября буду выбит из зоологической деятельности, что рождает у меня очень мало удовольствия.

Москва, 16 февраля 1969.

Дорогой Толя!

На-днях получил твоё письмо. Как долго длится твоя история с ногами; вероятно, лето не пройдет в основном в обработке и писанине, с полем придётся отложить.

Рад случаю послать тебе только что вышедших «Птиц Колымского нагорья». Дабы не обременять почтовое ведомство, посылаю заодно экземпляры и для Эдика и Икара. Передай им, пожалуйста, вместе с моими всяческими приветами. Спасибо Икару за книгу про алма-атинских птиц, мне её передал Адик.

Московия живёт довольно бесцветной жизнью, особенно ярких событий нет. В сентябре (15-19) будет проходить в Москве IX Международный конгресс биологов-охотоведов. Так что информируй ребят. Я имею «сомнительное удовольствие» состоять при нём зам. генерального секретаря

(А.Г. Банникова) Твоя книга еще не эту раз уж издается, ты в курсе. Не знаю, как ты будешь сотрудничать с Ашхабадской конференцией. Благодаря твоему письму я до сентября буду выбит из зоологической деятельности, что рождает у меня очень мало удовольствия.

Меня не менее обременит неделя через которую я поеду в Ашхабад, вероятно, как выехать из Москвы будет неудобно с такими неудобствами. К сожалению приходится выехать. Твоя книга, отправившись, в это время выслать не будет.

В Зотурсе ВСУ по Москве иваново Е.П. Селезневом ивановом В. Философ. Твоя книга, когда выедает в Москву, вероятно, по этому поводу будет выслать в основном ей.

Вот, собственно, такая история.

Толя. Благодаря тебе я буду в Ашхабаде все лето.

Иван А. Банников

Р.С. Твоя книга уже заказана. Число в каталогах. Ваша реклама уже была. Буду вам благодарен.

Одиннадцатое письмо Саши от 16 февраля 1969 г.

Тем не менее, собираюсь недельки через три двинуть на остров Врангеля, посмотреть, как вылезают из берлоги белые медведи со своими медвежатами. К майским праздникам вернусь. Птиц там, естественно, в это время никаких не будет.

В Зоомузее МГУ на место покойного Е.П. Спангенберга поступил В.Е. Флинт. Теперь, когда приедешь в Москву, по орнитологической части, видимо будет заправлять в основном он. Вот, собственно, такие новости.

Пиши. Большой привет Тамаре и всем ребятам. Твой (подпись).

P.S. 3-й том я уже заказал. У нас в лаборатории ваша реклама уже была. Буду всем показывать. С.».

Были ещё какие-то письма, в том числе и упоминавшаяся открытка, сопровождавшая написанный им от имени ИЭМЭЖ внешний отзыв на мою докторскую диссертация (1980), в которой он подбадривал меня, что всё будет хорошо, только он присутствовать на защите не сможет, поскольку будет в это время в экспедиции в Монголии. Никаких жалоб или сетований — только бодрость, оптимизм и столь свойственная ему вера в будущее...

Вся его жизнь, начавшаяся с очень раннего проявления необычных способностей, была подчинена этому устремлению в будущее. Он не делал никаких остановок на пути к достижению своей цели. Поэтому и смог за короткий срок сделать так много. А для друзей всегда оставался простым и доступным в общении, давая возможность чувствовать себя с ним на равных... Это был ещё один великий его талант в дополнение ко всем остальным...

А.Ф. Ковшарь

15 февраля 2024 г.

Алма-Ата, Казахстан

Литература

- Зарудный Н.А. Орнитологическая фауна Оренбургского края // Зап. Акад. наук, 1888, т. 57, приложение № 1. С. 1–338.
- Кишинский А.А. Птицы Колымского нагорья. М.: Наука, 1968. 88 с.
- Кишинский А.А. Птицы Корякского нагорья. М.: Наука, 1980. 336 с.
- Ковшарь А.Ф. Птицы Таласского Алатау. [Труды заповедников Казахстана, том 1. Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 3]. Алма-Ата: Кайнар, 1966. 436 с.
- Ковшарь А.Ф. Птицы. Дороги. Люди (воспоминания орнитолога). В двух частях. Часть 1. Полвека в СССР, при социализме (1941–1991). Алматы, 2014. 664 с.
- Охрана и рациональное использование ресурсов дикой живой природы. Материалы научно-методической конференции 18–22 апреля 1966 г. Алма-Ата, 1966. 226 с.
- Потапов Р.Л. Неведомый Памир. 1970.
- Соколов В.Е. О прошлых ареалах копытных Казахстана по наскальным изображениям // Бюлл. МОИП, отд. биол. 1964. Т. 69. Вып. 1. С. 113–117.
- Флинт В.Е. Александр Александрович Кишинский (1937–1980) // Московские орнитологи. М.: изд. Московского университета, 1999. С. 206–224.

- Шапошников Ф.Д. Петроглифы в горах Западного Тянь-Шаня // Бюлл. МОИП, отд. биол. 1974. Т. 79. Вып. 2. С.16–22.
- Taczanowski L. Faune Ornithologique de la Sibirie Orientale // Memories le L'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, VIIe Serie. Tome XXXIX. Premiere Partie. St.-Petersbourg, 1891: 1267 p.

Воспоминания об А.А. Кищинском

С Александром Александровичем Кищинском я познакомился в 1968 году на II Всесоюзном совещании по ресурсам водоплавающих птиц. Работая в дельте Волги в охотничьих хозяйствах, я приступил к изучению местообитаний и ресурсов водоплавающих птиц Дельты Волги, о чем и рассказал А. Кищинскому. Эта короткая встреча имела интересные последствия. Через год в Москве проходил международный Конгресс биолого-охотоведов. Я приехал в Москву по делам и, узнав о Конгрессе, направился на ВДНХ, где должно было состояться это мероприятие. Однако, попасть в зал заседаний оказалось не просто. Пропускали только по спискам приглашённых, а руководили этим (судя по виду) сотрудники КГБ. Вдруг из зала к пропускному пункту вышел Саша Кищинский и, увидев меня, спросил — «Паспорт есть?». Я утвердительно кивнул. Полуобняв левой рукой, он подвёл меня к распорядителю пропуска. С обворожительной улыбкой Саша сказал нужные слова, и распорядитель, не глядя на мой паспорт, махнул рукой на проход. Вот ведь — всего-то один раз мы виделись год назад, а Саша не забыл про меня.

Маленький эпизод, а очень хорошо характеризует Сашу как человека. Я в то время работал в ЦНИЛ Главохоты РСФСР. В этой же организации работала группа по обездвиживанию животных (тогда это направление ещё только начиналось). Первое опробование на практике достижений проводилось на остров Врангеля по обездвиживанию белых медведей в берлоге. В составе этой группы был и Саша Кищинский. После успешного испытания — было помечено несколько медведиц — руководитель работ Ю.А. Герасимов, делясь впечатлениями об этой работе, между делом, но с теплотой, обронил, что всё время пришлось сдерживать, как он его называл, Саню Кищинского, который всё время рвался к берлоге, как «фокстерьер». Этот эпизод характеризовал Сашу Кищинского как очень храброго человека.

Наблюдая за ним на периодически проходящих всесоюзных конференциях, я видел, с каким интересом и теплом он общался с

учёными из самых разных уголков нашей страны, расспрашивая про их исследования. Ему был интересен каждый человек и фауна любого региона нашей страны.

В 1977 году, уже заведую отделом Охотничьей орнитологии в ЦНИЛ Главохоты РСФСР, я получил финансирование на авиаучеты водоплавающих птиц на севере Западной Сибири. До этого в 1968–1969 годы аналогичные работы были проведены С.М. Успенским и А.А. Кищинским. Эти результаты уже были опубликованы. Узнав о моих планах, Саша пригласил меня домой и через некоторое время в его квартире, где на полу была развернута огромная карта Тюменских северов, Саша показывал мне где пролегли их маршруты и как лучше их заложить в планируемых учётах.

В 70-е годы прошлого столетия по заданию Государственного Комитета Науки и Техники нескольким научным коллективам, и в том числе моему отделу, было поручено изучение миграций птиц в связи с проблемой столкновения птиц с самолётами, а также переносом птицами инфекционных заболеваний из южных стран. Координировал все эти работы многоуважаемый профессор В.Д. Ильичёв, под руководством которого и работал Саша Кищинский. Будучи прекрасным организатором исследований, В.Д. Ильичёв в своей лаборатории академического института часто был не только требовательным, но и жёстким, что многие его сотрудники переносили болезненно. Как они говорили сами — «Такие острые ситуации мог разрешать только Саша Кищинский», которого В.Д. Ильичёв безмерно уважал.

В этот и в последующие периоды мы часто общались не только в рабочих условиях и на больших мероприятиях, но и в неформальной обстановке. Чаще всего это происходило после совещаний в различных городах или регионах — в Крыму, в Прибалтике и особенно в Астрахани, когда после совещаний организовывались выезды на природу. В одной из таких поездок на экскурсии в Астраханском заповеднике у нас с Сашей зашла речь о стерхе, как виде, находящемся под угрозой исчезновения. Позиция Саши была такова, что стерх во все времена был редкой птицей. Я высказал противоположную точку зрения, что в голоцене в процессе циклических изменений климата в периоды высокой обводнённости и достаточно мягкого климата журавли, и в первую очередь стерх, обитали на огромных болотистых территориях и были достаточно многочисленными видами. И только позднее, по мере аридизации климата и исчезновения обширных

болот, ситуация со стерхом ухудшалась в прогрессирующем режиме. Саша задумался и сказал: «А ведь это достаточно убедительно, ибо любой вид формируется на огромном генетическом материале». При минимальном числе геномов по законам генетики его геном варьирует к нулю.

Вот ведь, будучи уже всемирно известным учёным, Саша не побоялся изменить свою точку зрения.

Последняя наша встреча состоялась в Астраханском заповеднике после последней поездки Саши в Монголию. Выглядел он достаточно бодро, но между прочим сказал мне, что чувствует себя паршиво. Тогда ещё никто не мог знать, что страшная болезнь уже развивалась в его организме. Вскоре Саша лёг в больницу на обследование и лечение, а чуть позднее я узнал о его кончине.

За свою долгую научную жизнь мне приходилось близко общаться со многими выдающимися учёными. Среди них самой яркой звездой была личность Александра Александровича Кищинского.

В.Г. Кривенко, директор НИЦ «Охрана биоразнообразия» РАН, академик РАН, Заслуженный эколог РФ

Как это было здорово, памятно, но кратко!

В начале 1972 года в ходе моего обучения на кафедре зоологии позвоночных Биологического факультета МГУ возникла необходимость задуматься о подготовке курсовой исследовательской работы. Мои интересы к тому времени сложились в пользу полевой орнитологии, и после того, как я наслушался на кафедре сообщений разных сотрудников о их работе, меня больше других привлекли истории профессора Рюрика Львовича Бёме о его поездках по стране с фаунистическими целями. Неудивительно, что я обратился к нему с вопросом о возможной теме моей курсовой работы. При моём кратком тогда общении с Рюриком Львовичем он сразу спросил, а не хочу ли я присоединиться к Владимиру Евгеньевичу Флинту, который собирается летом поехать в Якутию на Индигирку для сбора научной коллекции для Зоологического музея МГУ. Я не ожидал услышать столь привлекательное предложение о возможности попасть в «экзотический» регион, про который я уже был наслышан от того же Р.Л. Бёме, и на следующий же день поехал в Зоомузей к В.Е. Флинту «напрашиваться» в совместную поездку. Всё сложилось очень удачно,

и в итоге два летних полевых сезона (1972 и 1973 гг.) я провёл вместе с В.Е. Флинтом в окрестностях пос. Берелях на одноимённом притоке р. Индигирки. Курсовую работу по местной авифауне, а затем и дипломную работу по сравнительной биологии двух близких слабоизученных видов куликов (дутьш и острохвостый песочник) под руководством В.Е. Флинта я защитил на «отлично».

В пути, в посёлке, на маршрутах, в палатке или у костра с В.Е. Флинтом вдвоём, а в 1973 году втроём (с таксидермистом Зоо-музея Виктором Коротковым), мы имели много времени для общения. И вот именно тогда, в мой первый полевой сезон в тундре, я впервые услышал рассказы Владимира Евгеньевича о его близком друге, Александре Александровиче Кищинском (Санечке, как он звал его). Среди них чаще всего воспоминания касались их совместного обследования дельты Индигирки на байдарке в 1971 году. Время стёрло в моей памяти большинство деталей из услышанных рассказов, но я с интересом стал ждать личных встреч с Александром Александровичем. А они «не заставили себя долго ждать». Уже в марте 1973 года мне довелось услышать серию его интересных докладов о жизни некоторых тундровых куликов на всесоюзном совещании «Фауна и экология куликов», организованном в Зоологическом музее В.Е. Флинтом.

Изучение кормов птиц, куликов в частности, было одним из пристальных научных интересов Александра Александровича. Им опубликована серия статей на эту тему как в материалах первого совещания по куликам (1973), так впоследствии и в академических журналах (1976, 1978). Поэтому, когда я готовил свою выпускную дипломную работу, В.Е. Флинт предложил мне среди прочего разобрать и проанализировать содержимое желудков куликов, собранных нами в Якутии и хранившихся в спирте. Так что мне пришлось учиться у А.А. Кищинского навыку разбора этого материала, для чего мы несколько раз встречались с ним в Зоологическом музее, где он показывал мне скрупулёзный процесс как сортировки кормов из желудков птиц, так и их определения. Результаты вошли в мой диплом и затем в совместную с В.Е. Флинтом статью (1978). В последующие годы по возможности я всегда собирал желудки птиц погибших или попавших мне в руки иным образом, но навык их анализа мне мало пригодился — на это просто не хватало времени среди прочих научных задач. Но в связи с изучением рациона тундровых куликов вспоминается неоднократно повторенный рассказ В.Е. Флинта из поездки с Александром Александровичем в дельту Индигирки. Он говорил, что в полевом лагере

у костра с давно остывшей приготовленной олениной встречал возвращавшегося туда поздно вечером Санечку, который нёс «вязанки добытых плосконосых плавунчиков», фразой из популярного тогда кинофильма «Белое солнце пустыни»: «Саид, ты зачем убил моих людей?».

По окончании университета мне повезло остаться старшим лаборантом на кафедре Биофака МГУ с откомандированием для помощи московскому Центру кольцевания птиц Академии Наук СССР, где тогда работал А.А. Кищинский. Благодаря этому мне удалось вновь попасть в Арктику на два полевых сезона (1975 и 1976 гг.), на этот раз на Чукотку в составе совместных экспедиций А.А. Кищинского и В.Е. Флинта с приглашением других помощников. Это был фантастический опыт, давший мне заряд профессиональных знаний, навыков полевой работы, методов хранения и обработки результатов наблюдений, не говоря уже о близком экспедиционном общении.

В 1975 году экспедиция состояла из двух частей. Вначале из аэропорта Залив Креста, в окрестностях которого мы провели несколько дней, вертолёт забросил нашу команду к подножию Анадырского хребта в верхнем течении р. Канчалан. С нами помимо студента МГУ Алексея Постельных были также двое туристов (они в своих байдарках транспортировали оборудование полевого лагеря) и

А.А. Кищинский с птенцом канадского журавля в верховьях Канчалана

«Перекур» после общей экскурсии 22 июня к гнезду исландского песочника, найденного В.Е. Флинтом в котловине у подножия Анадырского хребта.

А.А. Кищинский на привале кипятит воду для чая.

магаданские териологии: Феликс Борисович Чернявский со студентом Игорем Дорогим. На «младшем» экспедиционном составе лежали обязанности поочерёдного дежурства в лагере с подготовкой пищи, а на мне ещё дополнительно обработка коллекционного материала. Завтраки и ужины проходили у костра в большой компании с обсуждением планов на день или впечатлений от дневных экскурсий, а также с шутками и «прибаутками».

Слева направо: А.В. Постельных, А.А. Кищинский и В.Е. Флинт ужинают в палатке.

А.В. Постельных (слева) и А.А. Кищинский (справа) пытаются выяснить, чем кормились пепельные улиты на горном ручье близ р. Лахтина в Корякском нагорье.

После двух недель стационарных обследований и сбора научной коллекции в верховьях Канчалана начался сплав на байдарках и на надувной лодке вниз по течению до пос. Канчалан, длившийся с несколькими 3–5-дневными остановками около месяца. Мне довелось плыть в байдарке вдвоём с Александром Александровичем.

А.А. Кищинский при описании гнезда длиннохвостого поморника.

На всём пути мы встречали следы пребывания оленеводов и стад оленей, но при этом не видели ни одного человека. Зато по мере нашего продвижения менялись ландшафты: гуще и выше становилась приречная растительность, вместо гор междуречья стали холмистыми с кочкарной тундрой и увеличилось число озёр. Менялся отчасти и видовой состав птиц в соответствии с преобладанием этих ландшафтных элементов. Пополнялась коллекция птиц и их гнёзд для Зоологического музея. Накапливался мой опыт в определении птиц, в поисках их

гнёзд и птенцов, совершенствовался навык в изготовлении коллекционных тушек. Наибольшая заслуга в этом принадлежит Александру Александровичу. Большой дополнительный опыт публикационного характера я получил позже, когда мы с ним готовили основательную фаунистическую статью по результатам этого сплава по р. Канчалан (опубликована в сборнике Зоомузея в 1983 г.). Написанные мною очерки о распространении и о наших биологических наблюдениях за каждым видом птиц в бассейне обследованной реки кардинально преобразились после редактирования и дополнений Александра Александровича.

Вторая часть экспедиции 1975 года состоялась в августе в окрестностях пос. Беринговский на крайнем северо-востоке Корякского нагорья. Для этого мы остались на Чукотке втроём с Александром Александровичем и Алексеем Постельных. Только позже я понял, что данная поездка, как и экспедиция следующего года, были нужны Александру Александровичу для завершения его книги «Птицы Корякского нагорья» (1980). Этот район заметно отличался от того, что мы видели на р. Канчалан. Неудивительно, что там было сделано несколько интересных фаунистических находок. А помимо некоторых новых для меня наземных и водоплавающих видов птиц я познакомился впервые с впечатляющими «птичьими базарами» на высоких скальных обрывах к Берингову морю.

А.А. Кищинский, В.Е. Флинт. Канчалан, 1975 г.

Вспоминаю, как мы все втроем пошли однажды в дальний маршрут вокруг горы и затем по морскому побережью. Поздно вечером Александр Александрович отправил нас с Алексеем обратно в наш палаточный лагерь, а сам двинулся дальше по берегу моря до мыса Низменного. Мы, порядком уставшие, добрались до лагеря только утром, а Александр Александрович вернулся лишь вечером того же второго дня. По измерениям на карте получалось, что мы прошагали не менее 40 км, а Александр Александрович ещё около 10 км, и это никак не по дорогам, а по крайне неровной тундре с оврагами вдоль берега моря. Особо остро в моей памяти отложилась другая ситуация — наше возвращение из полевого лагеря на р. Лахтина в пос. Беринговский. Мы торопились на рейсовый самолёт в Анадырь, столицу Чукотки. Но погода была с сильным ветром, который поднял высокую волну на обширной лагуне. Александр Александрович скомандовал нам с Алексеем шагать пешком почти налегке к переправе в аэропорт, а сам со всем экспедиционным скарбом погрузился

А.А. Кищинский за заполнением дневника свежими наблюдениями в жаркий день в первые дни экспедиции 1976 г.

А.А. Кищинский и В.Е. Флинт на пологом гребне горного отрога, где обильно произрастал кедровый стланик.

в байдарку и поплыл напрямик через лагуну. Вместе с байдаркой он скрывался от нашего взора за волнами, а позже его совсем не стало видно. Я крайне переживал за его судьбу пока мы шли к цели примерно 10 км. Но всё обошлось — мы радовались, увидев приближение его байдарки к переправе через протоку перед аэропортом. Но перед этим пришлось основательно понервничать. Эти две ситуации характеризуют Александра Александровича как человека рискованного

Упаковка вещей в байдарку перед началом сплава по р. Ольховой.

Последствие «кораблекрушения» при первой попытке сплава по реке: байдарка повреждена, раскладка вещей и документов для просушки. Слева направо: В.Е. Флинт, Е.А. Кузнецов, В.В. Чернов, А.А. Кищинский.

при необходимости достижения поставленной цели в нелёгких полевых условиях, причём риску он подвергал, прежде всего, себя, а не спутников.

Экспедиция 1976 года в Корякское нагорье изначально пошла не по плану. Прилетев из Москвы в аэропорт г. Анадыря в начале июня, пришлось почти две недели ожидать там вертолёт для заброски экспедиционной команды к запланированному месту работ.

Участники экспедиции. Слева направо: проводник, Ф.Б. Чернявский, А.А. Кищинский, В.А. Нечаев.

В.В. Чернов и А.А. Кищинский в первом полевом лагере за разбором собранных материалов.

Не было то лётной погоды, то свободного вертолётки из-за работ больших геологических или геодезических отрядов. Так что все мы долго довольствовались орнитологическими экскурсиями в окрестностях аэропорта, проживая в стеснённых условиях аэропортовской гостиницы. Экспедиционную команду на этот раз составляли не только В.Е. Флинт, А.А. Кищинский и я, но также сотрудник Центра кольцевания птиц Никита Викторович Вронский и студенты-орнитологи биофака МГУ Женя Кузнецов и Володя Чернов. Нередко участники экспедиции

Вечернее обсуждение итогов дня и планов в первом экспедиционном лагере.

задавали вопрос: «Так когда же мы улетим в полевые условия?». И при этом неизменно получали ответ Александра Александровича: «Своевременно или несколько позже» (эта его фраза вошла в мой жизненный обиход ответом на многие задаваемые вопросы).

Чтобы как-то сдвинуть ситуацию с вертолётom с «мёртвой» точки, через неделю ожиданий наши два экспедиционных руководителя запаслись бутылкой достойного алкоголя и отправились на приём к руководству авиаотряда. В результате этого «похода» через несколько дней у нас появилась возможность получить вертолёт для заброски в Корякское нагорье, но погода в Анадыре ещё до конца не выправилась, а о погоде в Корякском нагорье не было известно из-за отсутствия в том районе метеостанций. В итоге командир вертолётa по согласию с нашими руководителями решили рискнуть — лететь на юг по долине р. Великой, ограничивающей с северо-запада Корякское нагорье, и при наличии возможности по одной из долин пересечь горную цепь и попасть в Хатырскую котловину, которая нас интересовала. В итоге всё получилось идеально: метеоусловия в том районе оказались благоприятными, и в почти ясную погоду вертолёт без проблем перемахнул через горы в Хатырскую котловину примерно напротив поворота р. Хатырки к морю, а затем повернул по широкой долине на восток вдоль р. Рытгыльвеем. В итоге А.А. Кищинским было выбрано отличное место для полевого лагеря на широкой террасе р. Ольховой.

А.А. Кищинский и В.Е. Флинт осуществляют «ручной» сплав байдарки с вещами по р. Ольховой.

Нам казалось, что мы попали туда, где не ступала нога человека (позже, однако, на горном хребте, населённом снежными баранами, мы нашли гильзы от нарезной винтовки). Вокруг были птицы, ради которых мы добирались в эту горно-тундровую глушь. У нас появилась возможность изучить авифауну не только долины р. Ольховой, но также ограничивающих её горных отрогов и за ними долины соседних небольших речек. Там удалось сделать немало интересных орнитологических находок, о которых впоследствии были написаны научные статьи и детали изложены в монографии А.А. Кищинского «Птицы Корякского нагорья» (1980). Можно добавить, что в ту часть нагорья за минувшие с тех пор почти полвека зоологам больше проникнуть не удавалось.

По вечерам, когда смеркалось, наша компания ужинала возле костра, и зачастую мы обменивались не только впечатлениями дня, но также воспоминаниями о прежних экспедициях или историями из жизни. Тогда же мы узнали от А.А. Кищинского простенькое запоминающееся двустишие: «*Emberiza rustica*¹ цикает из кустика». Нередко молодёжь просила старших товарищей поделиться историями о «великом полярфоршере» (так с «лёгкой руки» В.Е. Флинта называли Савву Михайловича Успенского). Это был целый цикл разнообразных историй, которые, к сожалению, остались нигде не записанными.

---

¹ Научное название овсянки-ремеза.

Перед загрузкой экспедиционными вещами вездехода геологов, которые согласились доставить нашу команду на р. Рытгыльвеем, где у нас была возможность сплавляться на байдарках.

Но вот одна короткая из таких историй, рассказанных Александром Александровичем о его совместной с С.М. Успенским поездке на полуостров Ямал в 1973 г. Несколько раз бывало, что после завтрака Савва Михайлович отправлялся на экскурсию в тундру, прихватив с собой спальный мешок. А по возвращении в лагерь сообщал, что в этот день ему не удалось увидеть что-либо интересное из птиц или из их жизни...

Иногда в рассказах от Александра Александровича доставалось с юмором и Леониду Александровичу Портенко — его начальнику в Камчатской комплексной научной экспедиции в 1959–1960 гг., позже научному руководителю его кандидатской диссертации. Л.А. Портенко числится первым автором их совместной монографии «Млекопитающие Коряцкого нагорья» (1963). Используемые в монографии материалы были обобщены и проанализированы Ф.Б. Чернявским и А.А. Кищинским, но во Введении книги сказано о том, что они лишь приготовили «черновой текст», а далее сделано следующее уточнение: «Л.А. Портенко объединил их черновые рукописи с записями из своих дневников в сводку, которая от начала до конца написана его рукой». Кроме того, технический редактор этой монографии долго отказывалась называть Коряцкое нагорье Коряцким, на чём настаивал Леонид Александрович, указывая на существование в русском языке слов «дурак» и «дурацкий»

Просушка собранной коллекции после непреднамеренного «купания» А.А. Кищинского в перевернувшейся байдарке на р. Рытгыльвеем.

как проверочных для аналогичного сочетания слов «коряк» и «коряцкий». Тогда редактор попросила написать обоснование такому нестандартному названию нагорья, и в книге появилась сноска, но уже без примера-аналога: «Мы придерживаемся написания «коряцкий», считая недавно введенное «корякский» искусственным и неправильным».

Но я отвлекся от повествования о нашей экспедиции, которая сопровождалась приключениями. Отряду предстоял непростой сплав по горным рекам на трёх байдарках с солидным экспедиционным грузом. Сплав начали к концу июня, когда отчётливо заметили, что наша р. Ольховая стала заметно мелеть на её ложе из крупноглыбовых валунов, круто спускающемся к более солидному руслу р. Рытгыльвеем. Мы аккуратно упаковали наш скарб и попарно уселись в байдарки; при этом Александр Александрович напутствовал нас, чтобы мы по пути учитывали уток-каменушек. Как и следовало ожидать, наши начальники стартовали первыми. Бурное течение понесло наши байдарки, и мы с трудом уворачивались от острых валунов, изобиловавших не только по берегам, но и на дне довольно мелководного русла реки. И уже метров через 200 мы увидели впереди наших руководителей, вытаскивавших на берег свою байдарку. Она оказалась широко пропорота на большом протяжении днища. Все вновь вышли на берег, стали раскладывать на берегу для просушки,

А.А. Кищинский с пойманной кайрой на берегу Берингова моря близ пос. Хатырка.

придавливая камнями от ветра, не только промокшие личные вещи А.А. Кищинского и В.Е. Флинта, но также разнообразные документы и экспедиционные деньги. Пришлось вновь возводить палатки, ставить заплатки на продранное днище байдарки и продумывать дальнейший план действий. Кое-кто пошутил: «Вот и поучитывали каменюшек вместо каменюшек».

Следующие несколько дней ушли на то, чтобы вдвоём-втроём переносить в рюкзаках наши наиболее водоуязвимые вещи примерно за 10 километров вниз по течению р. Ольховой к месту нашего следующего кратковременного лагеря. Позже стали пешком (в болотных сапогах) сплавлять туда же байдарки, придерживая их верёвками за нос и корму и обводя вокруг каждого крупного выступающего камня. В этом новом лагере стало понятно, что река по-прежнему мелка и опасна для нашего «судоходства». В итоге наши начальники предприняли солидный пеший маршрут до замеченных вдалеке в долине за р. Рытгыльвеем строений базы оленеводов. Как оказалось, там же базировались и геологи, с которыми удалось договориться о том, чтобы они перевезли на вездеходе нас и наш скарб ниже по реке, где уже можно будет сплавляться на байдарках.

После переезда на вездеходе ещё километров на 10 мы наконец-то могли реально начать сплав в полном смысле этого слова по р. Рытгыльвеем. Но наши приключения не закончились. На одном из крутых поворотов реки сильное течение затянуло байдарку Александра Александровича к обрывистому берегу с кустами ольховника и

Полевые будни

перевернуло её вместе с седоком и всем грузом, включая собранную до этого коллекцию птиц. Благо, там всё было хорошо привязано, и обошлось без потерь, если не считать промокания. Произошло это недалеко от места впадения рек Северной и Южной в Рытгыльвеем, где произрастала единственная на нашем пути небольшая роща из деревьев чозении и где мы планировали остановку на несколько дней для обследования авифауны. Там

мы смогли не только высушить всё подмоченное, но и осуществить немало орнитологических находок — например, нашли гнёздо каменушки (стало первым в коллекции Зоомузея МГУ) и гнездо беркута. А я смог отыскать гнездо и птенцов длиннопалого песочника, что стало основой для написания впоследствии моей статьи об этом малоизученном виде. Единственное, что омрачало там нашу жизнь — это необычайное и незабываемое обилие слепней, помимо комаров.

Дальнейший путь до слияния с р. Хатыркой и затем до Берингова моря, где расположен пос. Хатырка, прошёл уже без приключений, если не считать утопленное в реке новое казённое ружьё. Вместе с тем, этот путь с несколькими одно-двухдневными остановками был полон ярких впечатлений, причём не только от меняющейся природной обстановки и от птиц, но также и от встреч с людьми и результатами их деятельности. Так, мы встретили большой лагерь геологов. Впечатлило также, как один из притоков р. Хатырки нёс мутную воду с золотопромышленного прииска, и его вода не менее, чем на десяток километров, текла, не смешиваясь с кристально чистой водой Хатырки, параллельно с ней. Затем, ближе к посёлку, встретили семейство чукчей на рыбалке, у которых В.Е. Флинт выпросил чавычу — полутораметровую красную рыбку, поразившую нас своими размером и весом. Это позволило нам на следующей стоянке устроить пирушку — варили и жарили рыбу, а также приготовили 4-литровый котелок красной икры в тузлуке. При отсутствии хлеба наша команда смогла осилить только половину котелка икры, а вторую половину возили с собой ещё неделю, пока не доели её. Далее по реке

мы обнаружили поселковый пионерский лагерь, где нас угостили свежесдобитым хлебом, казавшимся деликатесом.

Посёлок Хатырка — один из наиболее удалённых от чукотских центров цивилизации, поэтому там была своя экзотика, например, уже два месяца туда из-за туманной приморской погоды не мог прилететь рейсовый вертолёт. Но мы стремились на природу, которая заметно отличалась от того, что мы видели в горах. Поэтому мы распрощались с В.Е. Флинтом (он надеялся вырваться в Москву для срочных дел) и ещё на неделю на рубеже июля и августа отправились с палатками для «дикой» жизни на приморской тундре километрах в 5 от посёлка. Теперь распорядком лагерной жизни и маршрутами обследований распорядился уже единолично Александр Александрович. Но меня там привлекали в первую очередь обнаруженные с выводками кулики-лопатки, оказавшиеся на том участке обычными. Каково же было наше удивление, когда, вернувшись в посёлок, мы встретили В.Е. Флинта, всё ещё ожидавшего вертолёт. Но ещё через несколько дней ожидания мы все вместе всё-таки вылетели без дальнейших задержек через Беринговский и Анадырь до Москвы.

В тот же год В.Е. Флинт перешёл из Зоомузея на новое место работы — в Центральную лабораторию охраны природы Минсельхоза СССР, а я по рекомендации Владимира Евгеньевича в декабре 1976 года переместился на работу в Зоологический музей МГУ и в последующие годы организовывал собственные небольшие экспедиции в сибирскую Арктику. В то же время Александр Александрович стал первым из советских орнитологов, кому удалось побывать в полевых условиях на Аляске — это произошло в 1977 году. На его доклад об этой поездке на биофаке МГУ собралось много народа, который с упоением слушал рассказ с демонстрацией слайдов про орнитофауну тундр и водно-болотных угодий Аляски, а также про работы тамошних орнитологов. Вместе с тем, следует признать, что на этом завершились поездки Александра Александровича в Арктику. Он углубился в обработку и публикацию большого массива накопленных в Арктике сведений и активно публиковал их в журналах, сборниках, а также подготовил и с блеском защитил осенью 1979 года докторскую диссертацию. Кроме того, с 1978 года у А.А. Кищинского начался новый жизненный этап, связанный с изучением авифауны Монголии. Последнее его выступление (совместно с В.Е. Фоминым) перед московскими орнитологами состоялось 16 января 1980 года на семинаре в Зоомузее МГУ, и оно было посвящено уже наблюдениям предыдущего года в Монгольской Народной Республике.

Ряд своих сданных в печать работ Александр Александрович не успел увидеть опубликованными, в частности, монографию «Птицы Корякского нагорья», появившуюся в год его кончины после скоропостижной болезни. Также не успел он обработать и донести до научной общественности основные материалы, изложенные в его докторской диссертации. Отчасти это было любезно сделано позже Юрием Андреевичем Исаковым, подготовившим и опубликовавшим часть диссертации А.А. Кищинского под его именем в книге «Орнитофауна северо-востока Азии» (1988). Следует при этом отметить, что сам Александр Александрович никогда бы не назвал свой труд термином «орнитофауна», происходящим из комбинации греческого и латинского слов, поскольку он всегда употреблял более правильный синоним «авифауна», состоящий только из сочетания латинских слов. Кстати, в связи с этим на предзащите докторской диссертации произошёл казусный случай. Пожилая дама энтомолог, член Учёного совета ИЭМЭЖ¹ (прежнее название нынешнего ИПЭЭ²), где проходила предзащита, задала вопрос: «Александр Александрович, Вы всё время употребляете слово «авифауна» в отношении птиц, но наверно правильнее говорить «авиафауна», и слово должно подразумевать также летающих насекомых?». На это из зала последовала реплика: «... и самолёты!». По залу прокатился негромкий смех, как реакция на недостаточную образованность маститого энтомолога и последовавшую шутку.

Моё последнее общение с Александром Александровичем произошло в больнице вскоре после его последней экспедиции в Монголию. Я приехал туда, встретился там с Ю.А. Исаковым, и мы вместе посетили ненадолго Александра Александровича. Было непривычно и печально видеть прикованным к постели и разговаривавшим с некоторым трудом этого всегда активного и бодрого человека. Во время нашего краткого визита основную беседу вёл по старшинству Юрий Андреевич, спрашивая не только про результаты монгольской экспедиции, но больше про самочувствие Александра Александровича при быстром прогрессе его заболевания. Поинтересовался Александр Александрович и результатами моих работ на Чукотке. Шоком для меня стала поступившая уже вскоре, в середине сентября, новость о том, что Александра Александровича не стало. Перед кремацией гроб

---

¹ Институт Эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР.

² Институт Проблем экологии и эволюции РАН.

Сверху самец, неотип подвида чернозобика *Calidris alpina sakhalina* с верховьев р. Канчалан, снизу самка, голотип подвида чернозобика *Calidris alpina kistchinski* Камчатки, в Зоологическом музее МГУ.

с его телом привезли в Зоологический музей, где в зале с раздевалками первого этажа музея с трудом помещалась публика, собравшаяся, чтобы проститься с этим выдающимся зоологом, которому прежде все прочили яркое будущее.

Обработывая коллекционные сборы куликов в Зоологическом музее в 1980-е годы, я пришёл к заключению о необходимости переоценки подвидового деления чернозобика — одного из обычных видов куликов Дальнего Востока. В итоге пришлось предпринять два таксономических решения, которые были опубликованы (Томкович, 1986) и приняты к сведению научной общественностью. Во-первых, для общепринятого научного названия дальневосточного подвида чернозобика (*Calidris alpina sakhalina*) пришлось выделить неотип (типовой, то есть эталонный коллекционный экземпляр), которым стал чернозобик, добытый и изготовленный в 1975 году в верховьях р. Канчалан А.А. Кищинским и В.Е. Флинттом. Во-вторых, для чернозобиков юга Корякского нагорья, Камчатки и северного Охотоморья понадобилось описать новый для науки подвид. Вопрос о том, как его назвать, не возникал. Он получил научное название *Calidris alpina kistchinski* в честь Александра Александровича Кищинского. Это моя маленькая лепта в международное увековечение имени и фамилии этого замечательного учёного.

Роль А.А. Кищинского, как и роль моего официального научного руководителя В.Е. Флинта, в моей научной и прочей жизни колоссальна. Если Владимир Евгеньевич увлёк меня изучением арктических куликов с их уникальным малоизвестным прежде разнообразием брачных отношений, а также помогал моему карьерному продвижению, то Александр Александрович наглядно продемонстрировал своим примером как целеустремлённостью, трудолюбием, скрупулёзностью, поиском новых методов изучения птиц и публикационной активностью можно и следует развивать нашу орнитологическую науку. Эти два замечательных человека сформировали меня как учёного, определив мои научные увлечения на всю жизнь. При этом необычайно печально то, что изумительно яркая и продуктивная жизнь Александра Александровича оборвалась столь неожиданно рано, в самом расцвете его жизни и творческой активности. Я часто соизмеряю собственные деяния и достижения с тем, как бы на них отреагировал или сам поступил А.А. Кищинский.

Павел Станиславович Томкович, доктор биологических наук

Фотохроника экспедиции на Корякское нагорье 1976 г. в объективе Никиты Викторовича Вронского

Чукотка, 11 июня 1976 г. Только что прилетели. В данном случае не птицы, а люди.

14 июня. На подходе к гнезду большого песочника

14 июня. У гнезда большого песочника

Корякское нагорье, 14 июня. А.А. Кищинский

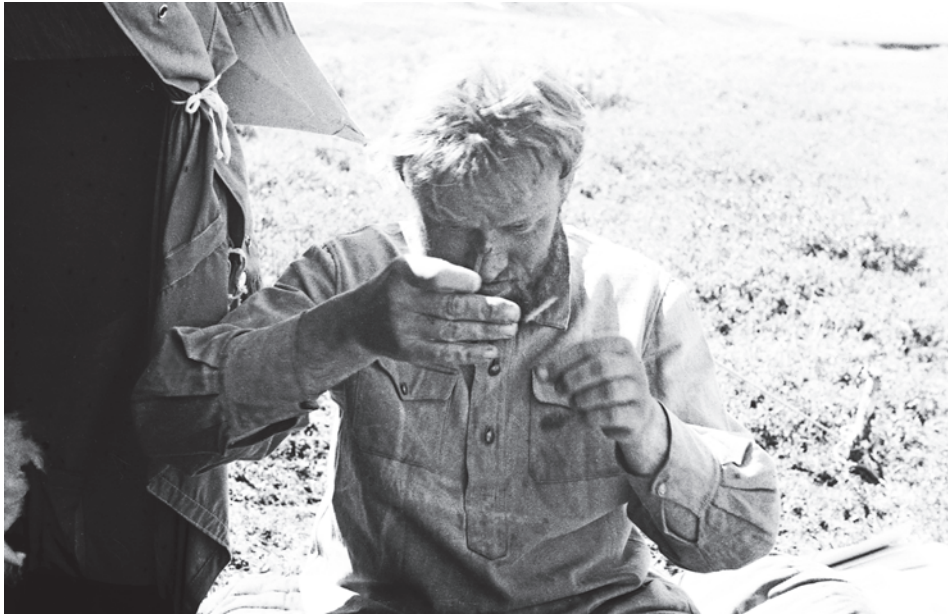
Корякское нагорье. 25 июня. В лагере на реке Ольховая

Корякское нагорье. 6 июля. На реке Рытгельвеем

Корякское нагорье. 9 июля. Полевой быт

Корякское нагорье. 9 июля. А.А. Кицинский за работой

Корякское нагорье. 10 июля. Встреча с геологами на реке Рытгельвеем. Начальник геологов — Красный

Корякское нагорье. 16 июля. В.Е. Флинт и А.А. Кицинский на реке Рытгельвеем

19 июля. Приморская тундра в нашем последнем лагере. Е.А. Кузнецов, П.С. Томкович, А.А. Кицинский

Чукотка. 6 августа. Побережье Берингова моря

Александр Александрович Кищинский (1937–1980). Воспоминания о встречах и общении с великим человеком

С А.А. Кищинским мы познакомились после того, как моя семья переехала на постоянное место жительства из Владивостока в Москву. Это произошло в ноябре 1972 года. К этому времени я был знаком с его книгой «Птицы Колымского нагорья», опубликованной в 1968 году. В те времена (1966–1971) я был студентом Дальневосточного государственного университета и в 1969 году в составе комплексного биологического экспедиционного отряда посетил долину реки Колымы и ближайшие сопки, покрытые тайгой. За год до переезда в Москву я окончил университет, его биолого-почвенный факультет, где специализировался в вопросах орнитологической фаунистики под руководством доцента кафедры зоологии к.б.н. Юрия Николаевича Назарова.

В начале 1973 года я приступил к работе на кафедре зоологии позвоночных МГУ имени М.В. Ломоносова, а в апреле перешёл в новую лабораторию, организованную профессором Валерием Дмитриевичем Ильичёвым на базе Центра кольцевания птиц и наземных млекопитающих ИЭМЭЖ имени А.Н. Северцова АН СССР. Лаборатория носила название Лаборатория ориентации и навигации птиц и занималась, помимо миграций, проблемами отпугивания синантропных и других птиц от аэродромов, и биоакустикой. Я стал первым сотрудником обновлённой лаборатории. Из старых сотрудников Центра кольцевания здесь были орнитолог Маргарита Ивановна Лебедева, которая фактически руководила Центром кольцевания уже несколько лет, и переводчик по фамилии Делазари. Его имя и отчество — Богдан Дмитриевич.

В этом же году начался набор новых сотрудников, среди которых появился и Александр Александрович. Так случилось, что наши столы стояли рядом, и мы часто общались. Поскольку сотрудники Центра кольцевания вели обширную переписку как внутри нашей страны, так и с зарубежными Центрами кольцевания, необходимо было общаться с последними, как минимум, на английском языке. Делазари знал 5–6 языков, включая английский, немецкий, французский, итальянский. По происхождению он имел итальянские корни, был профессиональным переводчиком, поэтому все письма, связанные с заграницей, мы давали ему для перевода. Позже, немного поднаторев

в английском, мы и сами начали отвечать своим коллегам из других стран. Кишинский среди нас орнитологов слыл лучшим знатоком английского языка. В это же время в Лабораторию пришли Павел Томкович, Никита Вронский, Володя Иваницкий, Инна Добрынина, Александр Медведков, Владилен Фомин, Ольга Силаева и Борис Гуков. У каждого был свой спектр работы, но в целом коллектив сложился хороший. Мы нередко за чаем обсуждали проблемы орнитологии и потешались над некоторыми письмами наших респондентов. Такие письма, после тщательной обработки, складывали в специальную папку под названием «Компот из мухофруктов». Интересно, что в наш ЦК, как мы шутливо его называли, доставлялись письма даже по таким адресам: *Москва, Кремль, Центр галочного перелёта*. Юмор сопровождал нашу, порой нелёгкую работу, поскольку писем приходило много, и необходимо было выдержать некий алгоритм по их обработке. А ещё была массовая рассылка колец по почте. Сан Саныч также не был лишён юмора, воспринимая нашу информацию и делаясь своей.

Я запомнил его собранность, чёткость мыслей, широкую эрудицию по многим вопросам, скрупулёзность в сборе научного материала. Мне он показывал свои конверты, где хранил этот материал. Помимо полевых дневников, которые вёл очень тщательно, он собирал различные оттиски, выдержки из периодической и научной литературы, фотографии, выписки из книг с указанием страниц и пр. Каждый конверт он посвящал конкретному виду птиц. Это впоследствии облегчало работу по подготовке материалов полевых исследований к публикации.

Мы часто с ним обсуждали будущие экспедиции. Я выбрал своим регионом Дальний Восток. Для меня это были места отчасти знакомые, также, как и местная авифауна, ведь я уже успел поработать на острове Фуругельма в Приморском крае и в устье реки Чаун — на западе Чукотки, объехать с вирусологами Южное Приморье. А также с месяц провёл в упомянутой мной экспедиции на Колыме. Все эти районы Кишинского очень интересовали, особенно Чукотка и Камчатка. Я рассказал Александру Александровичу о своих планах по изучению миграций птиц на востоке Азии. Он с большим интересом отнёсся к моим задумкам, подсказав важность выявления Камчатско-Курильского пролётного пути. Помню, когда мы с ним и с В.Е. Фоминым вместе поехали в Астрахань на Региональный семинар по проблеме «Ресурсы пернатой дичи побережий Каспия и прилежащих районов» осенью 1973 года, в поезде много говорили о планах моих будущих командировок. Они начались уже в следующем 1974 году

и велись, следуя рекомендациям Александра Александровича, в течение нескольких последующих лет. Были обследованы западное побережье Камчатского полуострова и Южные Курилы. К сожалению, в совместных с ним экспедициях мне участвовать не пришлось, но помню рассказы о нём В.Е. Флинта, с которым я был в экспедиции в Архаринском районе Амурской области в 1981 году (уже после смерти А.А.), и который очень высоко оценивал научный потенциал Кищинского, поражаясь его целеустремлённости и работоспособности.

Ещё работая в Центре кольцевания, Александр Александрович помогал мне в методике обработки данных кольцевания. Особенно благодарен я ему за методическую помощь при использовании данных кольцевания для определения путей миграционных перемещений ряда видов трубконосых птиц. Он показал мне, как можно использовать орнитологические, включая фаунистические, публикации разных авторов при обработке данных кольцевания. В результате складывалась более полная картина перемещения географических популяций птиц и связь этого явления с фенологическими данными. Это было особенно важно при недостатке данных о возвратах колец.

А ещё он был прекрасным научным редактором сборников статей и монографий. Им бывали внесены существенные и довольно обширные правки и дополнения к текстам, представленным авторами. При этом он не претендовал на соавторство. Ему нужна была только чистота и полнота научных изысканий, правильное их изложение. В этом проявлялись альтруистические особенности его натуры.

В 1976 и 1977 годах мне посчастливилось работать в составе советско-монгольского отряда орнитологов по эколого-фаунистическому обследованию Монголии. По этим материалам также были соответствующие публикации. Кищинский в это время завершал сборы орнитологических материалов в Корякском нагорье и готовился примкнуть к нам в будущих поездках по Монголии. Но в начале 1978 года я перешёл из Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР на работу в Московский зоопарк. Не смог противиться внутренней тяге к содержанию и разведению животных. Несмотря на это, наши дружеские и научные связи с Александром Александровичем не прекратились.

В последние годы своей жизни он активно общался с американскими орнитологами в связи с меченьем лебедей ошейниками и пластиковыми ножными кольцами. Их можно было рассмотреть в бинокль издали и прочесть номера, а также увидеть цвет колец,

*А.А. Кищинский и У. Слейден в Московском зоопарке с лебедями-трубачами (*Cygnus buccinator*).
Фото Л. Штейнбака*

которые соответствовали разным регионам. Это было обговорено координаторами меченя. Для нас и американских коллег важно было побольше узнать об особенностях миграционных связей у птиц Аляски и Чукотки. Неоднократно он посещал Аляску, работая там совместно с американскими коллегами. А для нашего Московского зоопарка он содействовал в получении американских лебедей-трубачей, которые впоследствии хорошо жили у нас и успешно приносили потомство.

Этот вид лебедей впервые в истории Московского зоопарка появился в его коллекции. Кищинский в сопровождении доктора Слейдена приезжали в наш зоопарк и встречались с директором В.В. Спициным и со мной. Я тогда занимал должность заместителя директора зоопарка по научной части.

Вот такие сведения о Слейдене я нашёл в Википедии: *Уильям Джозеф Ламбарт Слейден (19 декабря 1920 — 29 мая 2017) был валлийско-американским натуралистом, исследователем Антарктики и Арктики, специалистом по экологии полярных птиц. Он был почётным профессором в Университете Джона Хопкинса в Соединённых Штатах. Он исследовал экологию антарктических птиц и получил за это Полярную медаль. Его открытие в 1960-х годах того, что остатки ДДТ могут быть обнаружены у пингвинов адели, способствовало запрету ДДТ в США. Слейден был, по сути, руководителем Всемирной программы по мечению лебедей. А Кищинский тесно работал с ним и внедрял этот метод в нашей стране.*

Широта научных интересов Александра Александровича поражала. Кроме птиц, которым он отдавал несомненный приоритет, Кищинский прекрасно знал и изучал млекопитающих Севера, их горных систем. Отдельную монографию он посвятил белому медведю. Помимо фаунистики его интересовали вопросы зоогеографии, где он

достиг совершенства, разбираясь в самых тонкостях проблемы. Достаточно только посмотреть список его научных публикаций, чтобы в этом убедиться.

Хорошо помню защиту его докторской диссертации на тему «Орнитофауна северо-востока Азии». Она проходила в зале Учёного совета ИЭМЭЖ имени А.Н. Северцова АН СССР. После блестящего выступления Кищинского, в течение которого мы ловили каждое его слово, начались вопросы членов диссертационного совета. Помнится вопрос одной дамы — доктора наук, видимо энтомолога, спросившей — «А почему вы пользуетесь термином авифауна? Ведь летают не только птицы, но и бабочки!». Ей было невдомёк, что слово это пошло от латинского *Aves*, что означает Птица. К сожалению, малограмотные члены диссоветов встречаются до сих пор, и не так уж редко.

Потом я узнал, что А.А. Кищинский уехал работать в монгольскую экспедицию, где на него возлагали большие надежды. Но там у него неожиданно проявились последствия тяжёлого онкологического заболевания. До этого оно развивалось скрытно. Александр Александрович вернулся из Монголии в Москву. Болезнь развивалась настолько стремительно, что в этом же 1980 году его не стало...

Коллеги из монгольского отряда позже опубликовали статью с его участием: *Кищинский А.А., Фомин В.Е., Болд А., Цэвээнмядаг Н. Птицы горного массива Мунк-Хайрхан (МНР) // Биологические ресурсы и природные условия МНР. М., 1982, Т. 18, С. 62–81.* Это была память о друге и соратнике.

Коллеги по работе на севере опубликовали его диссертацию в виде монографии, уже посмертно: *Кищинский А.А. Орнитофауна Северо-Востока Азии. М.: Наука. 1988. 278 с.* Она была переведена на английский язык и получила широкое признание среди орнитологов мира.

В жизни Александр Александрович был общительным и приятным собеседником, мы нередко вместе с ним бывали на разных вечеринках, где не избегали и спиртных напитков. Но это было не самое главное, поскольку Кищинский был человеком открытым, толерантным, обладал энциклопедическими знаниями, не кичился этим, а отдавал их друзьям без сожаления. Очень жаль, что он прожил такую короткую жизнь. А сколько бы он смог сделать, если бы жизнь продлилась дольше... Светлая ему память...

*Владимир Алексеевич Остапенко,
профессор, доктор биологических наук*

**Александр Александрович Кишинский, один из
моих друзей, безвременно ушедших; друг и ровесник,
который был всегда старше...**

Саня Кишинский! Светлая память о тебе будет со мной всегда, пока буду я.

Мы познакомились с А.А. Кишинским в подростковом возрасте в 1951 году. Я уже не помню точно, при каких обстоятельствах это произошло. Ясно, что было это в кружке юных биологов при ВООПе (Всероссийском обществе охраны природы). Руководил кружком величайший из воспитателей будущих биологов — Пётр Петрович Смолин, легендарный ППС. Как и когда точно это было, и обстоятельства, при которых произошло, в памяти моей не сохранилось — такое ощущение, что мы были знакомы и дружили всегда. Во всяком случае, в списке учредителей кружка моя фамилия значится, хотя я был семиклассником, а Сани там нет. Вроде он пришёл к нам из кружка при биофаке МГУ. Тогда им руководил, будучи студентом, В.Е. Флинт. Однако в 1951 г. на первой из сохранившихся у меня фотографий Саша уже в кругу ВООПовцев.

Саня мой ровесник, но всегда был старше, мудрее, опытнее, авторитетнее — такой старший брат, уважаемый, заботливый, благожелательный, но в меру недоступный, пребывающий в собственном, недоступном другим, даже друзьям, мире. Он не воспринимался как «вундеркинд», хотя был таким «официально» (см. Флинт, 1999¹). Про его «обзоры» птиц в юном возрасте я услышал гораздо позднее из того же источника, но ощущение не столько превосходства, а скорее авторитетности А.А. было со мной всегда. Что было до нашей трагической поездки в Тульские засеки летом 1952 г. память не сохранила, хотя и до этого мы были не только хорошо знакомы, но и достаточно близки несомненно.

В 1952 г. Саша закончил школу (в 14 лет!) с золотой медалью и был принят в МГУ на биологический факультет, правда, по специальному решению Министерства образования СССР, как «заслуженный вундеркинд республики». Вместе с ним, тоже без экзамена, туда же поступил Андрей Беус, тоже ВООПовец. Он имел только серебряную медаль, за отсутствие пафоса в выпускном сочинении. Я был ещё девятиклассником, перешедшим в 10-й, освобожденным раньше и по

---

¹ В.Е. Флинт. Кишинский Александр Александрович // Московские орнитологи. М.: изд-во МГУ. 1999. С. 206–224.

рекомендации ППСа работал у Геннадия Николаевича Лихачёва в Приокско-Террасном заповеднике на подхвате по проверке дуплянок, развешенных в заповедничком лесу. Как писал мне туда Андрей Беус, если он пройдёт в МГУ и будет свободным, то хотел бы тоже куда-нибудь поехать на природу для работы. Так и произошло. Г.Н. Лихачёв послал меня вместе со студенткой биофака Саратовского университета Галиной (вроде) Агаповой в бывший заповедник «Тульские засеки», где Геннадий Николаевич работал до закрытия заповедника в 1950 г. Послали нас для продолжения сбора материала по питанию осоеда, поскольку в Тульских засеках остались дубы, оборудованные для залезания к гнёздам хищных птиц. Для этого в их стволы были вбиты железные «костыли». Мы с Агаповой приехали раньше, а Андрей с А. Кищинским — несколько позже, когда мы уже начали наблюдения. В день их приезда Андрей утонул, купаясь в р. Упе — он попал в карстовый колодец с ключом холодной воды. После перегрева, когда они ехали на «полупорке» по степи от Тулы до Крапивны, холод и неожиданность привели к разрыву эмфиземы аорты и мгновенной смерти. После того, как худо-бедно пришли в себя, мы, согласно плану работ, перебрались в Орловскую казарму (так называли сторожки в Тульских засеках, т.к. они имели «стратегическое значение» в защите от кочевников). Питались до отвала в семье лесника, спали на сеновале. Как-то лесник предложил нам, самим правда, сходить на утиную охоту, дал ружьё и патроны, сказав, что идти надо на заре. Мы, конечно, проспали, и он презрительно сказал: «Эх, вы, ўтошники, называется». Мы, естественно, говорили потом об этом, и с лёгкой руки Димки Пупавкина, по кличке «Птенец» (за писклявый голос), стали «ўтошниками»: Саня — старшим, я — младшим. В засеках лазили по «костылям» в гнёзда осоедов, забирая у птенцов часть только что принесённых родителями осиных сот для определения вида ос, но почему-то такое определение «осятникам» не удалось.

Следующее воспоминание касается моих приездов к Александру Александровичу домой в Москву из Новосибирска. Помню вечерний приём «сладкой водочки» на кухне квартиры панельного дома, в котором жили Кищинские. От этих вечеров у меня остались самые тёплые чувства. Помню, что я рассказывал о своих исследованиях Сане. Он внимательно и с интересом слушал меня, поддерживал, одобрял, т.к. я очень нуждался в этом, будучи везде отщепенцем — и среди классических зоологов, и среди своих «бухгалтеров» от зоогеографии (кузякинцев), которые исповедовали веру, привитую А.П. Кузякиным, что нужно считать всё и везде — птиц,

А.А. Кицинский на озере Чаны. Фото Ю.С. Равкина.

зверьё, бабочек и т.д. Саня же был «классиком» и по роду работ, и по подготовке, но относился к моим склонностям с уважением и интересом. На мои вопросы о его работе, планах и намерениях отвечал кратко, с юмором, без особого пиетета, явно уходя от разговора в этом плане. Причём это не выглядело как запрет, а скорее походило на «Да чего там интересного в этих плейстоценах и голоценах», как он как-то выразился, доброжелательно передразнивая меня. Помню, что он даже высказывал некоторую обеспокоенность в связи с тем, что я «считаю на ЭВМ», как тогда говорили. «Наверное, теперь так надо» — сказал он. На что я заметил, что «Ума это не прибавляет, и я далёк от мысли о своём «превосходстве» по этому поводу». Он, слава Богу, и не пристрастился к этой забаве и остался «классиком» и в мире со своими учителями — Г.П. Дементьевым и Л.А. Портенко, не теряя контактов с «инакомыслящими», вроде меня. После смерти Саши и до сих пор мне не хватало и не хватает его искреннего внимания, поддержки и одобрения, несмотря на иную систему ценностей и интересов.

Что ещё было свойственно Александру Александровичу? Во-первых, почти «гурманский» вкус к жизни. Помню, как-то в его приезд

А.А. Кищинский ведёт американского коллегу на озере Чаны. Фото Ю.С. Равкина.

в Новосибирск я угощал его теперь уже в своей кухне в малометражке в Академгородке, правда кирпичном, а не панельном доме, чем-то вроде облепиховой настойки, и он, причмокивая от удовольствия послевкусия, сказал что-то вроде: «Вкуснотища-то какая!». И это было свойственно Сане не только в еде и питье, а касалось жизни вообще. И, тем не менее, он даже в этом был как-то отстранён от всего «прогрессивного человечества» и был сам собой в своём мире. Помню, как кто-то в шутку сказал: «Ну, ты даёшь, Санька! Мы почти все уже женаты по второму-третьему разу, а ты живёшь всё с той же кубанской казачкой, привезённой в Москву из экспедиции». На что Саша сказал: «Ну, знаете. Всё объясняется тем, что многочисленные недостатки моей жены ещё не превысили некоторых её достоинств». Это я нередко цитировал своей, правда второй, жене, объясняя наше с ней долготное совместное проживание при непрерывных стычках, скандалчиках и недовольстве друг другом.

Причём светлое, я бы сказал тихое и умирительное восприятие жизни, проявлялось и на похоронах (кремации) я из Новосибирска не приезжал, а был на захоронении урны на Преображенском кладбище в Москве. Урну нёс Виктор Таргульян (друг Саши), рядом шла вдова в умеренно чёрной траурной одежде. Они

А.А. Кищинский на озере Чаны. Фото Ю.С. Равкина.

что-то вспоминали, буквально хихикая при этом. Но это не выглядело кошунством, а скорее как воспоминание о прежней весёлости, не буйной, но очень трогательной и взаимной. Для меня это всегда было особенно приятно, поскольку я никогда не пользовался избыточным уважением коллег-читателей своих «произведений». К моменту защиты докторской мнение обо мне и моих «трудах» уже достаточно чётко определилось. Одни считали, что всё это «и непонятно, и вельми похабно» (как говорил С.С. Фолитарек про мою диссертацию, цитируя анекдот про экзамен по немецкому языку в Тобольской семинарии), другие — что «здорово, но непонятно». Поэтому ожидать благополучной защиты не приходилось, учитывая, что даже мой шеф и учитель, профессор А.П. Кузякин, выслушав моё чтение реферата, сказал, что если бы он был в Совете, то выступил бы против присуждения мне искомой степени и что его, несомненно, поддержали бы. Поэтому нужны были «надёжные» оппоненты. Я остановил свой выбор на профессорах А.Г. Воронове и В.Д. Ильичёве. Обоих я знал, но не настолько, чтобы самому просить их об этом, тем более что Ю.Г. Пузаченко, несмотря на совместное проживание с ним в юннатские годы в Приокско-Террасном заповеднике, оппонировать отказался. С А.Г. Вороновым мне помог его сын Г.А. Воронов, а с

В.Д. Ильичёвым я попросил «свести» меня Саню. Он только что получил утверждение своей докторской из ВАКа, был очень доволен этим и охотно, как мне показалось, согласился мне помочь. Его просьба была удовлетворена. Вскоре Саня заболел и в эпопее с моей защитой больше не участвовал, перейдя в разряд друзей, безвременно ушедших.

В.Е. Флинт в своих воспоминаниях пишет, что отец Сани был репрессирован, и он фактически не знал своего отца, что тщательно скрывалось и им, и матерью. Я об этом ничего не слышал. Даже наоборот, врач, который лечил Саню, говорил, что рак у него наследственный, хотя настигнуть отца он (рак) мог и в лагере или на поселении. Пребывание в сих местах, не столь отдалённых, этому, как известно, способствует. Я думаю, что, скорее всего, Саня это скрывал не из-за боязни, а скорее в соответствии со склонностью не пускать в свой внутренний мир посторонних и даже друзей. Вообще, подозрительно, что сын «врага народа» был принят в Московский университет. Моей троюродной сестре в нём по этой же причине ответили, что её биография им не подходит.

Короче, в памяти моей А.А. Кищинский был и остаётся другом, ровесником, но всегда старшим, почти старшим братом, доброжелательным, напроць лишённым чувства и демонстрации превосходства, тем не менее, тщательно не пускающий в душу всех, в том числе друзей. Но главное, что преследует меня поныне и будет преследовать до конца моих дней — горькое сожаление и печаль, что его нет, как нет и замены ему.

Юрий Соломонович Равкин, доктор биологических наук

Вспоминает Виктор Семёнович Жуков, Новосибирск

Летом 1979 года А.А. Кищинский приезжал на стационар Биологического института СО АН СССР «Чаны» с переводчицей (скорее всего, из Новосибирского Академгородка) и двумя орнитологами из США: Джеймсом Бартонекком и Дэном Тимом. А.А. Кищинский звал его Дэн (видимо, он был Дэниэль). Фамилию, имя и отчество переводчицы я не помню. Со стационара «Чаны» были совершены две экскурсии.

Первая — на озеро Гольянское (около города Здвинск). На этом озере была гнездовая колония озёрной чайки, гнездились также малые

Слева направо: А.А. Кищинский, американский орнитолог Дэн Тим, К.Т. Юрлов, J.C. Bartonek, неопознанная дама. Фото сделано, видимо, в Новосибирске.

Слева направо: В.М. Чернышов, А.П. Яновский, А.И. Кошелев, Т.И. Томунова, переводчица, А.А. Кищинский, J.C. Bartonek, Дэн Тим, В.С. Жуков, и.о. зав. стационаром М.И. Курдюков. Фото сделано на территории стационара «Чаны».

чайки и некоторые утки, в частности, серая, красноголовый нырок и другие. Мы все на этом озере кольцевали птенцов озёрной чайки и обследовали гнёзда уток.

Обсуждение планов в полях. Со спины А.А. Кищинский, затем слева направо А.П. Яновский, А.И. Кошелев, Джеймс Бартонок и В.С. Жуков.

Слева направо: А.А. Кищинский, Дэн Тим и Джеймс Бартонок. Фото сделано, скорее всего, на одном из островов озера Большие Чаны.

Это мы на озере Гольянское в мае 1979 г. Слева направо: А.А. Кищинский (в белой шапочке), Джеймс Бартонок, Дэн Тим, А.П. Яновский и В.С. Жуков. На шее у Яновского и у меня — связки колец для кольцевания птенцов озёрной чайки.

Вторая экскурсия через несколько дней была совершена на оз. Большие Чаны. Эта экскурсия была с 1 или 2 ночёвками на островах озера. Обследовали колонии черноголового хохотуна, сизой и барабинской чаек. Проведён поиск и обследование гнёзд уток, в основном, серой утки. Но я на озеро Большие Чаны не ездил, т.к. повторно обследовал гнёзда птиц на оз. Гольянское.

У Бартонека есть много публикаций по гусеобразным, в том числе, на Аляске. Дэн вроде бы тоже работал на Аляске. У них была, насколько я помню, ознакомительная поездка. В основном мы им показывали гусеобразных и чаек.

Когда я был в их присутствии, то особо научных разговоров не вели, всё больше на отвлечённые темы. Они обратили внимание на то, что у нас много грачей. Сказали, что в США такого нет, т.к. там много в личном пользовании огнестрельного оружия, и каждый мальчишка при случае стреляет врановых.

Затем подсчитали, сколько стволов находится в личном пользовании у Джеймса Бартонека и у Дэна Тима. Насколько я помню, в семье Бартонека он насчитал около 15 стволов, а Дэн насчитал у себя чуть ли не 20 стволов.

Слева направо: А.А. Кищинский (фрагмент), Джеймс Бартонок, Дэн Тим, А.П. Яновский и В.С. Жуков.

А.А. Кищинский предложил американцам обмен — мы им даём грачей, а они нам — канадскую казарку. Американцы ответили, что им грачей не нужно, а если они на что-то будут менять канадскую казарку, то только по весу. Мы с улыбкой и хохотом почувствовали их коммерческую жилку. Теперь я жалею, что не поехал со всеми на озеро Большие Чаны.

Когда А.А. Кищинский находился на нашем стационаре, он участвовал в плановом 40-километровом учёте птиц с моторной лодки (на реке Чулым, заливах озера Малые Чаны и на самом озере Малые Чаны). Получилось так, что я и ещё кто-то наблюдали с биноклями за птицами, а он вёл запись встреченных птиц. Я обратил внимание, насколько красив и аккуратен у него почерк. Ещё мне понравилось, и я перенял у него одну особенность записи встреченных птиц. Если я (и все сотрудники нашей лаборатории) раньше во время учётов встречал пару каких-либо птиц, я их записывал буквой «П». А Кищинский в таких случаях записывал два значка рядом — самец и самка. Особенно получалось изящно, когда это были группы, скажем из 2-х самцов и одной самки или другие группы птиц. К примеру, если встречалась группа из 2-х самцов и одной самки, Александр

Александрович записывал её так — ставил 2 значка самцов и рядом значок самки.

В общении А.А. выделялся своей исключительной интеллигентностью.

Виктор Семёнович Жуков, кандидат биологических наук

Из воспоминаний Е.Г. Лобкова об Александре Александровиче Кищинском

Судьба отвела мне всего 6 лет для знакомства и совместной работы с Александром Александровичем Кищинским. Это были последние 6 лет его жизни. Но за эти годы Александр Александрович стал для меня другом и наставником. Он — в числе тех старших коллег, кого я с полным основанием могу называть своими научными руководителями, постоянно опекавшими меня в исследованиях и обработке материалов, шаг за шагом, по крупницам формировавшими из меня учёного-орнитолога. Причём, не ставя перед собой такую задачу специально. И я не просил их об этом. Просто воспитывали своими примерами, своими взглядами, своей манерой анализа информации, своим отношением с коллегами, своим желанием всё знать об объекте исследований, своей доброжелательной критикой, своей дружбой, наконец... Александр Александрович Кищинский среди них — едва ли не самая яркая личность.

Первая встреча

В сентябре 1971 г., окончив биофак Горьковского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, я совсем молодым (на 23-ем году жизни) приехал по распределению на Камчатку, где меня ожидала должность младшего научного сотрудника, орнитолога Кроноцкого государственного заповедника. Работа буквально захлестнула восторгом от камчатской природы, обилия орнитологических новостей и многочисленных встреч с необыкновенными людьми. Здесь, на Камчатке, в отношениях между людьми всё было не так, как в краях и областях центральных регионов СССР. В рыбацком посёлке Жупаново, где находилось управление заповедника и где нам, молодой семье (моя жена — однокурсница, энтомолог) выделили целый дом, замок на дверь многие жители вешали формально, внакидку. Или закрывали щеколду лучинкой. Это — лишь крошечный штрих к тому, как тогда жили.

Первые годы прошли в непрерывных маршрутах, знакомстве с территорией заповедника, попытках понимания местных птиц. И вот 1974 г. Февраль. Вылет в Москву с первым багажом новых для меня знаний о птицах Камчатки. Шестая Всесоюзная орнитологическая конференция в МГУ. Первый в моей жизни научный доклад (впрочем, не доклад, а небольшое секционное выступление), первые опубликованные тезисы. Секцию вёл Николай Алексеевич Гладков. Я говорил об антропогенных факторах в размещении птиц на Камчатке, о зимней авифауне заповедника, о взаимоотношениях двух видов чечёток. У меня тогда уже отчётливо сложились предпочтения к изучению вопросов биогеографии и фаунистики птиц, их систематики и взаимоотношениях близких видов и подвидов. По докладу были вопросы, комментарии. В том числе и самого Н.А. Гладкова.

А.А. Кищинского на заседании той секции я не помню. Возможно, его там не было. Тем не менее, к тому времени я знал его работы по Колымскому и Корякскому нагорьям и публикации, посвящённые животному миру (в том числе, птицам и млекопитающим) севера Дальнего Востока. Его монография «Птицы Колымского нагорья» (1968 г.) лежала у меня на рабочем столе. И не просто лежала. Благодаря этой книге я смотрел на географическую изменчивость птиц и их пространственные взаимоотношения на Северо-Востоке Азии глазами Александра Александровича. Дело в том, что так, как он трактовал подвидовую принадлежность птиц, их границы и взаимоотношения, тогда на севере Дальнего Востока не делал никто. И я мечтал, что нечто подобное сделаю по Камчатке.

Все мы, камчатцы, знали также, что А.А. Кищинский, как орнитолог, был участником известной Камчатской комплексной экспедиции Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР в 1959–1961 гг. Экспедиция круглогодично работала в Корякском нагорье в границах Камчатской области. Зоологическим отрядом экспедиции руководил Леонид Александрович Портенко. Для нас, молодых камчатских зоологов, та экспедиция и её участники были легендой. Однако, несмотря на то, что со времени окончания работы зоологического отдела экспедиции в 1961 г. прошло немало лет, результаты орнитологических исследований в полной мере опубликованы не были. В 1963 г. по итогам работ экспедиции была издана монография по млекопитающим Корякского нагорья (А.А. Кищинский — автор вместе с Л.А. Портенко и Ф.Б. Чернявским), но по птицам вышла лишь небольшая заметка самого Александра Александровича о зимней жизни птиц в Корякском нагорье (1962 г.) и

пара статей Л.А. Портенко. Какие-то орнитологические сведения мы черпали из публикаций Ф.Б. Чернявского (Магадан, Институт биологических проблем Севера). И только.

Отсутствие опубликованных орнитологических итогов крупной экспедиции интриговало. Я мысленно готовил себя к знакомству с А.А. Кищинским, надеясь в том числе на разговор об итогах экспедиции. Фантазировал о вариантах того, как такой разговор может состояться, о чём будем говорить.

Долго ждать не пришлось. Как-то заехав в Зоомузей МГУ, я разговорился с Ангелиной Михайловной Судиловской о птицах, собранных на территории Кроноцкого заповедника, которых передал и собирался ещё передавать в коллекцию музея. К разговору подключился Владимир Евгеньевич Флинт. Затем с «хоров» музея спустился Лео Суренович Степанян — он работал в то время над своей будущей монографией «Состав и распределение птиц фауны СССР». А чуть позже появился и Александр Александрович Кищинский. У него были какие-то дела, он отвлекался, уходил, с кем-то общался, но вскоре плотно присоединился к нашему разговору о Камчатке. Через пару минут я с удивлением почувствовал, что он разговаривает так, словно знает всё, чем я занимался на Камчатке все эти годы и даже, какие планы намечал. Хотя конкретно с ним до того я не разговаривал. Мы ещё официально не были знакомы. Понятно было, что ему всё было очень интересно, что он буквально впитывал информацию о Камчатке, и что он настолько понимал природу региона, что без труда просчитывал возможные и необходимые планы по её изучению. Позже я в этом убедился уже конкретно, когда он буквально постатейно из Москвы планировал мне полевые летние сезоны — куда я должен ехать, в какие сроки, кого добывать, где и что смотреть. Я не придумываю. Это было именно так. Но это будет потом.

А в этот день Александр Александрович общался со мной так, словно мы были знакомы, и даже не просто знакомы, но давно состояли в близких друзьях. Я разгорячился, готов был часами рассказывать о птицах. Для меня, совсем молодого, такое общение с коллегами, чьи имена вызывали уважение и трепет, было впервые. Это было здорово! Вместе с В. Е. Флинтом они предложили мне сделать доклад на ближайшем орнитологическом семинаре МОИП. Буквально вскоре.

Хорошо помню, что первый по повестке доклад на том семинаре был посвящён гипотезе о происхождении миграций птиц «вслед за дрейфом континентов». Докладчик был мне не знаком. Вёл семинар опять же Н.А. Гладков. Коллеги скептически комментировали идею.

Я большую часть времени говорил о белоплечем орлане и других редких видах птиц Камчатки. Вопросов было много. Н.А. Гладков даже взмолился: «Коллеги, не провоцируйте докладчика на ещё один доклад». Точку поставил Александр Александрович: «Ну, вот это — настоящий орнитологический семинар». Закончив официальную часть встречи, какое-то время не расходились и продолжили разговор в отделе орнитологии Зоомузея МГУ. Тут уж Александр Александрович и Владимир Евгеньевич «оседлали» меня по полной... Я чувствовал себя героем и первооткрывателем. Тогда я узнал, что Александр Александрович в продолжение работ Камчатской экспедиции планирует самостоятельно до-исследовать птиц в северо-восточной части Корякского нагорья (за пределами Камчатской области) и закончить обработку экспедиционных материалов.

А.А. Кищинский — один из моих настоящих научных руководителей

С тех пор, можно сказать, что мы уже не расставались с А.А. Кищинским в том, что касалось обсуждения информации о птицах. Конечно, нашему сближению помогала сама Камчатка и наш обоюдный интерес к птицам этого региона. В отношении меня — понятно, я постоянно жил и работал на Камчатке. И уже не мыслил себя вне этого региона. Но и для Александра Александровича (и это отчётливо чувствовалось в разговорах с ним) Камчатка была частью, и очень важной частью жизни, которой он дорожил. Совершенно точно, что участие в Камчатской экспедиции 1959–1961 гг. оставило в его памяти глубокий след.

Разговор о птицах лежал в основе практически всего нашего общения. Но, вспоминая наши встречи, я невольно ловлю себя на мысли о том, что было что-то ещё, что сблизило нас. Мы как-то быстро понимали друг друга, практически одинаково оценивали информацию и мнения коллег, их публикации, идеи и гипотезы. Позволю себе даже сказать, что я не чувствовал, сидя рядом с ним, что Александр Александрович — старший коллега. В разговоре о птицах и планах по их изучению он был вроде бы равный, но при этом всякий раз я уходил, набравшись идей и советов, как-будто говорил со своим научным руководителем, который щедро делился своими знаниями.

Как происходило общение? После тех первых встреч и разговоров в Москве у нас потекла оживлённая переписка. Я делился новой информацией, находками, результатами полевых исследований, а Александр Александрович комментировал их и буквально по пунктам расписывал мне в письмах задачи на очередной сезон.

Особенно активной переписка стала с того момента, когда я рассказал о планах не ограничиваться изучением птиц Кроноцкого заповедника, а расширить районы обследования на всю Камчатку, включая её континентальные районы, в том числе, Корякское нагорье, Паррапольский дол и бассейн Пенжины. Благо, тогдашнее руководство Кроноцкого заповедника, прежде всего, заместитель директора по научной работе Анатолий Тихонович Науменко (да и руководство Главохоты РСФСР, в ведении которой состоял заповедник), всячески поддерживали сравнительные исследования на сопредельных с заповедником территориях с идеей «вписать» природный комплекс заповедника в региональную экосистему Камчатки. В результате уже в 1975 году я совершил поездку в бассейн крупнейшей в регионе реки — Камчатки. А в 1976 и 1977 годах организовал исследования птиц в северных районах Камчатской области — на Паррапольском долу, в Олюторском (Корякское нагорье) и в Пенжинском районах на границе с Магаданской областью. Дальше — больше. Собраны коллекции, совершены многочисленные ави-фаунистические находки, уточнявшие границы распространения многих видов и подвидов птиц.

Итоги работ мы активно обсуждали с Александром Александровичем как в переписке, так и во время моих ежегодных (а иногда по 2 или 3 раза в год) командировок в Москву в целях обработки коллекций в Зоомузее МГУ. У нас оказались очень близкими воззрения на историю авифауны региона. Мы отлично представляли себе — какие нужны поездки в разные районы Камчатской области, какие нужны сборы птиц и откуда, в целях понимания закономерностей географической изменчивости птиц. Особенно нас волновали наиболее интересные и слабо изученные пространственные отношения между ними. По этой теме мы буквально «купались» в фактах, общаясь друг с другом. Так родилась наша совместная (А.А. Кищинский, Е.Г. Лобков) статья, которую так и назвали: «Пространственные взаимоотношения между подвидами некоторых птиц в берингийской лесотундре». Она опубликована в 1979 г. в Бюллетене МОИП. Статья была истинно совместной, но инициатива её написания и подготовка рукописи были за Александром Александровичем. Его же рисунки. Это было начало, поскольку планы совместных работ буквально громоздились один на другой. Кто же знал, что для осуществления этих планов времени у нас совсем не осталось.

Я помогал Александру Александровичу информацией, пока он работал над монографией «Птицы Корякского нагорья» (опубликована

в 1980 г.). Как-то, будучи в гостях у него дома на Новослободской, мы обсуждали видовые очерки птиц к этой монографии. И я в пылу работы бросил фразу: «Может, сделаем книгу вместе, я доработаю оставшиеся «белые пятна»? Александр Александрович, помолчав, ответил: «Знаешь, Женя, я взял бы тебя в соавторы, но, сам понимаешь, мой долг, как участника той экспедиции, самому довести дело до конца». Подготовить книгу к изданию уже после смерти Александра Александровича помогли Юрий Андреевич Исаков и Елена Михайловна Шевченко. Так что итоги работы экспедиции по орнитологии были изданы. Я часто листаю эту монографию, читаю ссылки на информацию по Парापольскому долу и вижу перед глазами самого Александра Александровича, и слышу его негромкий голос.

За 6 лет знакомства с Александром Александровичем в моём рабочем столе в Кроноцком заповеднике накопилось солидное количество писем. Как мне теперь жаль, что эта переписка не сохранилась. Письма были бы наглядным примером того, как Александр Александрович корректно, заинтересованно и настойчиво ориентировал мои исследования в нужном направлении. В начале 1990-х, уходя из заповедника на новую работу в администрацию Елизовского района Камчатской области, я оставил почти весь свой архив в столе, планируя со временем его забрать. Там были рукописи Летописей природы Кроноцкого заповедника за 20 с лишним лет и объёмная переписка с коллегами-учёными, в том числе с Александром Александровичем Кищинским, Юрием Викторовичем Авериним, Лео Суреновичем Степаняном, Владимиром Евгеньевичем Флинтон и другими. Архив уничтожили. Кому-то из работников заповедника он показался ненужным.

В этом архиве я долго хранил в качестве примера редакторскую обработку одной моей несостоявшейся статьи. Статьи-обзора по состоянию изученности на тот момент куликов Камчатки. Где-то в 1977 году я отправил её в сборник «Орнитология». Там её направили А.А. Кищинскому на отзыв. Александр Александрович переслал её мне со своей редакторской правкой. Ничего особенного не комментировал, не критиковал, просто попросил перепечатать с учётом его правки и вернуть в сборник. Это надо было видеть, что он с ней, с этой рукописью, сделал. Все очерки без исключения пестрели его почерком. По сути, он написал новую статью. Просто, доходчиво, без лишних слов и необычайно логично. Я бы сказал научно-литературно на основе моего материала. Было очевидно, что Александр Александрович, кроме прочего, обладает удивительным талантом редактора. В

последующем я убеждался в этом неоднократно. Ту статью я не стал публиковать. Было стыдно за себя, публиковать текст, написанный рукою редактора, не хотелось. Но рукопись хранил долго и несколько раз показывал её коллегам по заповеднику в качестве наглядного урока — как надо (имея в виду правку А.А. Кищинского) и как не надо писать (имея в виду мой первичный вариант). Это действительно был отличный пример профессиональной редакторской работы. Мне даже кажется, что Александру Александровичу это доставляло удовольствие.

Встречи, разговоры, а их за 6 лет, несмотря на то, что мы проживали и работали в тысячах километров один от другого, было немало. Разных. Основательных, закладывавших какие-то планы, мимолётных. Пишу эти строки, и почему-то сейчас в памяти всплыл совершенно незначительный эпизод. В нём нет ничего особенного. 1977 г. Черкассы (Украина). Седьмая Всесоюзная орнитологическая конференция. Я недавно приехал, причём только что вернулся из поездки в северные районы Камчатки. По лестнице в узком проходе между этажами мне навстречу спускаются А.А. Кищинский и В.Р. Дольник. Поравнялись. Жмём друг другу руки. В.Р. Дольник отпускает какую-то шутку.

А.А. Кищинский: Как дела? На юг съездил?

На юг это — в южные районы Корякского нагорья, где мы с наибольшей вероятностью ожидали обнаружить границы распространения некоторых субарктических видов птиц.

— Отчасти. Расскажу — удивитесь.

— Будешь до конца? Найдём время, поговорим.

Настроение в этот день было отличным.

Уважение и любовь коллег, окружающих

Александр Александрович прожил жизнь так, что все (кого я знаю из числа встречавшихся с ним людей) его любили. Я не только про уважение. Это — само собой. Его действительно все любили. В годы работы экспедиции в Корякском нагорье Александр Александрович, судя по всему, встречался с сотрудниками Института вулканологии. Я хорошо знаю многих учёных этого Института, с ними у меня сложились добрые и надёжные отношения, как с учёными-коллегами, а некоторые стали настоящими верными друзьями. Как-то случайно в разговоре, рассказывая Александру Александровичу о своих представлениях относительно возможной истории формирования авифауны Камчатки, назвал имя Ольги Александровны Брайцевой,

одной из виднейших наших геоморфологов, разрабатывавших вопросы истории формирования рельефа Камчатки. Её кандидатская диссертация была посвящена позднеплейстоценовым оледенениям Камчатки. Александр Александрович, услышав её имя, встрепенулся, тут же оставил тему нашего разговора и с улыбкой на лице буквально забросал меня вопросами о коллегах из Института вулканологии, об Ольге Александровне, в том числе. Его лицо просто светилось... Когда, годы спустя, я рассказал коллегам из Института о смерти Александра Александровича и предложил опубликовать некролог в нашем местном журнале «Вопросы географии Камчатки» (очерк написал В.Е. Флинт), их реакцию я описать могу только одним словом: шок. Для всех уход Александра Александровича был потрясением. Какой-то невероятной несправедливостью в этой жизни. Он для всех был Другом.

В 1990-х годах, работая в Кроноцком заповеднике, я неоднократно бывал в США, в частности на Аляске, работал там с американскими коллегами по разным проектам. Много лет состоял в тёплой переписке с Крисом Доу (Christian Dau), орнитологом из заповедника Айзембек (Izembek), что на Алеутских островах, бывал у него в гостях, летали вместе над заповедником на служебном гидросамолёте. Мы обменивались новостями из жизни наших семей. В одну из встреч разговорились, в том числе, о А.А. Кищинском. Крис был хорошо знаком с ним. После моих слов он замолчал, задумался, а затем произнёс: «Это был очень хороший и добрый человек». И ещё: «Знаешь, моя жена Карла, узнав о смерти Александра Александровича, заплакала...».

Я знаю коллег-орнитологов, которые называют Александра Александровича просто по имени: Саша. Уверен, они имеют на это право. Я не чувствую такого права за собой. Хотя, если честно, по итогам продолжительных и обстоятельных разговоров о птицах Камчатки, в том числе, у него дома, у меня неоднократно возникало впечатление, будто мы говорим с ним на «ТЫ». Может быть, так оно и было. Я точно не помню. Он никогда не звал меня по имени-отчеству. Я для него всегда был Женя.

Для меня Александр Александрович Кищинский — Учитель. Яркий, самобытный и какой-то особенно добрый и близкий...

*Евгений Георгиевич Лобков, доктор биологических наук, профессор
Камчатского государственного технического университета,
Заслуженный эколог Российской Федерации*

Моё первое знакомство с Александром Александровичем Кищинским

К сожалению, я мало что могу рассказать о встречах с А.А. Кищинским. В совместных экспедициях мы не были, по работе не встречались, поскольку работали в разных организациях — он в ИЭМЭЖ АН СССР, а я тогда на кафедре зоологии позвоночных биофака МГУ. По линии Орнитологического комитета СССР, куда меня в качестве учёного секретаря в 1979 г. «сосватал» В.М. Галушин, пересечений тоже было немного: Александр Александрович рано ушёл из жизни, а моя активная работа в ОК СССР тогда только начиналась.

Но в памяти осталось мое первое знакомство с А.А. Кищинским, о чём я и хочу рассказать. Произошло это в октябре 1976 г., когда Александр Александрович стал официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации. Диссертация была о колониальности чайковых птиц, и первоначально я, ничтоже сумнешеся, лелеял надежду видеть оппонентами аж самих Юрия Андреевича Исакова и Бориса Карловича Штегмана, как специалистов по чайковым птицами, способных по достоинству оценить мой «эпохальный труд». Но Юрий Андреевич отказался — скорее всего потому, что ничего про меня, аспиранта В.А. Зубакина, тогда не знал, и впечатления обо мне не составил. А Бориса Карловича отсоветовал приглашать в качестве оппонента Рюрик Львович Бёме, с которым я советовался по этому поводу ещё за год до защиты (ко времени защиты Б.К. Штегман уже скончался).

Сейчас точно не помню, но, кажется, Р.Л. Бёме и предложил в качестве оппонента кандидатуру Александра Александровича Кищинского. Возможно, однако, автором этого предложения был и Владимир Евгеньевич Флинт — тогда мы уже были немного знакомы, поскольку в период поступления в аспирантуру у меня первоначально существовало намерение взять в качестве темы диссертации изучение экологии и поведения розовой чайки, и мы с В.Е. Флинтом обсуждали его возможность стать научным руководителем этой работы (по ряду причин задуманное не удалось). Возражений против кандидатуры А.А. Кищинского у меня, разумеется, не было. Хотя я не был с ним лично знаком, но знал его по публикациям — в частности, знал и цитировал его статью 1960 года по чайковым птицам лиманов Таманского полуострова. Статья эта понравилась мне тем, что автор использовал чёткие количественные показатели плотности

гнездования, что выгодно отличало его работу от многих других отечественных статей, затрагивавших тему колониальных птиц.

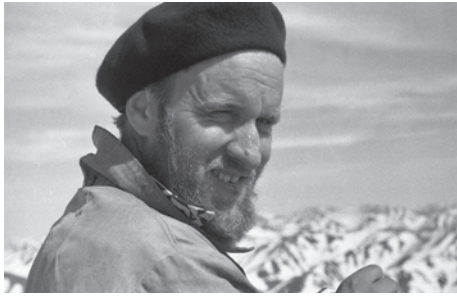
К концу аспирантуры у меня уже сложилось представление о механизме защиты диссертации, как процедуре во многом формальной; появилось понимание того, что оппоненты, по недостатку времени, нередко ограничиваются чтением (а иногда только просмотром) автореферата, а из диссертации берут данные по количеству страниц, числу процитированных работ в списке литературы и тому подобные необходимые формальные сведения. Однако, читая перед защитой переданный мне отзыв А.А. Кищинского, я, вопреки этим представлениям, вдруг осознал, что оппонент внимательно прочитал саму диссертацию. И не просто прочитал, а, что называется, проштудировал. Понял стержневую идею, которую мне самому не всегда удавалось внятно формулировать. Остановился на сильных сторонах работы — тех, которые и на мой взгляд были таковыми. Указал на слабые места — те самые, в которых мне самому чувствовалась слабость. И в заключение, выступая на защите, рекомендовал диссертацию к публикации. Рекомендации этой я, увы, не последовал, о чём до сих пор жалею.

Мне как-то до недавнего времени не приходило в голову, но, возможно, именно пример А.А. Кищинского стал причиной того, что, когда мне пришлось самому выступать в качестве оппонента на защитах диссертаций, я стремился не подходить к оппонированию формально и, в частности, всегда внимательнейшим образом прочитывал диссертацию. Так что я благодарен Александру Александровичу Кищинскому не только за высокую оценку моей диссертации, но ещё и за то, что он своим примером показал, каким должен быть оппонент диссертации.

Виктор Анатольевич Зубакин, кандидат биологических наук

Корякское нагорье, 1976 год

Знакомство с А.А. Кищинским у меня было недолгим, но очень ярким, и запомнилось на всю жизнь. Я сейчас уже не помню, кто из преподавателей кафедры зоологии позвоночных биофака МГУ рекомендовал нас, двух студентов 4-го курса, для участия в экспедиции на Чукотку, которую организовывал А. Кищинский. Было это в далёком 1976 году, и состав участников был замечательным — сам Сан Саныч,

А.А. Кицинский, П.С. Томкович, В.Е. Флинт, Н.В. Вронский, В.В. Чернов, Е.А. Кузнецов (все фотографии здесь и далее Н.В. Вронского)

профессор Владимир Евгеньевич Флинт, сотрудники Центра кольцевания Павел Томкович и Никита Вронский и примкнувшие к ним два студента — Володя Чернов и я, Евгений Кузнецов. Для нас, студентов, это была первая настоящая экспедиция, в которой надо было собрать материал для наших курсовых работ.

Летели мы на самолёте ИЛ-18 с плановой посадкой в Амдерме и внеплановой на Мысе Шмидта, где мы провели сутки, т.к. Анадырь не принимал, что было нормой для тех мест. Хотя был июнь, но на

Чукотке это была ещё ранняя весна, Анадырский лиман был покрыт льдом, и попасть в город можно было или на вертолёте, который тоже не летал, или пешком по льду 5 км. Именно этот способ выбрал Сан Саныч, чтобы попасть в «первый» отдел в Анадыре и забрать топографические карты пятикилометровки с грифом ДСП, которые были присланы из Москвы спецпочтой, и которые сейчас можно свободно скачать в Интернете. Через некоторое время мы всё-таки погрузились в вертолёт Ми-8, который выбросил нас в центре Корякского нагорья. План был такой. Когда вскроются реки, мы сплавимся по ним на трёх 3-хместных байдарках «Салют-3» в Берингово море, откуда вертолётном вернёмся в Анадырь. План был простой, горных порожистых рек на нашем пути не было, так же, как и не было ни одного населённого пункта, не считая пос. Хатырка на берегу Берингова моря в устье одноимённой реки, и ничто не предвещало никаких неожиданностей. Получилось не так, но об этом потом. Место, где был разбит первый лагерь, было отличным. Высокий берег реки Ольховой, вокруг горы с тропами снежного барана, кедровый стланик, сухая тундра, озеро рядом... В задачи экспедиции входило собрать материалы по фауне птиц этого плохо изученного региона (все участники), собрать коллекцию тушек птиц для Зоологического музея (ответственный Сан Саныч, но обдирали птиц и набивали тушки практически все участники), окольцевать разных куликов и других птиц (отв. П. Томкович), собрать материалы для курсовых работ: В. Чернова по биологии чечёток и Е. Кузнецова по питанию водоплавающих птиц. Сразу скажу, что материалы этой экспедиции вошли в монографию А.А. Кишинского «Птицы Корякского нагорья» (М., Наука, 1980, 336 с.).

Коллектив подобрался очень хороший — все занимались общим делом, но у каждого были и свои задачи. А у профессора Флинта была ещё и мечта — найти кладку большого песочника. Он с Пашей Томковичем исходил все окрестности в поисках гнезда. Больших песочников было много, но никто не знал где искать гнездо. Гнездо случайно нашёл Сан Саныч, чем, конечно, огорчил Владимира Евгеньевича, который сам выдул яйца, уложил их в круглую металлическую коробочку и всё время носил её в грудном кармане своей полевой куртки. Что было правильно, как показало время. Почему такой интерес именно к гнезду этого вида? Дело в том, что, как пишет Сан Саныч в своей монографии: «13 июня нам — впервые после находки Й. Курина в 1917 г. (Schaanning, 1954) — удалось обнаружить гнездо с кладкой. Оно располагалось на пологом каменистом склоне

Гнездо большого песочника

В.Е. Флинт за выдуванием яиц большого песочника

А.А. Кицинский за изготовлением тушки

(600 м над ур. м.) чуть ниже плоской вершины горы». Кто бы мог подумать, что гнездо кулика надо искать высоко в горах!

Любимым приветствием Сан Саныча в адрес возвращающихся с экскурсий членов команды были слова: «Ну, кого вы сегодня забубенили». «Бубенили» и ловили мы разных птиц, а потом садились делать тушки, которые складывали в фанерные плоские коробки и в открытом виде убирали в палатку. Но однажды в палатку пробрался

*К сожалению, разбитая выстрелом, но всё же сохранённая для науки самка китайской зеленушки (*Chloris sinica*), добытая далеко к северу от естественного ареала: Чукотка, Коржукское нагорье, 23 июня 1976 г. Судя по всему, до сих пор это единственная регистрация вида в регионе. Фото П.А. Смирнова.*

«вредитель» — американский длиннохвостый суслик, которых было много вокруг, и попортил некоторое количество тушек. Пришлось их восстанавливать.

Мне иногда приходится писать про себя, но на самом деле, это всё про Сан Саныча. Итак, сижу я как-то на берегу озера и наблюдаю за своим объектом — утками. Мимо идут Флинт и Томкович, которые в очередной раз отправились на поиски гнезда большого песочника. Незадолго до их появления я слышал песню зеленушки, о чём и сказал коллегам. На что было сказано, что мне показалось. Но я решил проверить и пошёл в ту сторону, где слышал песню. Это были густые кедровые стланики. Вдруг из куста вылетает птичка и ныряет в другой куст. Когда она вылетела второй раз, я выстрелил практически навскидку, и птичка упала. Зрелище было жалкое, т.к. расстояние до неё при выстреле было маленькое — пол головы нет, пол брюшка нет. Вроде, зеленушка. «Выкинуть что ли?» — подумал я. Но долг взял верх — я скрутил бумажный кулёк, как нас учил Сан Саныч, обильно присыпал раны крахмалом, завернул в вату и пошёл в лагерь. На вопрос, кого я сегодня забубенил, я с виноватым видом отдал трофей Сан Санычу. Реакция меня поразила. «Пол царства за целый экземпляр!» — буквально вскричал Сан Саныч. Это была китайская зеленушка. В этом был весь Сан Саныч — непосредственный, увлечённый, весёлый человек, который радовался жизни и любил

Разгрузка байдарки через бурный поток

смеяться. Из этого разбитого экземпляра он всё-таки сделал тушку. Надо сказать, что я ещё раз встретил зеленушку, но промахнулся. И, что странно, никто кроме меня их больше не видел и не слышал.

Наконец, вскрылась речка Ольховая, достаточно быстрая и очень мелководная, с галечными перекатами, которая больше соответствовала бы названию Галечная. Тем более, что никаких зарослей ольхи нигде не наблюдалось. Пора было сворачивать лагерь и сплавляться вниз. На флагманской байдарке должны были плыть Сан Саныч и Флинт с коллекцией птиц, картами, деньгами и частью продуктов, затем сотрудники в лице Вронского и Томковича, а замыкать кильватерную группу должны были студенты — Чернов и я. Байдарки были загружены по самое некуда. Оставалось сантиметров 5 до верха борта. Я не буду описывать конструкцию байдарки «Салют 3». Скажу только, что она сборная брезентовая с прорезиненным дном, металлическим каркасом и деревянной килевой фермой (кильсоном), состоящей из двух продольных деревянных «брусьев» и поперечных планок. Весла обычные двухлопастные из дюралюминия. Я пишу об этом, т.к. это важно для понимания дальнейшего.

Наконец, настал день, когда нам надо было трогаться в путь. Лагерь свёрнут, всё погружено в байдарки. Первым отчаливает флагманское судно. В носовой части Флинт, в кормовой — Кищинский.

Сушка содержимого флагманской байдарки

Впереди речка раздваивается, и корабль уходит в правую протоку, сразу садится на мель, байдарку начинает разворачивать, Флинт упирается веслом в дно, весло ломается, судно окончательно садится на мель, все покидают корабль. Конец первого акта.

Ещё не зная всех деталей, вторыми уходят в плавание студенты, т.е. я и Володя. Протоку выбираем правильную, но посреди неё большой камень, через который бурно хлещет вода. Байдарку протаскивает по этому камню, кильсон трещит. Дальше речка тоже раздваивается, и нас несёт на галечную косу острова. Попытка обойти островок ни к чему не приводит, т.к. байдарка не слушается вёсел, и нас выносит на косу. Все опять покидают корабль. Конец второго акта.

Третьими отчаливают Вронский и Томкович. Их сразу разворачивает кормой вперед и несёт в нашу сторону. Мы бросаемся в воду, ловим за борт байдарку и притыкаем её к берегу, на котором наши командиры уже разгружают свой корабль. Конец третьего акта.

А наша байдарка осталась на островке, и нам пришлось несколько раз переходить достаточно быструю протоку по колено и выше в воде, чтобы перенести все вещи и байдарку на тот берег, где все уже разгрузили свои корабли. Увидев все повреждения, все умерли со смеху. Это надо же было умудриться за 5 минут потерять целый флот! Ещё смешнее было видеть все деньги, карты, блокноты,

Паша Томкович за заклеивкой дыр на своей байдарке

коробки с тушками, продукты и другие вещи, разложенными на берегу для просушки. При этом каждая купюра лежала на отдельном камне и была придавлена камешком. Все смеялись, но было над чем подумать — раций нет, и посёлков на сотни километров тоже.

Итак, новый лагерь мы разбили в 100 м от старого, и провели в нём неделю. Первым делом надо было решить, что делать дальше. Изучение повреждений кораблей показало, что на флагманском корабле сломано весло, обшивка днища разрезана в виде буквы «п» шириной 30 см и длиной в метр, кильсон сломан. У студентов одна сторона кильсона в щепки и несколько дыр в обшивке. Легче всех отделались сотрудники ЦК, кажется, всего 17 мелких потёртостей и дырок в обшивке. Хотя, если бы их байдарку мы не поймали, когда она с ними неслись мимо нас задом-наперёд под береговой ледяной навес, неизвестно чем бы все закончилось... На совете начальство решило, что плавсредств больше нет, и единственный выход — как-то добираться кому-то километров 200 до пос. Хатырка в устье одноимённой реки и вызывать вертолёт.

К счастью, у нас был резиновый клей, резина для заплаток и 1 доска, которую прихватили в Анадыре, а также паранормальные (в смысле пара нормальных) студенты, у которых работала инженерная мысль. Из двух сломанных кильсонов и доски сделали новый кильсон

Чавыча на фоне студента Чернова и профессора Флинта

в байдарку студентов. Дырки заклеили. Для флагманской байдарки сделали кильсон из двух запасных вёсел и сверху постелили два надутых резиновых матраца, разрез зашили и наложили заплатки в виде длинных полос в форме буквы «п». Паша и Никита сами заклеили все дырки на своей байдарке. Испытания показали, что все суда на плаву, не протекают, и впоследствии они прошли весь маршрут без приключений. В посёлке Хатырка Сан Саныч собирался флагманскую байдарку выкинуть, но стало жалко, и её тоже забрали с собой в Москву.

Об этом кораблекрушении нам всю дорогу напоминал ящик

со слипшимися макаронами, которые, чтобы сварить, нам приходилось отрывать по 1 макаронине от брикета и продувать её, т.к. внутри пыльным цветом росла мохнатая плесень. Поэтому корабельная шутка о продувке макарон для нас оказалась совсем не шуткой, а суровой реальностью. И ещё одно напоминание о неплановом купании дало о себе знать на стоянке местного рыбака перед пос. Хатырка. Он подарил нам икряную чавычу. Икру мы посолили и предвкушали бутерброды с маслом и последней буханкой белого хлеба, которую мы везли с самого начала. Но она внутри оказалась вся плесневой, и нам пришлось есть крупную красную икру ложками и без хлеба.

Но до этого момента нам надо было ещё спуститься на отремонтированных байдарках по нескольким речкам в Берингово море. Наученные горьким опытом, примерно 20 км мы шли с байдарками бечевой. Кто заканчивал биофак МГУ и был на практике в Звенигороде, знает, что это такое. Так продолжалось до тех пор, пока речки не стали спокойнее и глубже. Даже тогда в байдарки сели сначала по 1 человеку, а остальные шли пешком. Я не видел как, но Сан Саныч умудрился совершить оверкиль, и опять пострадали наши коллекции тушек птиц, и их опять пришлось сушить.

Этот эпизод, пожалуй, был последним из наиболее примечательных и связанных именно с Сан Санычем. Были и другие, но они

Сплав байдарок бечевой

уже к нему отношения не имели. На берегу моря были птичьи базары, и Сан Саныч собирался взять для морфологических исследований несколько голов толстоклювых кайр. Он попросил меня застрелить нескольких птиц, и я ходил вдоль базара, выискивая нужных кайр. Получалось довольно медленно. Подошёл Сан Саныч и сказал, что надо не так. Прицелился и одним выстрелом убил сразу несколько нужных ему птиц. Ружьё Сан Саныча было примечательное. Модель и калибр его одностволки я не помню, кажется курковка с длинным стволом, наверное, 78 см, а не 72 или 73 см, как у большинства ружей. Примечательным было то, что он использовал ствол ружья как перекладину, которую клал на рогульки при кипячении чая на костре. Не знаю, что было бы со стволом моей одностволки Иж-17, а с его ружьём ничего не происходило. У замечательных людей и ружья замечательные!

Наша экспедиция благополучно закончилась на берегу Баренцева моря. Уже в Москве Сан Саныч сказал нам — студентам: «Вы только не рассказывайте на кафедре о наших приключениях. А то со мной студентов больше не отпустят в экспедиции». Мы наверняка всё рассказали на кафедре, но разве могут такие мелочи напугать полевых зоологов, каким был Александр Александрович Кищинский, и какими мы хотели быть похожими на него после окончания университета.

Флагманское судно в надёжных руках (В.Е. Флинт и А.А. Кищинский)

***

Много воды утекло с тех пор. Я был в разных экспедициях, но впечатления от самой первой остались на всю жизнь. Что-то могло забыться, но мне кажется, что всё было так, как я написал, может быть не совсем так, или даже совсем не так...

Главное, что невозможно забыть весёлую улыбку и хитрый прищур Сан Саныча Кищинского.

Евгений Алексеевич Кузнецов, кандидат биологических наук

Воспоминания о А.А. Кищинском

Начало 1970-х годов было временем кратковременного потепления в советско-американских отношениях и сотрудничества в разных сферах от космоса (Союз — Аполлон) до совместных орнитологических проектов, координатором которых был Александр Александрович. Будучи одним из редакторов серии выпусков «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Евразии», он непосредственно координировал пилотный проект по мечению лебедей пластиковыми ошейниками по методике Уильяма Слейдена, профессора университета Джона Хопкинса. Когда в ноябре 1973 года в Москву на

Ю.В. Костин с первым в Крыму окольцованным пластиковым ошейником лебедем-шипуну. Крым, «Лебяжьи острова», причал, 1974 г. Фото А.А. Кищинского.

переговоры по вопросу реализации проекта мечения лебедей в СССР должен был прилететь У. Слейден, А.А. Кищинский организовал командировку Ю.В. Костина (у которого уже был 15-летний опыт кольцевания лебедей в Каркинитском заливе) в столицу. Переговоры проходили в Центре кольцевания, и один из первых вопросов гостя касался метода отлова и стоимости поимки лебедя. Он пояснил, что в Америке это очень трудоёмкий и затратный процесс, а за сезон удаётся пометить малую долю от желаемого количества особей. Ответ Ю.В. Костина в переводе А.А. Кищинского его обескуражил своей лаконичностью — «ловим рукой за ногу с катера линияющих и потому нелётных птиц»; «... в стоимость отлова входит зарплата штатных

сотрудников, их суточные (3 человека) и стоимость ГСМ; волонтеры из числа энтузиастов помогают из-за спортивного интереса»; «за сезон метим 400–900 птиц».

В результате летом 1974 года они встретились в Крыму на «Лебяжьих островах», и началась многолетняя работа по изучению популяционной структуры и миграционного распределения лебедя-шипуна не только в Азово-Черноморском регионе, но и в целом в СССР. А.А. Кищинский прилетел с У. Слейденом и переводчиком (которого все звали Богдан, и не иначе). Правда, Александру Александровичу задержаться и участвовать в кольцевании не дал насыщенный график других организационных и собственных полевых работ, и через три дня он улетел в Москву, оставив профессора с переводчиком группе Ю.В. Костина. Через 1,5 недели они улетели домой, а в 1975 г. У. Слейден с переводчиком уже приехали на 3 недели.

На этом фоне шла подготовка ратификации в СССР Рамсарской конвенции, которая была подписана в 1975 г. В это же году на Ле-

Кольцевание лебедей. Крым, «Лебяжьи острова», причал, 1974 г. Первая группа участников кольцевания лебедей-шипунов пластиковыми ошейниками. Слева направо: В.В. Золотоверх, Н.А. Тарина, Ю.В. Костин, П.А. Демьяненко, В.К. Шепелев, А.А. Ищенко. Фото Уильяма (Билла) Слейдена

Кольцевание лебедей. Крым, «Лебяжьи острова», 1974 г. В.К. Шепелев демонстрирует метод — подъем лебедя на борт «рукой за ногу». Фото Ю.В. Костина

бьяжьи острова (Портовое) по рекомендации У. Слейдена приехал Джеффри Метьюз — директор Международного бюро по изучению водоплавающих птиц, которого сопровождал А.А. Кищинский. В ре-

Кольцевание лебедей. Крым, «Лебяжьи острова», причал, 1974 г. Обследование лебедя — поиск эктопаразитов. Слева направо: В.К. Шепелев, У. Слейден, Н.А. Тарина, В.В. Золотоверх, переводчик Богдан. Фото Ю.В. Костина

Кольцевание лебедей. Крым, «Лебяжьи острова», причал, 1974 г. Обследование лебедя — забор крови. Слева направо: В. Слейден, Н.А. Тарина. Фото Ю.В. Костина

Кольцевание лебедей на причале, «Лебяжьи острова», Крым, 1975 г. Надевание колец. Слева направо: Н.А. Мисюк, С.Ю. Костин. Фото Ю.В. Костина

Кольцевание лебедей, «Лебяжьи острова», Крым, 1975 г. Ловец С.Ю. Костин на носу катера во время преследования лебедей. Фото Ю.В. Костина

в результате трёхдневных экскурсий по заповедной территории было принято решение провести очередное заседание Исполнительного Совета Международного бюро по изучению водоплавающих птиц в Крыму.

Кольцевание лебедей на причале, «Лебяжьи острова», Крым, 1975 г. Надевание колец. Слева направо: С.Ю. Костин, А.А. Ищенко, Н.А. Тарина, Н.А. Мисюк.

Фото Ю.В. Костина

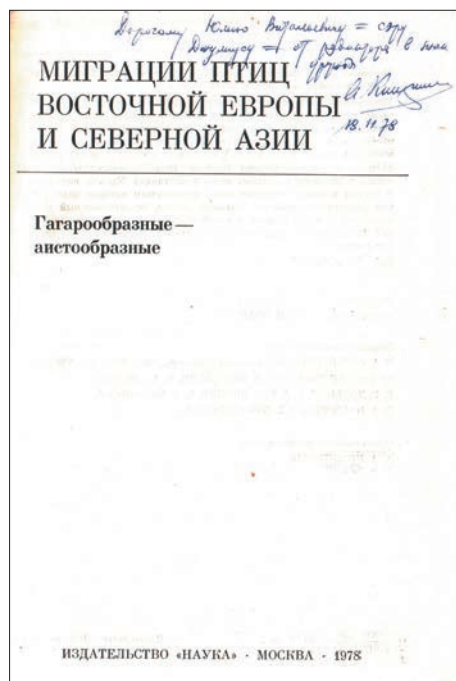
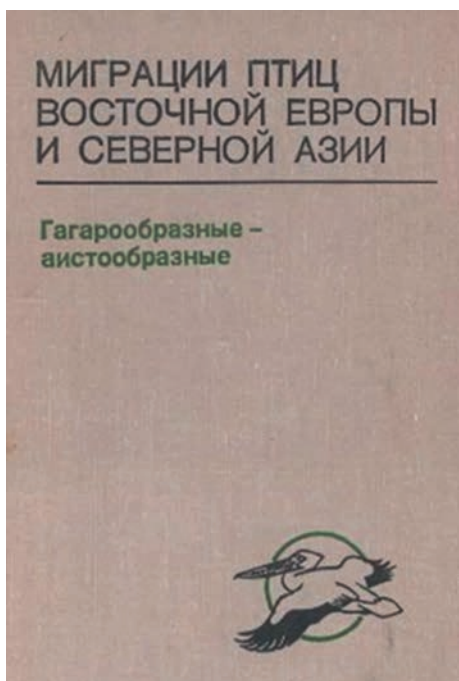

А.А. Кищинский беседует с Уильямом Слейденом

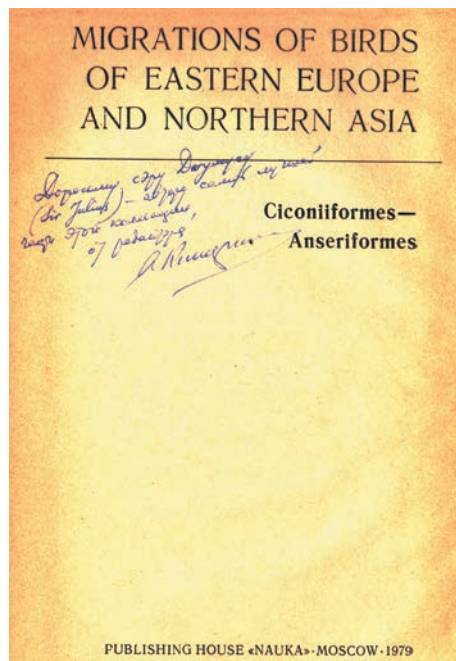
Моё личное знакомство с А.А. Кищинским произошло осенью 1976 года в Алуште, где на базе Крымского заповедно-охотничьего хозяйства (КГЗОХ) проходило XXII заседание Исполнительного Совета Международного бюро по изучению водоплавающих птиц. Одним из организаторов этого симпозиума был

мой отец — Юлий Витальевич Костин, старший научный сотрудник КГЗОХ. Будучи орнитологом, за двадцать лет активной работы он стал выдающимся исследователем фауны Крыма, деятелем охраны природы и заповедного дела. Выполняя различные поручения отца и оказывая помощь членам Оргкомитета, я в свои 16 лет имел возможность познакомиться с выдающимися орнитологами Советского Союза.

Но особенно мне запомнился вечер, на который к нам домой были приглашены Андрей Григорьевич Банников, Юрий Андреевич Исаков, Владимир Евгеньевич Флинт, Александр Александрович Кищинский, Ардалион Алексеевич Винокуров, Геннадий Андреевич

Факсимиле А.А. Кищинского на титуле тома «Гагарообразные — аистообразные»

Факсимиле А.А. Кищинского на титуле тома «Аистообразные — пластинчатоклювые»

Кривоносов. Основными темами дружеского общения собравшихся были обсуждения хода симпозиумов, перспективы исследований на 12 Рамсарских угодьях СССР (куда вошли и Лебязьи острова — филиал КГЗОХ), получивших в 1975 году официальный статус угодий международного значения. Говорили о необходимости подготовки и выпуска нового многотомного издания «Птицы СССР», продолжении томов серии «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Евразии». Много из того, что планировали собравшиеся, было реализовано в будущем. К примеру, два тома «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Евразии»: Гагарообразные — аистообразные (1978) и Аистообразные — пластинчатоклювые (1979), ответственным редактором которых был А.А. Кищинский.

Этот вечер был отмечен и неким курьёзом, который случился с Александром Александровичем. Уже около полуночи, когда корифеи уехали в гостиницу, А.А. Кищинский поинтересовался, можно ли посмотреть в хранилище КГЗОХ тушку желтозобика (куличка, обитающего на Аляске и Таймыре), добытого в Портовом в 1973 году. Хранилище находилось в конторе в 300 м от дома, а у отца были ключи, и они направились «проверить правильность определения» экземпляра. Прошло около часа, и, вернувшись домой, папа стал спрашивать ожидавших его А.А. Винокурова и Г.А. Кривоносова, куда делся Сан Саныч. Никто не мог знать, что А.А. Кищинский пошёл в гостиницу и, не зная город, но зная направление, благополучно добрался к себе в номер и утром уже встретился с участниками конференции. Много позже, в 1983 году, вспоминая этот случай дома у В.Е. Флинта в период подготовки мной цветных таблиц в сводку «Птицы СССР», он отметил, что Сан Саныч отличался удивительной способностью находить месторасположение лагеря или базы в условиях тундры, в непогоду, сумерках и прочих экстремальных условиях. И вообще, заключил Владимир Евгеньевич, он был гений! Окончив школу с золотой медалью в 14 лет, он уже составил полный каталог птиц СССР. Поступил в университет в 16 лет, отличался феноменальной работоспособностью, а свободное владение английским языком позволяло ему обрабатывать в подлиннике самые передовые иностранные издания.

Участники форума в Алуште подвели итоги и наметили перспективы дальнейших исследований водно-болотных птиц Евразии, и Александр Александрович выступил здесь как идейный вдохновитель и прекрасный организатор в разработке миграционного, зоогеографического, фауно-исторического направлений.

В программе форума был запланирован выезд участников в филиал КГЗОХ «Лебяжьих острова». Два автобуса желающих ознакомиться с Рамсарскими угодьями в Крыму поселили в гостиницу районного центра в пос. Раздольное с говорящим названием «Белый лебедь», кордон филиала и оборудованные специально для экскурсантов смотровые площадки находились на берегу у с. Портовое в 10 км от райцентра. В вечер приезда Ю.В. Костин на кордоне организовал дружеский ужин с участием В.Е. Флинта, А.А. Винокурова, Г.А. Кривоносова, Т.Б. Ардамацкой, Н.Н. Скоковой, В.И. Лысенко. А.А. Кищинский и У. Слейден присоединились к застолью позже, добравшись на такси, что было не просто в глухой провинции после окончания курортного сезона. У. Слейден, будучи на конференции, не мог оставаться на ночлег на кордоне (требование контролирующих органов), и его сопроводили в Раздольное после посиделок А.А. Кищинский и А.А. Винокуров, а «уставшие» гости устраивались на ночлег на кордоне и в помещениях пионерского лагеря, который находился через две улицы от филиала заповедника.

Сергей Юльевич Костин, кандидат биологических наук

Тёплые воспоминания об изучении птиц Монголии совместно с доктором А.А. Кищинским

Согласно программе Института общей и экспериментальной биологии АН МНР на 1975–1980 гг. участники орнитологического отряда совместной Монголо–Советской биологической экспедиции начали свои исследования с Алтайского горного района.

В совместных орнитологических экспедициях под научным руководством профессоров В.Д. Ильичёва и О. Шагдарсурэна участвовали с советской стороны Л.С. Степанян (1975, 1978), Б.Н. Гуров (1975), В.М. Чумаков (1975, 1976), В.А. Остапенко (1976, 1977, 1981), В.М. Гаврилов (1976), В.Е. Фомин (1977–1983), В.П. Андреев (1977, 1978), А.А. Кищинский (1978–1980), Б.М. Звонов (1987, 1988), М.И. Головушкин (1981) и с монгольской стороны А. Болд (1975–1983), Н. Цэвээнмядаг (1975–1983, 1987, 1988), Л. Чулуунбаатар (1977, 1978), Д. Батдэлгэр (1981, 1988), Ш. Болдбаатар (1981, 1987, 1988), студенты МоГУ Б. Дэмбэрэл (1978), Б. Наранцэцэг (1977) и Ш. Баатарцогт (1981).

В орнитологических исследованиях в рамках экспедиции принимали участие ведущие орнитологи России и Монголии. Среди

них в первую очередь необходимо назвать академика О. Шагдарсурэна, А.А. Кищинского, Л.С. Степаняна, В.Е. Фомина и А. Болда. В настоящее время орнитологические исследования продолжают их ученики Ш. Болдбаатар, Н. Цэвээнмядаг, Г. Майнжаргал, С. Гомбобаатар и другие...

За эти годы участники совместной экспедиции охватили обследованиями почти всю территорию страны. Детально исследованы водные и околородные птицы по всем крупным озёрам, птицы высокогорий Монгольского и Гобийского Алтая, пустынь и полупустынь Заалтайской Гоби, лесных и таёжных районов Хангая, Хэнтэя и Прихубсуля, отчасти западных отрогов Большого Хингана. Собрана коллекция из более чем 4 тысячи экземпляров 289 видов птиц. Окольцованы более 500 птиц. Взяты вирусологические пробы от 2173 птиц. Для многих видов установлены границы ареалов, выявлены новые их местонахождения, характер и направления миграционных путей, изучены орнитокомплексы разных географических зон. Даны оценки ресурсам оседлых и перелётных промысловых птиц, разработаны рекомендации по их рациональному использованию. Составлен список и определено современное состояние редких и исчезающих видов птиц Монголии. Даны рекомендации по охране и сохранению мест обитания. По результатам экспедиции её участниками написана «Красная книга МНР» (1987), опубликовано много статей, представлены доклады на конференциях и совещаниях.

Доктор А.А. Кищинский в 1978–1980 годах самым активным образом участвовал в экспедициях по следующим перечисленным ниже маршрутам.

В 1978 году в составе орнитологического отряда Монголо-Советской совместной биологической экспедиции работали кандидат наук В.Е. Фомин (начальник отряда, 12.VI–21.IX), доктор наук А.А. Кищинский (12.VI–21.IX), доктор наук Л.С. Степанян (12.VI–1.VIII), кандидат наук В.П. Андреев (1.VII–21.IX), кандидат наук А. Болд (12.VI–21.IX), Б. Демберел (студент, 12.VI–21.IX), В.В. Новиков (водитель, 12.VI–21.IX), лаборант Н. Цэвээнмядаг (1.VIII–21.IX), младший научный сотрудник Л. Чулуунбаатар (12–16.VI). Отряд двигался на автомашине ГАЗ-53 по следующему маршруту:

Город (далее г.) Уланбатор — река (далее р.) Туул гол (12.VI), Уубулан на р. Туул гол (13–16.VI), Уубулан — Мурэн сомон, Хентий аймак — г. Ундерхан — Норовлин сомон (17–19.VI), гора Далт уул на реке Улз (20–24.VI), от Далт уул — Баян-Уул сомон — оз. Хавчиргана, Гурванзагал сомон (25.VI), оз. Хавчиргана — оз. Яхь (26–30.VI), оз.

Яхь — г. Чойбалсан — оз. Буйр (1–2.VII), оз. Буйр (3–5.VII), оз. Буйр — госхоз Сумбэр на берегу р. Халх гол — р. Нумруг (6–7.VII), р. Нумруг (7–9.VII), р. Нумруг — р. Азрага — оз. Ташигайн таван нуур (10.VII), оз. Ташигайн таван нуур (10–14.VII), оз. Ташигайн таван нуур — оз. Баян бурд нуур — Тамсаг булаг — оз. Сангийн далай — оз. Лаг (14–17.VII), гора Хухэйдэй (18.VII), гора Хухэйдэй — г. Баруун-Урт, аймак Сухэбатор — г. Сайншианд, аймак Дорноговь — оз. Лули Хубсугул сомон — оз. Бурд (19–24.VII), Галбын Гоби — г. Даланзадгад, аймак Умнеговь (25.VII), горы Зуун Гурвансайхан (29.VII — 4.VIII), горы Зуун Гурвансайхан — Баяндалай сомон — Гурвантэс сомон — горы Тост (5–6.VIII), горы Тост (7–8.VIII), горы Тост — оазис Эхийн гол (7–8.VIII), оазис Эхийн гол (10–15.VIII), оазис Эхийн гол — горы Цагаан богд (16.VIII), горы Цагаан богд (16–17.VIII), горы Цагаан богд — оазис Эхийн гол — оазис Шар хулстын булаг — горы Эдрэнгийн нуруу — оазис Зарман — оазис Захуй (18–21.VIII), оазис Захуй (22.VIII), оазис Захуй — гора Хайчийн хар — оз. Алаг нуур — Бугат сомон — перевал Хох даваа — р. Улиастай гол — перевал Бугатын даваа — бригада Алтан соёмбо — Алтай сомон — Уенч сомон — Баруун хуурай Гоби — ущелье Уенч (23–26.VIII), ущелье Уенч (27.VIII), р. Уенч гол — перевал Улан даваа — оз. Давст (28.VIII), оз. Давст (29–30.VIII), оз. Давст — оз. Хар ус, аймак Ховд (31.VIII), оз. Хар ус (1–12.IX), от оз. Хар ус — Тайшир сомон, аймак Говь-Алтай — Хурээмарал сомон, аймак Баянхонгор — г. Баянхонгор — г. Арвайхээр, аймак Уверхангай — оз. Угий — р. Туул — г. Уланбатор (13–21.IX).

В 1979 году в составе орнитологического отряда Монголо-Советской совместной биологической экспедиции трудились кандидат наук В.Е. Фомин (начальник отряда, 26.VI–26.IX), доктор наук А.А. Кищинский (6.VII–23.IX), В.И. Морозов (26.VI–26.IX), кандидат наук А. Болд (26.VI–26.IX), В.В. Новиков (водитель, 26.VI–26.IX), младший научный сотрудник Н. Цэвээнмядаг (26.VI–26.IX). Отряд двигался на автомашине ГАЗ-66 по следующему маршруту:

г. Уланбатор — оз. Угий — г. Цэцэрлэг, аймак Архангай — р. Урд Тамир (26–28.VI) — на р. Урд Тамир (29.VI–9.VII), от р. Урд Тамир — г. Баянхонгор — г. Алтай — Шаргын Гоби — Манхан сомон, аймак Ховд — оз. Хух на горе Мунххайрхан (10–14.VII), оз. Хух (15–19.VI), от оз. Хух — оз. Борт — перевал Хух хутэл — р. Хужирт (20–21.VII), р. Хужирт (21–25.VII), от р. Хужирт — Булган сомон, аймак Баян-Улгий — р. Борго (26.VII), р. Борго (27–30.VII), от р. Борго — перевал Улан даваа — г. Ховд — оз. Толбо (31.VII–2.VIII), оз. Толбо (3.VIII), от оз. Толбо — г. Улгий, аймак Баян-Улгий — оз. Хотон (4–5.VIII), на оз. Хотон (6–8.VIII), от оз. Хотон — р. Цагаан гол — Цэнгэл сомон — г. Улгий — гора

Препарирование птиц и изготовление тушек. Слева направо: А.А. Кищинский (спиной к нам), В.И. Морозов, В.Е. Фомин в городе Ховд 2 августа 1979 г. Владимир Иванович Морозов в те годы работал в Центре кольцевания.

Фото Н. Цэвээнмядага

Бураат — оз. Хагийн хар — оз. Дунд нуур (6–8.VIII), оз. Дунд нуур (13.VIII), от оз. Дунд нуур — г. Улгий — г. Ховд — горы Хонгорын нуруу (14–15.VIII), горы Хонгорын нуруу (16–18.VIII), от Хонгорын нуруу — г. Ховд — р. Буянт у устья р. Улиастай (19.VIII), р. Буянт (20–28.VIII), от р. Буянт — оз. Хар ус (29.VIII), оз. Хар ус (30.VIII–6.IX), от оз. Хар ус — оз. Айраг (7.IX), оз. Айраг (8.IX), от оз. Айраг — оз. Хяргас — оз. Ойгон — оз. Тэлмэн — г. Улиастай, аймак Завхан — г. Алтай, аймак Говь-Алтай — оз. Бон цагаан (9–15.IX), оз. Бон цагаан (16.IX), от оз. Бон цагаан — оз. Адгийн цагаан — оз. Орог — оз. Холбоож — г. Арвайхээр, аймак Уверхангай — р. Туул — г. Уланбатор (17–26.IX).

В 1980 году, с 5 по 28 мая, орнитологический отряд Монголо-Советской совместной биологической экспедиции начал свои полевые исследования в Гоби, затем прибыл на несколько дней в Уланбатор, а затем с 12 июня по 17 августа продолжил путь в Западную Монголию. В экспедиции участвовали с советской стороны кандидат наук В.Е. Фомин (начальник отряда, 5–28.V, 12.VI–17.VIII), доктор наук А.А. Кищинский (5–28.V, 12.VI–28.VII), В.В. Новиков (водитель, 5–28.V, 12.VI–17.VIII), а с монгольской стороны кандидат наук А. Болд (5–28.V, 25.VII–17.VIII), младший научный сотрудник Н. Цэвээнмядаг

(5–28.V, 3.VII–17.VIII), лаборант Д. Батдэлгэр (5–28.V, 12.VI–17.VIII). Исследования проводили с помощью автомобиля ГАЗ-66.

Для участия в данной поездке Н. Цэвээнмядаг вылетел из Улан-батора в город Улгий Баян-Улгийского аймака, А. Болд из Уланбатора в город Ховд, а А.А. Кищинский вылетел из города Ховд в город Улан-батор на самолёте АН-24.

Маршрут следования: г. Уланбатор — горы Унжул — оз. Улаан (5–6.V), оз. Улаан (7–8.V), от оз. Улаан — горы Зуунсайхан (9.V), горы Зуунсайхан (10–11.V), от Зуунсайхан — горы Ноён богд (12.V), горы Ноён Богд уул (13–14.V), от гор Ноён Богд — Гурвантэс сомон — горы Тост (15.V), горы Тост (16–19.V), от гор Тост — горы Нэмэгт — колодец Зуун мод — Баянлэг сомон — горы Их Богд (20–21.V), р. Ичээт в горах Их Богд (22–25.V), от р. Ичээт — оз. Таацын цагаан — г. Арвайхээр — г. Уланбатор (26–28.V).

Затем: г. Уланбатор — г. Ховд хот — оз. Толбо — г. Улгий — р. Ёлт, Монгольский Алтай (12–17.VI), р. Ёлт (18–25.VI), от р. Ёлт — оз. Даян (26.VI), оз. Даян (26–29.VI), от оз. Даян — г. Улгий — горы Таван богд (30.VI–2.VII), исток р. Ойгор в горах Таван Богд (3–6.VII), от гор Таван Богд — оз. Ачит (7.VII), оз. Ачит (8–19.VII), от оз. Ачит — горы Хархираа — оз. Увс (20–23.VII), от оз. Увс — г. Ховд — оз. Хар ус (23–24.VII), устье р. Ховд, оз. Хар ус (24–28.VII), от оз. Хар ус — г. Ховд — горы Цамбагарав (29–30.VII), горы Цамбагарав (30–31.VII), от гор Цамбагарав — ущелье Уртуу — оз. Дуруу — ущелье Сэрвэнт (1–2.VIII), в Сэрвэнт (3–4.VIII), от Сэрвэнт — г. Ховд — Зун зуслан, горы Хух Сэрх (5.VIII), Зуун зуслан (6–9.VIII), от Зуун зуслан — г. Ховд — г. Мурэн, аймак Хувсгел — г. Булган — г. Уланбатор (10–17.VIII).

Я вошёл в состав орнитологического отряда экспедиции во время учёбы на втором курсе Монгольского университета. После окончания университета в 1978 году поступил на работу в Институт общей и экспериментальной биологии АН МНР на должность научного сотрудника. Я начал участвовать в полевых исследованиях вместе с доктором А.А. Кищинским с того же года (1978), когда поступил в Институт биологии. За 3 года (1978–1980 гг.) доктор А.А. Кищинский провёл 253 дня в полевых условиях, изучая птиц Монголии. Я с ним провёл 182 дня во время полевых работ. За этот период проведены полевые обследования, охватившие практически все регионы Монголии. На каждой стоянке утром, при восходе солнца, мы выходили по разным маршрутам и собирались в лагере примерно в 11 часов, чтобы обменяться информацией об увиденных птицах. После завтрака были заняты определением собранных птиц, проводили морфометрию, оп-

Н. Цэвээнмядаг с пеночкой, 2003 г., семинар Сети журавлиных резерватов Северо-Восточной Азии. Фото Е.И. Ильяшенко

ределяли стадию линьки и степень упитанности, а затем вечером изготавливали тушки птиц для научной коллекции. Одной из основных целей наших совместных исследований были подготовка и издание двухтомной книги о птицах МНР. А.А. Кищинский начал работать над этой книгой и писать её ещё во время этой экспедиционной поездки. В последний год исследований (1980-й) почти каждый вечер он сидел в своей полевой палатке при свечах и писал книгу о птицах Монголии.

Доктор А.А. Кищинский обладал большим опытом полевых исследований, широкой эрудицией и кругозором, отлично умел изготавливать тушки птиц, самоотверженно и планомерно (методично) подходил к любой работе, всегда охотно помогал людям и относился к ним с добрым сердцем, охотно делаясь своими глубокими научными познаниями.

Публикации по птицам Монголии

Болд А., Кищинский А.А., Фомин В.Е., Цэвээнмядаг Н. 1981. Проблемы охраны редких видов птиц в МНР // Труды Института Общей и экспериментальной биологии. Выпуск 16. С. 122–126.

Кищинский А.А., Фомин В.Е., Болд А., Цэвээнмядаг Н. 1980. Проблемы охраны редких видов птиц в Монгольской Народной Республика // Тез. докл. Биологические ресурсы МНР, их использование и охрана. Улан-Батор. С. 34–35.

Кищинский А.А., Фомин В.Е., Болд А., Цэвээнмядаг Н. 1982. Птицы горного массива Мунх-Хайрхан (МНР) // Зоологические исследования в МНР. М.: Наука. С. 62–81.

Н. Цэвээнмядаг, кандидат биологических наук

Мои встречи с А.А. Кищинским

Встречи с выдающимися личностями всегда оставляют глубокий след в памяти. Встречи бывают разными. Первое знакомство, заочное, с Александром Александровичем произошло в Алма-Ате. Мой учитель — Мстислав Николаевич Корелов, настоятельно рекомендовал регулярно посещать магазин «Академкнига» на улице Фурманова. Он находился в полуподвальном помещении. Тогда это было единственное место, где можно было купить научную литературу. Одной из первых книг восьмиклассника была «Птицы Колымского нагорья» (1968). Учитель похвалил юнната и настоятельно рекомендовал читать не на диване, а за столом, всю и внимательно. Это образец рекогносцировочного этапа фаунистических исследований в непознанных краях. Сказал, что будущее у автора — аспиранта ЗИНа, весьма перспективное. Очень наблюдательный, неутомимый и вдумчивый учёный. Именно так нужно проводить исследования, осмысливать материал, писать, а затем и публиковать диссертации. Причём, это часть диссертации, а вся она посвящена и птицам, и млекопитающим. Действительно, для казахстанского пацана книга об экзотических птицах и экзотическом нехоженном Севере была очень впечатляющей. Особенно поразила свободная дискуссия с предшественниками и употребление местоимения «я». М.Н. Корелов сказал, что это подчеркивает ответственность автора за наблюдения и выводы, в отличие от безликого и ложной скромности местоимения «мы». А обходиться без местоимений — высший пилотаж в научной литературе. В книге я впервые столкнулся с оценкой численности птиц и подвидовой систематикой. Оказывается, птиц нужно считать на экскурсии, а потом прикидывать их численность в разных местах обитания и для всего региона. Удивительным было то, что даже белые трясогузки бывают разными и их называют подвидами. С позиции сегодняшнего дня меня поражает объём материала, собранного всего за

два года, и глубина его осмысления. Во многом эта книга Александра Александровича послужила для меня учебным пособием, а самого его я могу считать в некотором роде дистанционным наставником.

Вторая встреча была уже очной. Я, студент четвёртого курса Ленинградского университета, привёз с Камчатки небольшую коллекцию птиц и определял подвиды в ЗИНе. За соседним столом Александр Александрович определял соловьёв-красношеек с Чукотки и дискутировал с А.И. Ивановым и И.А. Нейфельдт. Попросили мою пару птиц разложить на их столе и показали подвидовые различия. Гордости студента не было предела. Я правильно определил свои сборы.

Третья встреча была особой. После второй студенческой геоботанической практики на Камчатке И.А. Нейфельдт предложила сделать доклад на заседании Орнитологического отдела ЗИН о наблюдениях и сборах птиц. Среди прочего я повествовал о Хультении (Хультен — шведский ботаник) — мост расселения растений по Алеутским и Командорским островам из Америки в Азию. Предположил, что его могли использовать и птицы. Через пару месяцев в Москве проходила конференция по куликам, и Ирэна Анатольевна посоветовала обсудить эту весьма сомнительную идею с А.А. Кищинским, большим знатоком Берингии. Разумеется, я воспользовался этой возможностью. На конференции, в перерыве, я обратился к Александру Александровичу, и мы прошли в кабинет Рюрика Львовича Бёме. Беседа была недолгой. Но воодушевило то, что Александр Александрович сказал, что этим мостом воспользовался только крапивник, однако, действительно, в орнитологии термин «Хультения», в отличие от «Берингии», почему-то не используют. Похвалил. Ура!

Следующее событие было печальным. В начале сентября 1980 года я ехал из Зейского заповедника через Москву в Ленинград. Тогда не было интернета, и именно я привёз в ЗИН и ЛГУ весть от В.Е. Флинта о кончине Александра Александровича.

На следующий год В.Е. Флинт и вдова Александра Александровича — Елена Михайловна, организовали встречу друзей и знакомых Александра Александровича в день его рождения — 1 февраля. С тех пор, ежегодно, без перерыва, проходят такие встречи. В 1994 году В.Е. Флинт, с согласия Елены Михайловны, предложил и мне присутствовать на таких встречах-воспоминаниях. Сколько удивительных историй было рассказано об этом удивительном человеке. К слову. Знаю только об одном подобном многолетнем, и тоже без

перерывов, мероприятия. Казахстанские орнитологи в день рождения И.А. Долгушина собираются у его могилы. Весьма достойные, к сожалению, беспрецедентные, события. После смерти Владимира Евгеньевича Флинта в 2004 году по предложению Владимира Михайловича Галушина наши встречи получили название «Клуб памяти ушедших друзей». Организует встречи сын Александра Александровича — Андрей Александрович, а возглавляет, по завещанию В.В. Флинта, Павел Станиславович Томкович. Тамадой избран А.Г. Сорокин. Очень душевные встречи.

Последняя встреча с Александром Александровичем была весьма примечательной. В 2018 году мы с Еленой Ивановной Ильяшенко организовали первую поездку в Крым для поиска и мечения журавля-красавки. Помочь согласился Сергей Юльевич Костин. Приехали на стационар заповедника «Лебяжьи острова» в с. Портовое. У ворот обильно плодоносила вишня, чем мы и воспользовались. Вышел Сергей Юльевич и начал знакомство со слов о том, что мы находимся в намоленном месте. Эту вишню ели А.А. Кищинский, Ю.В. Костин и многие другие знаменитости. Далее прошли за уже накрытый, как положено, стол в просторной беседке под тутовником, на котором было гнездо и ворковала горлица. За обильным ужином нам рассказали, что стол не новый и сохраняется с давних пор. Мы спросили, а где сидел А.А. Кищинский, и я немедленно пересел, надеюсь, на это место. Кольцевание цветными ошейниками лебедей в Черноморском бассейне началось в 1974 году. Организовали его А.А. Кищинский с участием Уильяма Слейдена. Базировались на кордоне заповедника в с. Портовое. В 1976 году в рамках международной конференции, которая проходила в Алуште, заповедник посетили В.Е. Флинт, А.А. Кищинский, А.А. Винокуров, Г.А. Кривонос, Т.Б. Ардамацкая, Н.Н. Скокова, В.И. Лысенко и У. Слейден. Участники конференции размещались в гостинице, которая находилась в районном центре — пос. Раздольное (в 10 км от кордона), а «уставшие» гости устраивались на ночлег на кордоне и через две улицы в помещениях пионерского лагеря. У. Слейден не мог оставаться на ночлег на кордоне (иностранец в пограничной зоне), и по завершению ужина А.А. Винокуров увозил его в гостиницу в Раздольном. Но возвращался пешком, т.к. стол ещё оставался накрытым, и было чем продолжить успешность дневных забот. После этого Ардалион Алексеевич возвращался в гостиницу, а остальные участники укладывались спать. Я спросил с робкой надеждой: «сохранились ли кровати?». О радость. В помещении для гостей сохранилась раскладушка, на которой спал Александр Алек-

сандрович, а в лабораторном доме — кровать, где почивал В.Е. Флинт. Лена пошла в лабораторный дом на кровать, а я спать на раскладушку. Приобщились и таким образом к выдающимся отечественным орнитологам.

Александр Александрович занимает особое место в моем понимании того, каким должен быть учёный, полевик, мыслитель, товарищ и наставник. Светлая память ему и долгие лета Елене Михайловне и всему семейному клану Кищинских.

Валентин Юрьевич Ильяшенко, кандидат биологических наук

Вспоминая А.А. Кищинского и совместную экспедицию 1975 года

В 1975 году студентом 4-го курса биофака МГУ я участвовал в экспедиции по изучению птиц Чукотской тундры. В её составе работали В.Е. Флинт, П.С. Томкович, Ф.Б. Чернявский и И.В. Дорогой. Возглавлял экспедицию Александр Александрович Кищинский. Более двух месяцев мы сплавились на байдарках от верховья р. Канчалан до Анадыря, делая остановки по несколько дней в наиболее подходящих и интересных местах. С чувством признательности и глубокой благодарности вспоминаю всех участников этой экспедиции. Все они были для меня примером, многому от них научился. Команда экспедиции была дружной. Каждый знал своё дело и занимался им в течение дня. Вечером всех объединял костер. Запомнился такой эпизод. Александр Александрович, как обычно, писал что-то в дневнике. Флинт с улыбкой сказал ему: «Санечка, не успею я по возвращении в Москву сбрить бороду, а у тебя уже статья будет готова». Однажды на реке разыгрался сильный ветер, заставший нас с Александром Александровичем плывущими на двухместной байдарке. С трудом удерживали лодку на воде. Мы проплывали какой-то посёлок, а стоящие на берегу люди со страхом смотрели на нас. Большой волной нашу байдарку выбросило на берег. Всё обошлось благополучно. А однажды у нас кончились все продукты... но не стоит о грустном.

Приятно вспомнить и искренне от всего сердца поблагодарить А.А. Кищинского за внимание и заботу обо мне. Александр Александрович был научным руководителем моей дипломной работы по изучению трофических связей куликов чукотской тундры. Не считаясь со временем, Александр Александрович помогал мне в сборе

и обработке материала, в написании диплома. По окончании университета я был принят на работу в Окский заповедник по ходатайству именно А.А. Кищинского. Он посоветовал мне временно поработать лаборантом и не жениться, чтобы была возможность моего участия в намеченных им экспедициях. Но задуманному не суждено было сбыться. В расцвете творческих сил в возрасте 43 лет, через год после блестящей защиты докторской диссертации, Александр Александрович ушёл из жизни. Это стало моей большой личной трагедией. Для одних из нас он был учителем, для других — товарищем по работе, но для всех — добрым и отзывчивым человеком. Внимательность и доброжелательность к людям были его основной человеческой чертой. Память об Александре Александровиче Кищинском навсегда сохранится в сердцах знавших его.

Алексей Васильевич Постельных

Воспоминания об А.А. Кищинском

С.М. Успенский

В июне 1970 году я был принят в отдел сохранения арктических экосистем Центральной лаборатории охраны природы МСХ СССР, которым руководил известный российский учёный, доктор биологических наук С.М. Успенский.

Тогда в отделе работали несколько человек, занимающихся изучением животного и растительного мира российского сектора Арктики, и с каждым из них мне хотелось поближе познакомиться, но особенно со старшим научным сотрудником

Александром Александровичем Кищинским. О нём ещё до прихода в Центральную лабораторию охраны природы я неоднократно слышал много очень лестных слов, особенно о его высоком профессионализме и готовности помочь в решении подчас неотложных проблем на работе и в личной жизни. Как оказалось позднее, это не было пре-

Белый медведь на суше

увеличением. При посещении отдела Александр Александрович охотно отвечал на все наши вопросы и приводил исчерпывающие разъяснения. Особенно увлечённо он рассказывал об объектах орнитофауны северо-восточной части России, которым он посвятил большую часть своей научной деятельности.

Мне, как подчеркнул С.М. Успенский при первом моем посещении отдела, надо быть готовым к полевым работам с различными объектами позвоночного мира Арктики, включая белого медведя. А среди сотрудников таковым был только Александр Александрович. Этим хищником Арктики (косолапый, как иногда называют белого медведя) во второй половине 1960 годов в Советском Союзе начал систематически заниматься С.М. Успенский. К этим исследованиям он приобщил и А.А. Кищинского.

Большое внимание в полевых исследованиях было приковано к одному из крупнейших очагов размножения белого медведя в Арктике — острову Врангеля. Стояла задача по оценке численности и пространственному распределению размножающихся на острове самок. Впервые наземный учёт берлог на острове Врангеля был проведён в марте и апреле 1964 года С.М. Успенским (Московский государственный университет) и Ф.Р. Чернявским (Институт биологических проблем Севера, Магадан).

Обследование острова проводилось наземным способом, путём однократного объезда подножий гор в период вскрытия и по-

Остров Врангеля и его постоянные обитатели белые медведи

кидания медведицами берлог с использованием собачьих упряжек и вездехода. Всего в ходе учётов были найдены 116 берлог, 20 из них были обследованы. В 1969 и 1970 году были вновь осуществлены наземные учёты берлог на острове Врангеля с участием А.А. Кищинского и С.М. Успенского. Особенно тщательно обследование проводилось в горах Дрем-Хед, расположенных на северо-западе острова. Однако после проведённых тогда наземных учётов берлог был сделан вывод, что при такой методике возможны существенные ошибки как в сторону завышения, так и занижения учётных данных, и поэтому подобные объезды могут дать только общую картину распределения и относительного обилия берлог в учётном году, а полные учёты возможны только путём тщательного и многократного пешего обследования с осмотром каждой берлоги. Такое обследование весьма трудоёмко и не может проводиться везде, его следует проводить в модельных районах наибольшего скопления берлог. Этот вывод я несколько раз слышал от Александра Александровича и неуверенно следовал ему при проведении учётных работ в горах Дрем-Хед, ставших модельным районом в последующие годы. После организации в 1976 году государственного заповедника «Остров Врангеля» исследования в этой части острова проводили совместно с сотрудниками заповедника и других научных учреждений страны.

Медвежата-сеголетки в одной из родовых берлог

При встречах в отделе или в Зоологическом музее МГУ Александр Александрович нередко рассказывал мне о семейных группах белого медведя, их поведении при нахождении в берлоге и при её покидании, строении берлог, подчас сопровождая свой рассказ рисунками. Эти рисунки, как и несколько фотографий с Александром Александровичем, долгое время хранились у меня в лаборатории Арктики в главном здании,

но при одном из срочных переселений в так называемый охотничий корпус они пропали, и все мои попытки отыскать их пока не увенчались успехом. Но до сих пор я помню, как поразительно точно на этих рисунках отображались многие особенности строения берлог.

Интерес к острову Врангеля был не случаен. На этом острове и на находящемся в 60 км к востоку от него острове Геральд, а также на северном побережье Чукотского полуострова, залегают осенью в берлоги и приносят весной потомство практически все размножающиеся самки чукотско-аляскинской популяции белого медведя. Определив общее число родовых берлог, т.е. число размножающихся самок, мы можем подсчитать численность популяции, взяв за основу методику расчёта, приведённую в монографии Кищинского, посвящённой белому медведю. Эта работа после её публикации стала для меня настольной книгой, настолько точно в ней были отображены многие особенности жизни полярного хищника. Так, в 1992 году в одной из статей мною был приведён ориентировочный расчёт численности популяций белого медведя, населяющих Российскую Арктику. Расчёт произведён на основе данных о половой и возрастной структуре популяции и темпов размножения половозрелых самок, предложенных А.А. Кищинским в его монографии.

В книге явственно чувствовалось особое отношение Александра Александровича к белому медведю, желание как можно больше познать и сохранить его и не только на острове Врангеля. Россия в то время была примером наиболее последовательного решения проблемы сохранения белого медведя. Так, в 1956 году Правительством РСФСР принято постановление «Об охране фауны Арктики», которое предусматривало полный запрет охоты на бе-

Бивень мамонта, найденный на острове Врангеля

лого медведя. В 1960-х гг. на острове Врангеля организован сначала областной, а затем республиканский заказник. В 1976 году он преобразован в государственный природный заповедник, к территории которого присоединён остров Геральд. Остров Врангеля, или, как иногда его называют, осколок древней Берингии, привлекает внимание многих исследователей Арктики и туристов богатством природы и её обитателей, в том числе остатками бивней мамонтов, вымерших несколько тысячелетий тому назад.

Важным шагом на пути сохранения белого медведя стало внесение его в список редких видов животных в Красной книге РСФСР (1983) и СССР (1984), а в 2001 и 2022 году — в Красной книге Российской Федерации. Свой неоценимый вклад в сохранение белого медведя внёс и А.А. Кищинский. Ещё больший вклад внёс он в изучение и сохранение орнитофауны, о чём свидетельствуют многие статьи Александра Александровича. И он нам это завещал.

*Станислав Егорович Беликов, кандидат биологических наук,
член-корреспондент РАН, Заслуженный эколог РФ*

Фотографии с острова Врангеля

Сотрудничество А.А. Кищинского с профессором Андреем Григорьевичем Банниковым

Одним из важных коллег и товарищей Александра Александровича Кищинского во второй половине 1960-х годов и все 1970-е годы был знаменитый советский биолог, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, герпетолог, териолог, орнитолог, деятель охраны природы и организатор науки Андрей Григорьевич Банников. С 1972 по 1978 год Андрей Григорьевич был вице-президентом Международного Союза охраны природы и природных ресурсов — крайне редкая честь для советского учёного. В стране был установлен железный занавес, полным ходом разгоралась холодная война, и такое международное признание достижений советских ученых-биологов и природоохранников дорогого стоило. Памяти Андрея Григорьевича посвящён отдельный сборник статей — первый в серии выпусков «Современные проблемы зоологии, экологии и охраны природы», увидевший свет под редакцией проф. В.А. Остапенко — благодарного ученика А.Г. Банникова, в 2015 году.

В 1961 году Банников был избран членом Комиссии по редким видам МСОП, а с 1978 года — вице-председателем этой Комиссии. Андрей Григорьевич — один из авторов Красной Книги МСОП, при его

В кулуарах Международной конференции в Индии. В центре А.Г. Банников, справа А.А. Кищинский. Из семейного архива Анны Андреевны Банниковой

инициативном содействии и непосредственном участии создавались оба издания Красной книги СССР. В 1972 году А.Г. Банникова, первого из советских учёных, избрали вице-президентом МСОП, и на этом посту он оставался 6 лет.

В 1969 году, как генеральный секретарь, А.Г. Банников был организатором IX Конгресса охотоведов в Москве. В подготовке и успешном проведении этого конгресса есть значительная роль и огромная заслуга А.А. Кищинского. В это время они очень тесно сотрудничали.

В 1975 году А.Г. Банников возглавил советскую делегацию на XII Генеральной ассамблее Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП) в г. Киншаса (Заир). В делегацию также входили П.П. Второв, Н.Н. Дроздов, А.А. Кищинский и другие.

Банников объездил почти всю территорию СССР, побывал почти во всех отечественных заповедниках и в более чем 25 странах Европы, Азии, Африки и Северной Америки. В некоторых таких поездках вместе с Андреем Григорьевичем побывал и А.А. Кищинский. Частично по итогам этих поездок в 1976 году в издательстве «Мысль» появилась долгожданная книга «Заповедными тропами зарубежных стран».

Наездники А.А. Кищинский и А.Г. Банников «в седле» на спине индийского слона на экскурсии в Индии

Ответственным редактором этого издания был А.Г. Банников, а соавторами пять человек: сам А.Г. Банников, В.А. Борисов, Н.Н. Дроздов, А.А. Кищинский и В.Е. Флинт. Авторы книги — известные учёные, географы и биологи, поделились своими личными впечатлениями о наиболее интересных национальных парках и резерватах Европы и Азии, Африки и Австралии, Северной и Южной Америки. Соавторы в этих очерках красочно описали растительность и животный мир континентов и отдельных стран, показали различные формы и методы охраны природных объектов. Книга вышла тиражом в 80 000 экземпляров и предназначалась для всех интересующихся

А.Г. Банников, А.А. Кищинский. Крым, Алушта. XXII заседание Исполнительного Совета Международного бюро по изучению водоплавающих птиц. Ноябрь 1976 г. Фото А.В. Пикалова из семейного архива Анны Андреевны Банниковой.

дикой природой и вопросами её охраны, была иллюстрирована многочисленными цветными и чёрно-белыми фотографиями. Перу А.Г. Банникова и А.А. Кищинского в этой книге принадлежат две главы: в Азии «В краю индийских носорогов — Казиранге» (с. 94–110) и в Северной Америке «В Канаде» (с. 124–146). В те годы любые контакты с иностранными учёными, особенно из капиталистических стран, были крайне ограничены, и для миллионов советских граждан подобные книги, так же как и телепередачи «В мире животных» и «Клуб кинопутешественников» (в которую регулярно приглашали для рассказов А.Г. Банникова), были глотком свежего воздуха.

Банникова и Кищинского связывало сотрудничество не только в области охраны природы, но и полевые исследования в Монголии. В июле 1942 года Банников защитил кандидатскую диссертацию, а в августе был направлен в Монгольскую Народную Республику для организации первого монгольского университета, в котором стал заведующим кафедрой зоологии Монгольского университета (с этого времени началась его педагогическая деятельность). Во время пре-

Слева направо: Билл Слейден, неопознанная женщина и А.Г. Банников в заснеженной Москве. Оба этих учёных очень долго и тесно сотрудничали с А.А. Кищинским

бывания в МНР он участвовал в четырёх крупных научных экспедициях. В 1952 году защитил докторскую диссертацию на тему «Млекопитающие Монголии». Он проехал по этой стране почти 20 000 км — половину окружности планеты по экватору. Последние три полевых сезона А.А. Кищинского были также посвящены изучению авифауны этой страны. В неё состоялась и его последняя экспедиция...

Литература

Заповедными тропами зарубежных стран. Отв. ред. А.Г. Банников. М., «Мысль», 1976. 351 с. с ил. и карт. (Рассказы о природе). На тит. л. авт.: А.Г. Банников, В.А. Борисов Н.Н. Дроздов, А.А. Кищинский, В.Е. Флинт.

Современные проблемы зоологии, экологии и охраны природы. Материалы чтений и научной конференции, посвященных памяти профессора Андрея Григорьевича Банникова, и 100-летию со дня его рождения. Москва, 24 апреля 2015 г. М.: ГАУ «Московский зоопарк»: ООО «Сам Полиграфист», 2015. 350 с. https://earaza.ru/wp-content/uploads/sbornik_Bannikov.pdf

Евгений Эдуардович Шергалин

**Переписка А.А. Кищинского с
Юрисом Карловичем Липсбергом (Латвия) —
из архива Руслана Матрозиса (Рига)**

Москва, 24. III. 1974

Дорогой Юрис Карлович!

После Вас давно ожидаемые копии программы по изучению летел и применений к ней. Я заказал книги проф. Свейдену и, надеюсь, к концу мая их получим.

В этом году Г.А. Кривошеин из-за низкого весенне-летнего уровня воды в реке. Хорошо, если Латвия издает актуальные материалы.

После ранее полученных В.Г. Кривошеина об ороле летел. Может быть, Вам пригодятся.

Ваш
А. Кищинский

Москва, 21 мая 1974 г.

Дорогой Юрис Карлович!

Как Вы, вероятно, знаете, наша Лаборатория готовит к публикации справочник о вышедших птиц СССР по длинам колебания. Предполагается провести обработку имеющихся возвратов колебаний — предположительно, по состоянию на 1 января 1974 г. Предполагается пять томов, в том числе 2-й том, который должен быть сдан весной в 1975 г. /статьи от авторов должны быть получены в марте/ будет включать отряды ~~и семейства~~ газар, поганок, трубноносых, веслоногих, выстообразных, флажато и водоплавающих /лебедей и гусей/. Редактором 2-го тома являюсь я.

Прому Вас написать, согласны ли Вы быть автором раздела "Лебеди-шипу. Латвия" в 2-м томе этого справочника. Мы можем вставить Вам микрофильмы возвратов, имеющихся в Центре колебания.

С уважением,
А. Кищинский

Вскоре я пришлю Вам несколько вышедших колебаний для печатания, о которых мы говорили на 6-й Оринтол. конференции.

Москва 30 V 1974

Дорогой уважаемый Юрис Карлович!

Получил издательство шифры и почтовые адреса для шифров. Шифры SA 31-SA 40; к ней две их (один другой сектор; открытой оставалась неясно), инструкции и формы летел (по английским; русские не делают их совсем). Больше летел ~~не~~ не по, но, думаю, для обработки летел для этого лето хватит.

В русских материалах, которые Вы получили, и в издательстве инструкции все сказано о том, как издрать и читать эти летел. Если вы хотите увидеть материал по положению инструкции Свейдена.

После летел формы летел можно увидеть в Центр колебания. Письма, что уже приходят.

Благодарю Вас за согласие опубликовать данные колебания для издания "История птиц". После международного возврата.

Если можете, что они имеют (это важно), пожалуйста, сообщите.

После эти материалы будут обработаны материал с максимальной подробностью. Предлагаю вам иметь эти данные:

- а) сезонные размещения (+ карточки)
- б) биологические данные (вотраж к летелам, размножение и поведение, миграция, питание, особенности летел и т.д.)
- в) летел возврата

Когда появятся рукописи 1-2 разделов, пожалуйста, напишите наиболее сложными раздел, мы сможем, когда вы этого, унифицировать структуру всех книг. Если же вы не можете не ограничиваем; срок — март 1975 г.

Письма, I в Москве до В. VI, и март — с 25 по до VII.

Искренне желаю Вам успехов по Трону.

Ваш
А. Кищинский

Москва 11 января 1974.

Дорогой уважаемый Юрий Карлович!

Очень приятно, что удалось получить от Олега
лебедей. Конечно, изначально, была вероятность
получить в 3-х экземплярах, с указанием колец
металлических и, соответственно, пластмассовых
шайбок и винтовых колец. Указано, что какой
кольцо металлическое и что какой - пластмассовое кольцо.

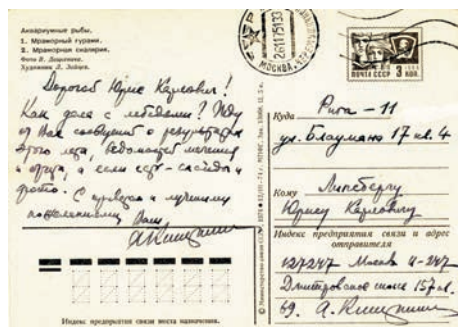
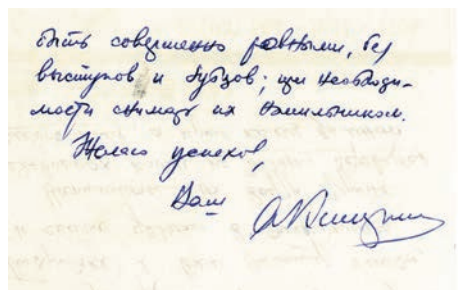
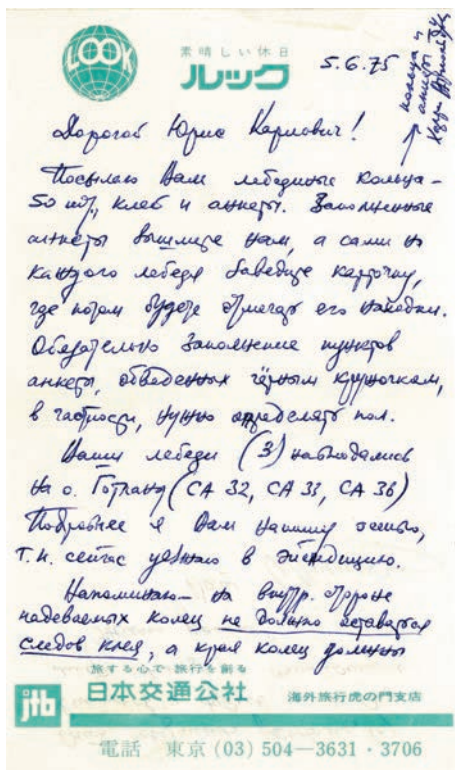
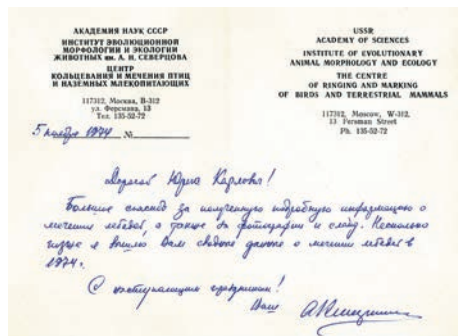
Буду очень благодарен, если Вы пришлете
также фото, фотографии (с вырезом) или сканеры
о левых лебедей. Зеркал данных о верных
левых птиц?

С уважением и наилучшими пожеланиями,

Вам

А. Ризунин

P.S. В Новосибирске имели 30 верных, и в
Калининском Амурской области (Сибирский о.б.) - 50 левых
птиц.

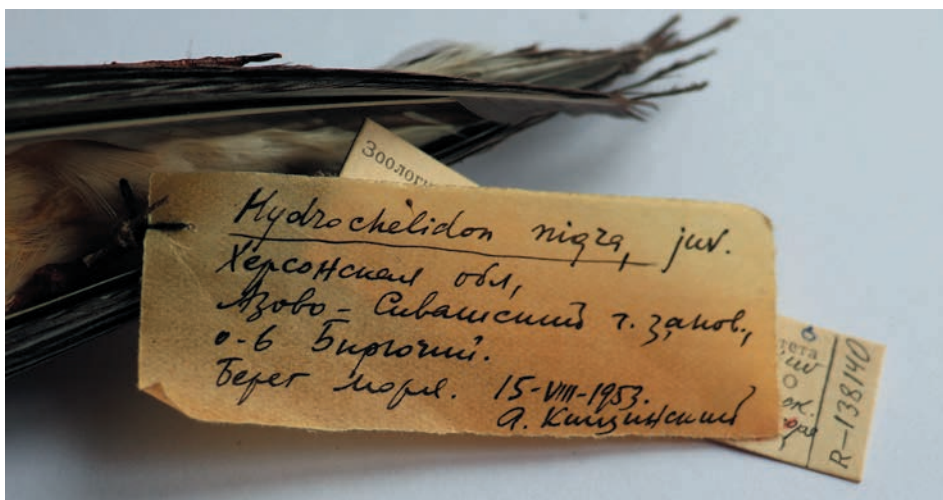

Материалы А.А. Кищинского в коллекционном собрании сектора орнитологии Зоологического музея МГУ

Как правило, основным итогом работы учёных — публикации, и в этом Александр Александрович Кищинский не исключение. Его недолгая, но в высшей степени продуктивная карьера сопровождалась многими десятками заметок, статей и полноценных монографий. Каждая из них, в свою очередь, отзывалась в учёной среде долгим эхом ссылок и цитирований, которое, смеем надеяться, не утихнет ещё долго.

При этом о фактическом материале, собранном поколениями зоологов за последние несколько веков, помнят немногие. Хотя в случае классических полевых орнитологов XX века смыслы их активности были дополнены ещё одним существенным аспектом работ — сбором коллекционного материала. К выходу книги воспоминаний о такой крупной величине отечественной орнитологической науки, как Кищинский, уместно вспомнить не только традиционные вопросы био- и библиографии. Существенная часть его полевых сборов хранится в фондах Зоологического музея Московского государственного университета на Большой Никитской. К настоящему времени практически вся информация об этих фондах оцифрована. Благодаря этому мы можем достаточно быстро охватить взглядом всё, что нам необходимо, по достоинству оценить имеющиеся в коллекции материалы и представить читателю основную информацию.

Итак, фамилию Кищинского в качестве сборщика имеет 941 коллекционная тушка (набитая шкурка), что делает Александра Александровича одним из самых плодовитых коллекторов, приложивших руку к созданию исторического собрания птиц Зоологического музея. Тем не менее, в общем условном рейтинге коллекторов птиц для музея он входит только в третий десяток по объёму сборов, уступая некоторым другим признанным мэтрам отечественной орнитологии — С.А. Бутурлину, Е.С. Птушенко, Л.Б. и Р.Л. Бёме, Е.П. Спангенбергу, Г.И. Полякову, Л.С. Степаняну и др. И всё же сама по себе эта цифра впечатляет. Во-первых, немалая часть полевых сборов, в том числе все птицы и звери, собранные в рамках подготовки кандидатской диссертации, передана Кищинским в Зоологический музей ЗИН РАН в Санкт-Петербурге. Во-вторых, надо всё-таки помнить, что сам Кищинский не был классическим музейщиком, работавшим в первую

Тушка, изготовленная А.А. Кищинским первой из их числа в сборах Зоологического музея: чёрная крачка (*Chlidonias niger*), Херсонская область, остров Бирючий, 15 августа 1953 г.

очередь на пополнение фондов. Сфера деятельности его была гораздо шире, и потому продуктивность его как коллектора птиц достойна восхищения.

География сборов А.А. Кищинского в фондах Зоомузея МГУ такова. Свыше половины — 491 из 941 тушки — привезены с Чукотки, преимущественно из горных тундр Корякского нагорья. База данных сектора содержит конкретные места летней работы орнитолога: сезон 1970 года — окрестности лагуны Укоуге на арктическом побережье, 1974-го — посёлок Эгвекинот и затем Колючинская губа, 1975-го — долина реки Канчалан и посёлок Беринговский, 1976-го — Корякское нагорье и устье реки Хатырка. Ровно 100 птиц привезены Кищинским из Якутии: летом 1971 года он работал в дельте Индигирки, а на сле-

Зелёный дятел (*Picus viridis*), Адыгея, 15 км к югу от ст. Даховская, 4 ноября 1957 г. Тушки авторства А.А. Кищинского, созданные в его молодые годы, отличались аккуратностью и высочайшим качеством.

дующий год — в дельте Яны. Собственно, именно его сборы с северо-восточных окраин необъятной советской страны представляют особую историческую и научную ценность: местами они выполнены там, где ранее не ступала нога орнитолога, а их масштабы и полнота прекрасно отражают фаунистический состав обследованных регионов. Именно таким образом количество музейных образцов и, в целом, объём музейных коллекций переходят в качество.

Вторым ключевым регионом полевых работ Александра Александровича, если отталкиваться от масштабов сборов коллекций птиц, стала Монголия. За три летних сезона (1978–1980 гг.) с его участием были собраны 273 экземпляра птиц. К слову, всего в коллекции музея к настоящему времени числятся около 1600 тушек птиц, изготовленных и переданных в Москву в рамках долгосрочной Советско-Монгольской экспедиции с 1976 по 1988 годы. Некоторые из них попали в музей лишь десятилетия спустя в составе частных коллекций Л.С. Степаняна и В.Е. Фомина.

Сборы А.А. Кищинского из других регионов немногочисленные или спорадичные. По ним можно проследить некоторые из ранних или, впоследствии, коротких командировочных поездок орнитолога. Так, 15 августа 1953 года 16-летний Саша в Азово-Сивашском заповеднике на острове добыл — или, вероятнее всего, просто нашёл погибшую молодую чёрную крачку (*Chlidonias niger*). Эта птица под номером R-138140 — наиболее ранний из достоверно собранных Кищинским экземпляров в коллекции Зоомузея. Три кулика добыты в июле 1954

Пуховой птенец малого веретенника (*Limosa lapponica*), Чукотка, среднее течение реки Канчалан, 3 июля 1975 г. Эта тушка (в составе серии из ещё нескольких взрослых особей) послужила неопровержимым доказательством гнездования вида на Чукотке, что впоследствии привело к описанию нового для науки подвида (*L. l. anadyrensis* Engelmoer & Roselaar, 1998).

года в окрестностях хутора Новонекрасовский Краснодарского края. В 1954 и 1955 году четыре птицы, три из которых кулики, собраны в Московской и Вологодской областях. Из окрестностей Кызыл-Агачского заповедника в Азербайджане поступили 24 птицы как минимум из трёх поездок — зимой 1955 года, зимой и в августе 1956 года и летом 1955 и 1956 годов. 23 птицы собраны за две поездки на производственную практику в Мурманскую область, а осенью 1957 года 18 птиц доставлены из Адыгеи. Одна пепельная чечётка (*Acanthis hornetanni*) привезена в июне 1968 года с реки Юрибей на Ямале. И, наконец, три мелкие воробьиные птицы добыты Кищинским во время командировки на Аляску в августе 1977 года.

Согласно инвентарным книгам сектора орнитологии Зоомузея, ещё две тушки птиц, изготовленные Кищинским, были переданы музеем по обмену за границу. Тупик (*Fratercula arctica*) из заповедника «Семь островов», добытый в июле 1955 года, был отправлен в Бразилию в 1967 году. А в 1988-м в Оттаву была передана пеночка-таловка (*Phylloscopus borealis*) из окрестностей посёлка Беринговский, добытая 19 августа 1975 года.

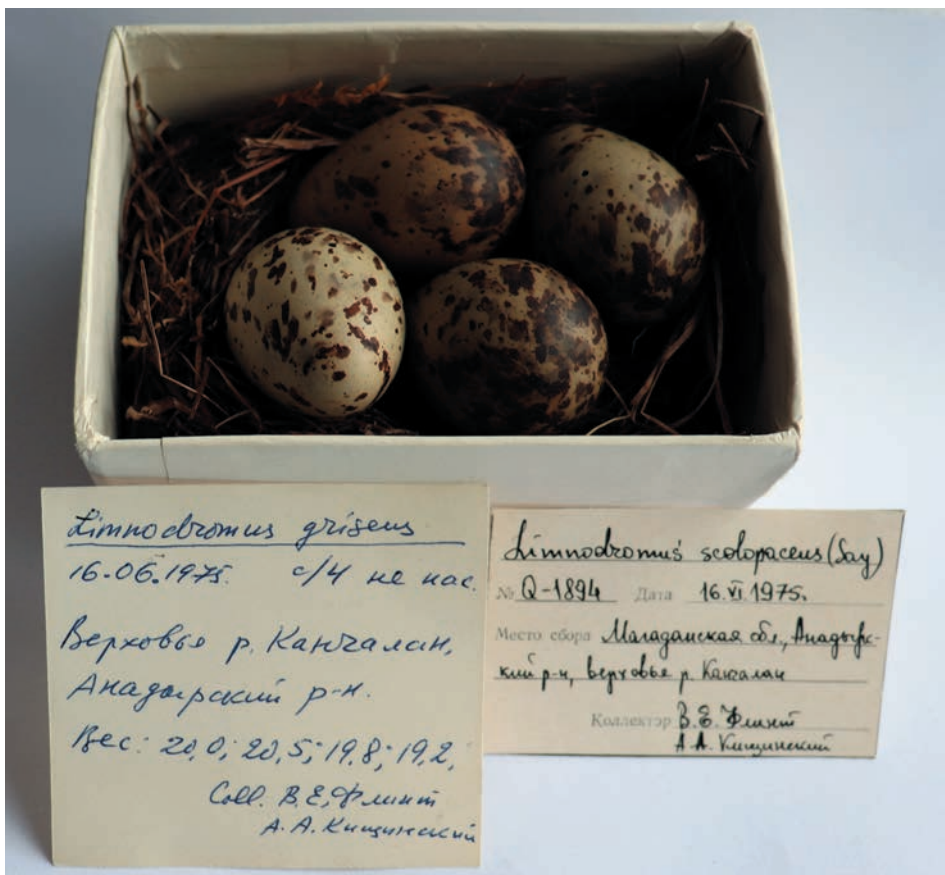
Тростниковая сутора (*Paradoxornis polivanovi*), Монголия, устье р. Халхин-Гол, 4 июля 1978 г. Редкий, впоследствии включённый в Красные книги СССР и России вид воробьеобразных птиц. Позднее птицы с северо-западной части ареала вида получили описание в качестве отдельного подвида (*P. p. mongolicus* Stepanyan, 1979).

Теперь обратимся к объектам коллекционирования. В сборах Кищинского представлены тушки птиц из 17 отрядов. Конечно же, первое место с 475 экземплярами занимает самый многочисленный отряд птиц мира Passeriformes (Воробьеобразные). Второе место — отряд Charadriiformes (Ржанкообразные) с 356 добытыми особями. Из них 170 — представители рода *Calidris* (песочники), что делает коллекцию Кищинского ценной ещё в одном важном аспекте: нечасто в орнитологические сборы попадают песочники непосредственно из мест гнездования, располагающихся, как правило, в малонаселённых арктических тундрах. Более того: 39 из 170 песочников — пуховые птенцы. Из сборов Александра Александровича 52 птицы относятся к отряду Anseriformes (Гусеобразные), 15 — к отряду Galliformes (Курообразные). Остальные отряды представлены единичными экземплярами общим числом не более семи для каждого отряда.

Необходимо отметить, что почти у половины птиц из обсуждаемых 472 экземпляров на этикетке указано больше одного коллектора. Причин тому несколько: в одних случаях на этикетку, помимо непосредственно добывшего птицу, попадал его ассистент, в других — препаратор, а в третьих, ещё один участник был дописан из соображений отчётности за экспедицию. И всё это, как правило, без необходимого пояснения... Наиболее частыми напарниками Кищинского в сборах для Зоомузея МГУ были Владимир Евгеньевич Флинт (274 птицы, Чукотка) и Владилен Егорович Фомин (150 птиц, Монголия).

Тушка, изготовленная Кищинским последней: молодой восточный зуёк (*Charadrius veredus*), Монголия, 45 км к югу от Улангома, 23 июля 1980 г.

Одна из собранных при участии Кищинского кладок яиц: американский бекасвидный веретенник (*Limnodromus scolopaceus*), Чукотка, верховья реки Канчалан, 16 июня 1975 г.

Сбор кладок яиц с гнёздами никогда не был у Александра Александровича в приоритете, однако и здесь его трудами удалось немного пополнить музейную коллекцию. За почти два десятка полевых сезонов при его участии были собраны 11 полных кладок с гнездовым материалом, из них 7 на Чукотке, 3 в Якутии (во всех случаях — совместно с В.Е. Флинтом), плюс одна кладка толстоклювого зуйка (*Charadrius leschenaultii*) из Монголии (совместно с В.Е. Фоминым).

И, наконец, следует отметить ещё одну важную деталь, имеющую прямое отношение к работам Александра Александровича. Часть его рукописных материалов по сей день находится на хранении в секторе орнитологии Зоологического музея МГУ. Полная их инвентаризация до сих пор не осуществлена, но планируется в обозримом будущем. Более того, в мае 2023 года вдовой В.Е. Фомина была передана в Зоомузей частная коллекция птиц этого орнитолога, хранившаяся на его квартире. К коллекции прилагались уникальные письменные материалы, в числе которых нашлись и шесть полевых дневников его коллеги А.А. Кищинского, заполненные мелким убористым почерком. Все они имеют отношение к трём годам Советско-Монгольской экспедиции, в которой орнитологи принимали совместное участие.

Павел Алексеевич Смирнов, Зоологический музей МГУ

Материалы А.А. Кищинского в остеологической коллекции птиц Палеонтологического института РАН

Определение ископаемых костей невозможно без их сравнения со скелетом современных видов. Придя работать в Палеонтологический институт, Е.Н. Курочкин начал собирать остеологическую коллекцию современных птиц. Первый экземпляр в коллекции добыт Евгением Николаевичем в 1965 году. Е.Н. Курочкин собирал птиц сам и просил об этом друзей и коллег. Сейчас остеологическая коллекция в Палеонтологическом институте насчитывает более 1600 скелетов и продолжает пополняться. В коллекции есть экземпляры, полученные от Н.Н. Карташева, В.Е. Флинта, Ф.Я. Дзержинского, В.Н. Калякина и других известных орнитологов нашей страны. Есть материалы от иностранных коллег, в основном из Европы и Америки, например, от З. Боченски (*Z. Bocheński*), Д. Яноши (*D. Jánossy*), П. Бродкорба (*P. Brodkorb*), С. Олсона (*S. Olson*). Передавал птиц и А.А. Кищинский.

Скелет мородунки (*Xenus cinereus*) с этикеткой

Александр Александрович был активным коллектором, значительно пополнившим фонды Зоологического музея МГУ. В Палеонтологический институт попало совсем немного экземпляров. В коллекции хранятся птицы, добытые во время экспедиции на Чукотку летом 1976 года. От Александра Александровича получены шесть экземпляров с Корякского нагорья — горный и краснозобый коньки, два лапландских подорожника, кулики лопатень и мородунка. Все они снабжены идеальными этикетками, которые пронумерованы, написаны аккуратным, легко читаемым почерком и содержат всю необходимую информацию. Птицы, добытые А.А. Кищинским, продолжают служить науке и, в какой-то степени, продолжают его дело — изучение авифауны Азии. Например, благодаря сравнительной остеологической коллекции, были найдены кости плиоценового подорожника из Северной Монголии.

Список птиц в остеологической коллекции Палеонтологического института РАН, полученных от А.А. Кищинского:

Лопатень *Calidris pygmaea* — ♂, ad, устье р. Хатырки, Корякское нагорье, 31.07.1976;
 Мородунка *Xenus cinereus* — ♀, ad, низовья р. Хатырки, Корякское нагорье, 24.07.1976;

Краснозобый конёк *Anthus cervinus* — ♂, ad, устье р. Хатырки, Корякское нагорье, 31.07.1976;

Череп лопатня (*Calidris pugnax*) с этикеткой

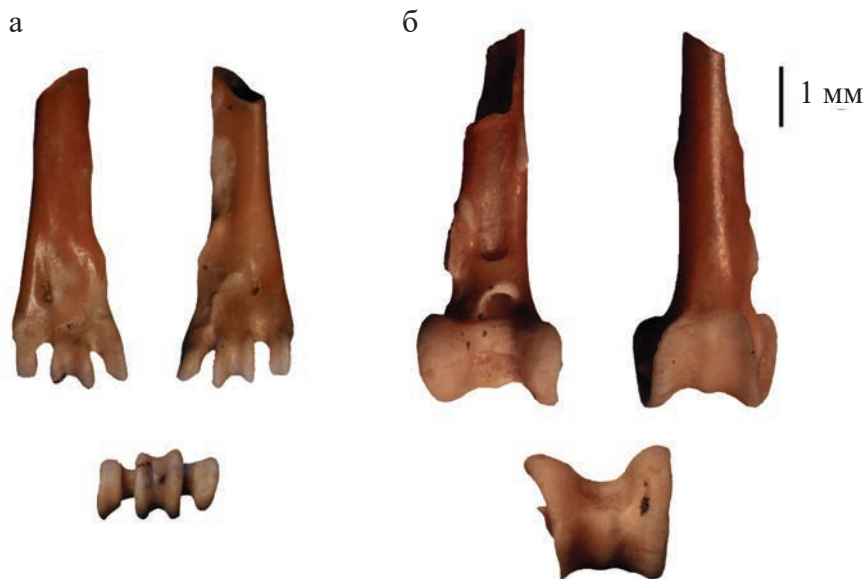
- Горный конёк *Anthus spinoletta* — ♂, ad, Корякское нагорье, июнь 1976;
 Лапландский подорожник *Calcarius lapponicus* — ♂, ad, устье р. Хатырки, Корякское нагорье, 4.08.1976;
 Лапландский подорожник *Calcarius lapponicus* — ♀, ad, устье р. Хатырки, Корякское нагорье, 4.08.1976.

Наталья Вадимовна Волкова, кандидат биологических наук

Кишинскиния (*Kischinskinia*) — древнейшая пищуховая птица Азии

А.А. Кишинский активно изучал Северо-Восточную Азию. За недолгую жизнь ему удалось исследовать разные части региона от Чукотки до Монголии и описать местные орнитокомплексы. Важной составляющей полевых работ Александра Александровича было коллекционирование птиц. Воробьеобразные (Passeriformes) составляли большую долю в коллекциях А.А. Кишинского.

В память об Александре Александровиче и его вкладе в изучение авифауны Азии был назван древний род воробьеобразных птиц — *Kischinskinia* Volkova et Zelenkov, 2018. *Kischinskinia scandens* — птица размером с обыкновенного поползня, приспособленная к лазанию по вертикальным поверхностям, как и другие когтелазящие воробьеобразные из клады пищуховых Certhioidea (стенолазы, поползни, пищухи). Специализация этих птиц надежно зафиксирована

Тарсометатарсус (а) и тиббиотарсус (б) Kischinskinia scandens Volkova et Zelenkov, 2018, из верхов нижнего миоцена Восточной Сибири с дорсальной, вентральной и дистальной сторон.

в специфической морфологии ног. Именно по фрагментам костей ног был описан новый таксон. Кости *Kischinskinia* были найдены на местонахождении Тагай на Байкале, откуда известно единственное на данный момент репрезентативное сообщество птиц конца раннего миоцена на всем Азиатском континенте.

Kischinskinia — важный элемент в истории воробьеобразных (Passeriformes), крупнейшего современного отряда птиц. На данный момент это самый древний таксон воробьеобразных, описанный с территории Азии. Его присутствие в раннем миоцене (~16–17 млн. лет назад) свидетельствует о том, что в это время Азия была населена представителями современных филогенетических линий певчих воробьиных птиц. Выделение рода *Kischinskinia* позволяет уточнить время появления клады пищуховых, что используется в современных работах по эволюции и филогении воробьеобразных.

Не менее важный вклад находка *Kischinskinia* вносит в понимание зоогеографических связей Азии в раннем миоцене. Наряду с другими таксонами из местонахождения Тагай, *Kischinskinia* служит примером сходства ранне- и среднемиоценовых фаун Азии и Европы. *Kischinskinia scandens* близка по морфологии к европейскому раннемиоценовому виду *Certhiops rummeli*. Согласно па-

леоклиматическим реконструкциям, в раннем миоцене Азии были широко распространены разнообразные хвойно-широколиственные леса, по которым расселение когтелазающих птиц в Евразии представляется особенно вероятным.

Волкова Н.В., Зеленков Н.В. Когтелазающая воробьиная птица (Passeriformes, Certhioidea) из верхов нижнего миоцена Восточной Сибири // Палеонтологический журнал, 2018. Т. 1. С. 53–60.

Волкова Наталья Вадимовна, кандидат биологических наук

Коллекционные сборы А.А. Кищинского в Зоологическом институте РАН

Становление А.А. Кищинского как специалиста тесно связано с Зоологическим институтом АН СССР (ЗИН) в Ленинграде. Через два года после окончания Московского государственного университета Кищинский устроился в Зоологический отряд Камчатской комплексной экспедиции АН СССР, в котором проработал в должности младшего научного сотрудника с 1959 по 1961 год, занимаясь изучением фауны Корякского нагорья (здесь и далее биографические данные взяты из Личного дела аспиранта А.А. Кищинского // Научный архив ЗИН РАН. Фонд 1. Опись 4. Дело № 43. Листы 1–31). Руководил Зоологическим отрядом профессор Л.А. Портенко из Зоологического института АН СССР, который и обратил внимание на талантливого начинающего орнитолога. (Портенко Леонид Александрович (1896–1972) — выдающийся отечественный зоолог, основные научные интересы которого относились к авиафаунистике, орнитогеографии и внутривидовой систематике птиц. Занимался изучением труднодоступных и малоизвестных в орнитологическом отношении районов севера и северо-востока СССР). Со времени совместной работы в Зоологическом отряде началась многолетняя дружба и сотрудничество между Портенко и Кищинским. Вскоре Л.А. Портенко обеспечил возможность прохождения очной аспирантуры в ЗИН, куда А.А. Кищинский был зачислен сроком на три года (1962–1965) по специальности «зоология позвоночных». По семейным обстоятельствам и с необходимостью жить в Москве Кищинский был переведён в 1965 году в аспирантуру без отрыва от работы сроком по 1966 год. В этом же году Кищинским была успешно защищена кандидатская диссертация (Кищинский А.А. Фауна наземных поз-

воночных Колымского нагорья. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. биол. наук. Зоологический институт АН СССР. Ленинград. 1966. 436 с.).

К времени поступления в аспирантуру Кищинский был уже вполне опытным исследователем и имел шесть опубликованных и три сданные в печать орнитологические работы. Кроме того, по итогам очередного годового конкурса научных работ сотрудников ЗИН в 1964 году третьи премии были присуждены (в равной степени) авторам монографии «Млекопитающие Коряцкого нагорья» Л.А. Портенко, Ф.Б. Чернявскому и А.А. Кищинскому. В ЗИНе на аспиранта Кищинского возлагали большие надежды. В докладной записке от 23 января 1965 года директору ЗИН Л.А. Портенко писал: «Я руковожу двумя аспирантами... В отношении них возникли вопросы, касающиеся их дальнейшей судьбы. А.А. Кищинского я ценю очень высоко, как талантливого биолога, с хорошей университетской (МГУ) подготовкой и большим полевым стажем. Он работал в качестве моего помощника в Камчатской экспедиции; будучи аспирантом, совершил две трудные поездки на Колымское нагорье, собрал хороший материал и имеет несколько хороших печатных работ. Это был бы прекрасный научный сотрудник ЗИН, и я его готовил как своего ученика и смену. К сожалению, семейные обстоятельства (жена учится, за маленьким ребёнком некому присматривать и вопрос жилплощади) ... заставили его остаться в Москве. ... Я уверен, что мы потеряли в перспективе хорошего молодого специалиста из-за всё того же квартирного вопроса, и я искренне сожалею, что лишился близкого ученика».

За время аспирантуры Кищинский проводил исследования в Колымском нагорье в 1963 и 1964 году. Районы работ показаны на рисунке. В итоге исследованиями были охвачены все важнейшие элементы ландшафта и все высотные пояса Колымского нагорья. Особое внимание Кищинский уделял сбору и тщательной препаровке птиц и млекопитающих для определения подвидов при обработке коллекций. Всего за оба сезона были собраны 307 экземпляров птиц, 240 млекопитающих и 1 амфибия (Кищинский А.А. ... диссертация). Практически все эти сборы и некоторые материалы из других мест поступили в ЗИН (табл. 1 и 2) от имени Кищинского, согласно книгам поступлений коллекционного материала. Следует подчеркнуть, что в табл. 1 и 2 приведены сильно устаревшие названия птиц и млекопитающих из-за трудности приведения их в соответствие современным систематическим представлениям. Русские названия животных соответствуют тексту диссертации, а научные названия даны по коллекционной документации того времени.

Рис. Районы работ А.А. Кищинского в Колымском нагорье в 1963–1964 гг.

Как это часто бывает, коллекционный вклад исследователя не ограничивается только поступлениями в то или иное хранилище, сделанными им лично и от его имени. Экземпляры любого сборщика могут поступить через третьих лиц и уже от имени другого коллектора. Для выявления таких экземпляров необходимо изучать все первичные авторские этикетки, что слишком трудоёмко для больших коллекционных собраний. Так, в письме к Л.А. Портенко (Личный архив Л.А. Портенко. Переписка. НТО. // Научный архив ЗИН РАН) от 21 августа 1962 г. Кищинский предлагал ему отобрать для личной коллекции шкурки из двухсот экземпляров птиц с Тянь-Шаня, большая часть которых была собрана не им самим, а орнитологом Д. Крыловым. В письме от 1 июля 1968 года Кищинский предложил тушку кречета из собственных сборов с Новосибирских островов. Он пишет: «Ещё небезинтересный случай — охотник прошлой осенью поймал в песцовый капкан с приманкой из куропатки молодого кречета. По-

Шкурка вышеупомянутого кречета (*Falco gyrfalco*). Фото В.Г. Высоцкого

скольку за 35 лет своей жизни на островах ему такой птицы видеть не приходилось, он её сохранил в мороженом виде, потом отдал мне. Я сделал из неё тушку и с удовольствием подарю её Вам. Только шкурка эта получилась не на пятёрку, а что-нибудь на четыре с минусом; птичка линяла вся и чуть-чуть подпарилась на брюхе, поэтому довольно много перьев выпало. Но всё же кречет имеет вид, подходящий ему по званию. Впрочем, Леонид Александрович, я, кажется, предлагаю Вам то, чего Вы не просили. М.б., эта птица и не представляет для Вас интереса?». Этот кречет и многие птицы с Тянь-Шаня поступили в ЗИН в 1974 году в составе большой (6 тыс. шкурок) личной коллекции Л.А. Портенко (не отражены в табл. 1).

Таблица 1.

Коллекционные сборы птиц А.А. Кищинского преимущественно с Колымского нагорья, поступившие в ЗИН РАН в 1964–1978 гг.

Вид	Число шкурок
Гусь-гуменник <i>Anser fabalis</i>	1
Чирок-свиистунок <i>Anas crecca</i>	1
Широконоска <i>Spatula clypeata</i>	1
Каменушка <i>Histrionicus histrionicus</i>	8
Большой крохаль <i>Mergus merganser</i>	1
Полевой лунь <i>Circus cyaneus</i>	1
Зимняк <i>Buteo lagopus</i>	3

Ястреб-перепелятник <i>Accipiter nisus</i>	1
Пустельга <i>Falco tinnunculus</i>	1
Чеглок <i>Falco subbuteo</i>	2
Белая куропатка <i>Lagopus lagopus</i>	3
Тундряная куропатка <i>Lagopus mutus</i>	3
Каменный глухарь <i>Tetrao parvirostris</i>	1
Бурокрылая ржанка <i>Pluvialis dominica</i>	1
Монгольский зуёк <i>Charadrius mongolus</i>	7
Американский пепельный улит <i>Heteroscelus incanus</i>	12
Перевозчик <i>Tringa hypoleucos</i>	2
Фифи <i>Tringa glareola</i>	1
Щеголь <i>Tringa erythropus</i>	1
Мородунка <i>Xenus cinerea</i>	2
Американский бекасовидный веретенник <i>Macrorhamphus griseus</i>	1
Песочник-красношейка <i>Calidris ruficollis</i>	3
Длиннопалый песочник <i>Calidris subminuta</i>	4
Белохвостый песочник <i>Calidris temminckii</i>	2
Кулик-дутьш <i>Calidris melanotos</i>	7
Чернозобик <i>Calidris alpina</i>	1
Большой песочник <i>Calidris tenuirostris</i>	9
Исландский песочник <i>Calidris canutus</i>	2
Круглоносый плавунчик <i>Phalaropus lobatus</i>	1
Турухтан <i>Philomachus pugnax</i>	1
Обыкновенный бекас <i>Gallinago gallinago</i>	1
Азиатский бекас <i>Gallinago stenura</i>	1
Бекас-отшельник <i>Gallinago solitaria</i>	1
Тихоокеанская серебристая чайка <i>Larus schistisagus</i>	2
Речная крачка <i>Sterna hirundo</i>	1
Чистик <i>Cerpphus grille</i>	1
Ипатка <i>Fratercula corniculata</i>	1
Топорок <i>Lunda cirrhata</i>	1
Обыкновенная кукушка <i>Cuculus canorus</i>	1
Глухая кукушка <i>Cuculus optatus</i>	2
Совка <i>Otus scops</i>	1
Белопоясный стриж <i>Apus pacificus</i>	2
Желна <i>Dryocopus martius</i>	1
Малый пёстрый дятел <i>Dendrocopos minor</i>	3

Полевой жаворонок <i>Alauda arvensis</i>	5
Кедровка <i>Nucifraga caryocatactes</i>	13
Пухляк <i>Penthestes montanus</i>	14
Сероголовая гаичка <i>Parus cinctus</i>	2
Поползень <i>Sitta europaea</i>	7
Буряя оляпка <i>Cinclus pallasii</i>	1
Черноголовый чекан <i>Saxicola torquata</i>	1
Обыкновенная каменка <i>Oenanthe oenanthe</i>	4
Синехвостка <i>Tarsiger cyanurus</i>	5
Соловей-красношейка <i>Calliope calliope</i>	4
Темнозобый дрозд <i>Turdus ruficollis</i>	1
Сибирская завирушка <i>Prunella montanella</i>	1
Альпийская завирушка <i>Laiscopus collaris</i>	1
Пеночка-весничка <i>Phylloscopus trochilus</i>	1
Пеночка-таловка <i>Acanthopneuste borealis</i>	10
Зелёная пеночка <i>Phylloscopus trochiloides</i>	1
Пеночка-зарничка <i>Phylloscopus inornatus</i>	2
Корольковая пеночка <i>Phylloscopus proregulus</i>	5
Буряя пеночка <i>Phylloscopus fuscatus</i>	4
Камышевка-сверчок <i>Locustella lanceolata</i>	1
Свиристель <i>Bombycilla garrulus</i>	2
Сорокопут-жулан <i>Lanius cristatus</i>	1
Белая трясогузка <i>Motacilla alba</i>	2
Горная трясогузка <i>Motacilla cinerea</i>	8
Желтолобая трясогузка <i>Motacilla luteus</i>	3
Зелёный конёк <i>Anthus hodgsoni</i>	1
Краснозобый конёк <i>Anthus cervina</i>	2
Горный конёк <i>Anthus spinoletta</i>	14
Юрок <i>Fringilla montifringilla</i>	1
Горный вьюрок <i>Leucosticte arctoa</i>	7
Обыкновенная чечётка <i>Acanthis flammea</i>	12
Обыкновенная чечевица <i>Rubicilla erythrina</i>	6
Щур <i>Pinicola enucleator</i>	8
Белошапочная овсянка <i>Emberiza leucocephala</i>	1
Овсянка-ремез <i>Chrysophrys rustica</i>	2
Овсянка-крошка <i>Chrysophrys pusilla</i>	2
Овсянка-дубровник <i>Hypocenter aureola</i>	8
Лапландский подорожник <i>Calcarius lapponicus</i>	1

	Спиртовых экз.	
Соловей-красношейка <i>Calliope calliope</i>	1	
Сероголовая гаичка <i>Parus cinctus</i>	1	
Зелёная пеночка <i>Phylloscopus trochiloides</i>	1	
Жёлтая трясогузка <i>Motacilla flava</i>	1	
Варакушка <i>Erithacus svecicus</i>	1	
Пеночка-таловка <i>Acanthopneuste borealis</i>	1	
Юрок <i>Fringilla montifringilla</i>	1	
Сибирский пепельный улит <i>Heterosclus brevipes</i>	1	
Американский пепельный улит <i>Heterosclus incanus</i>	2	
Песочник-красношейка <i>Calidris ruficollis</i>	1	
Большой песочник <i>Calidris tenuirostris</i>	2	
Перевозчик <i>Tringa hypoleucos</i>	1	
Мородунка <i>Xenus cinerea</i>	1	
Камышевка-сверчок <i>Locustella lanceolata</i>	1	
	Гнёзд	Яиц
Чеглок <i>Falco subbuteo</i>	2	4
Зимняк <i>Buteo lagopus</i>	1	2
Горная трясогузка <i>Motacilla cinerea</i>	5	13
Бурая оляпка <i>Cinclus pallasii</i>	2	–
Длинноклювый пыжик <i>Brachyrhamphus marmoratus</i>	–	1

Таблица 2.

Коллекционные сборы млекопитающих А.А. Кищинского с Коряцкого и Колымского нагорий, Центрального Тянь-Шаня, поступившие в ЗИН РАН в 1962–1965 гг.

Вид	Шкур	Черепов	Спиртовых экз.
Коряцкое и Колымское нагорья			
Равнозубая бурозубка <i>Sorex isodon</i>	2	2	–
Арктическая бурозубка <i>Sorex arcticus</i>	–	–	14
Средняя бурозубка <i>Sorex caecutiens</i>	–	–	9
Обыкновенная кутора <i>Neomys fodiens</i>	1	1	–
Зяц-беляк <i>Lepus timidus</i>	12	19	–
Северная пищуха <i>Ochotona alpina hyperborea</i>	62	53	–
Летяга <i>Pteromys volans</i>	3	1	3
Белка <i>Sciurus vulgaris</i>	10	20	–

Бурундук <i>Eutamias sibiricus</i>	20	22	2
Длиннохвостый суслик <i>Citellus undulatus</i>	42	45	–
Домовая мышь <i>Mus musculus</i>	5	3	–
Красная полёвка <i>Clethrionomys rutilus</i>	41	38	12
Красносерая полёвка <i>Clethrionomys rufocanus</i>	22	22	2
Лемминговидная полёвка <i>Alticola macrotis</i>	72	77	24
Полёвка-экономка <i>Microtus oeconomus</i>	19	19	5
Копытный лемминг <i>Dicrostonyx torquatus</i>	1	1	–
Лисица <i>Vulpes vulpes</i>	–	4	–
Бурый медведь <i>Ursus arctos</i>	1	-	–
Горноста́й <i>Mustela erminea</i>	10	9	–
Ласка <i>Mustela nivalis</i>	1	1	–
Соболь <i>Martes zibellina</i>	–	1	–
Росомаха <i>Gulo gulo</i>	–	1 + 1скелет	–
Центральный Тянь-Шань			
Горноста́й <i>Mustela erminea</i>	1	1	–
Большешу́хая пищуха <i>Ochotona macrotis</i>	1	1	–
Узкочерепная полёвка <i>Stenocranius gregalis</i>	1	3	–
Серый хомячок <i>Cricetulus migratorius</i>	2	2	–
Серебристая полёвка <i>Alticola argentatus</i>	14	11	–
Обыкновенная лесная мышь <i>Apodemus sylvaticus</i>	1	4	–
Тяньшанская мышовка <i>Sicista tianschanica</i>	4	4	–

Коллекционными материалами документированы наиболее интересные для Колымского нагорья фаунистические находки и уточнены границы распространения монгольского зуйка, круглоногого плавунчика, большого песочника, бекаса-отшельника, американского бекасовидного веретенника, длинноклювого пыжика, совки, бурой оляпки, пеночки-веснички, зелёной пеночки, корольковой пеночки, альпийской завирушки, горной трясогузки, равнозубой бурозубки, обыкновенной куторы, лемминговидной полёвки. На основании преимущественно собственных коллекционных сборов Кищинским рассмотрена подвидовая систематика и описана изменчивость тундряной куропатки, монгольского зуйка, серебристых чаек, малого пёстрого дятла, полевого жаворонка, кедровки, поползня, пеночки-таловки, белой трясогузки, горной трясогузки, горного конька, обыкновенной че-

Тушка каменушки (*Histrionicus histrionicus*) из сборов А.А.Кищинского в ЗИНе.
 Фото В.Г. Высоцкого

Тушка щура (*Pinicola enucleator*) из сборов А.А.Кищинского в ЗИНе.
 Фото В.Г. Высоцкого

чётки, обыкновенной чечевицы, щура, овсянки-дубровника, северной пищухи, летяги, белки, бурундука, красной полёвки, лемминговидной полёвки и полёвки-экономки. Описаны варианты окраски шерсти волка, росомахи и рыси. В диссертации описан новый подвид полёвки-экономки (*Microtus oeconomus detrinensis*), черепа и шкурки которых хранятся в фондовой коллекции ЗИН РАН. По содержанию желудков (или зобов) добытых для коллекции экземпляров описано питание каменушки, белой и тундряной куропаток, большого песочника, кедровки, горной трясогузки, горного конька, щура, бурундука, северной пищухи, длиннохвостого суслика. На больших сериях шкурок описаны закономерности линьки у северной пищухи и лемминговидной полёвки.

*Вадим Германович Высоцкий, кандидат биологических наук,
 Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург*

О двух коллегах и товарищах (учителе и ученике) Александра Александровича Кищинского

К сожалению, мне не довелось работать и общаться непосредственно с Александром Александровичем Кищинским, но судьба свела меня с двумя людьми, которые плотно сотрудничали с ним несколько лет.

В 1982–1991 гг. я работал инженером по авиационной орнитологии, а проще инженером-орнитологом в Эстонском управлении гражданской авиации. В те годы радарные наблюдения за миграциями птиц проводил на обзорном радиолокаторе Таллинского аэродрома Владимир Эдуардович Якоби (1926–2003) — пионер и основатель авиационной и радарной орнитологии в СССР. В 1980-е он почти ежегодно приезжал на полевые исследования в Эстонию и активно сотрудничал с орнитологами Института зоологии и ботаники АН Эстонской ССР в городе Тарту. Целью их совместных исследований было сравнение визуальных и радарных наблюдений за миграциями перелётных птиц в Северной и Западной Эстонии. В те годы поток серых журавлей, пролетающих в Эстонии в августе и сентябре, становился всё более и более мощным, и орнитологов заинтересовал вопрос о том, на каких максимально высотах они летят и можно ли с помощью радара фиксировать их пролётные стаи. В.Э. Якоби уезжал на запад Эстонии на Пухтускую орнитологическую станцию, а вместо себя оставлял работать на радаре Геннадия Александровича Кузнецова. Кузнецов был отставным военным майором, отслужившим в ПВО страны и рано вышедшим на военную пенсию. В.Е. Флинт в шутку и по-дружески любил называть его «крокодайл Гена». Зимой он жил в Караганде, а в период миграций птиц страстно занимался орнитологией, в которую его ввёл и которой окончательно заразил Александр Александрович Кищинский. В бытность службы Кузнецова на Чукотке Кищинский познакомился с ним и очень скоро сделал из него орнитолога-любителя. Весной 1978 года Геннадий Александрович (используя своё служебное положение!) организовал и провёл радарный учёт практически всех канадских журавлей, мигрировавших через Берингов пролив с Аляски на Чукотку. Это было поистине выдающееся достижение! Команда коллег очень ценила Геннадия Александровича за подвижническую работу по радарным наблюдениям и за замечательные личные качества. Уже после смерти Кищинского, в 1982 году, вышла их совместная работа по миграциям

Профессор Билл Слейден на острове Врангеля в 1974 г.

канадского журавля в сборнике по журавлям Восточной Азии (Кищинский А.А., Флинт В.Е., Томкович П.С., Сорокин А.Г., Кузнецов Г.А. Распространение и биология канадского журавля в СССР, с. 70–75). Сожалею, что мы с Геннадием позже потеряли связь.

В 2002 году я проходил 4-месячную стажировку старшим интерном в заповеднике «Ястребиная гора» в Пенсильвании в

США. До этого несколько лет мы переписывались с орнитологом и природоохранником Доном Хайнтцельманом — автором нескольких книг по хищным птицам Северной Америки. Поскольку у меня автомобиля не было, то мы с Доном активно путешествовали на его автомашине по соседним штатам и воспользовались любезным приглашением известного американского орнитолога — мирового эксперта по лебедям Билла (Уильяма) Слейдена (1920–2017). Он пригласил нас к себе в гости на 2–3 дня с ночёвкой в его гостеприимном доме, что очень нетипично для американцев.

Запомнилось несколько интересных моментов. Он жил в просторном доме в штате Вирджиния совсем недалеко от Вашингтона вместе со своей американской супругой, из-за которой, собственно, за полвека до этого и переехал из родного Уэльса в США. Он многие годы дружил с сэром Питером Скоттом (сыном всемирно известного полярного исследователя Роберта Скотта), основателем Всемирного треста водоплавающих птиц в Слимбридже, одного из инициаторов создания МСОП и Международной Красной книги, а также автором эмблемы с большой пандой для Всемирного фонда охраны живой природы. В рамках Международного сотрудничества по охране окружающей среды между СССР и США Слейден во многих проектах представлял американскую сторону. Несмотря на 9-й десяток лет, Билл источал юношеский задор и был немножко хулиганистым озорником и большим шутником. Никогда не забуду, как когда мы впервые вошли в дом Билла, он открыл большой гардеробный шкаф в прихожей и с гордостью и загадочной улыбкой продемонстрировал нам большой юнион-джек — британский красно-сине-белый полосатый флаг, развёрнутый во всю высоту и ширину шкафа и при-

креплѐнный к его внутренней задней стенке. Это означало, что, несмотря на полувековое пребывание Билла в Штатах, всё-таки в душе он оставался британцем. Примечательно, что прабабушка и прадедушка Билла по материнской линии, Уильям и Катерина Буус, были основателями Армии Спасения в Лондоне в 1865 году — одной из первых благотворительных организаций на нашей планете.

Затем мы проехали в административное здание орнитопарка. В нём по предварительной договорѐнности я собирался рассказать американским коллегам про исследования хищных птиц на территории СССР, так как именно по их линии я оказался на стажировке в США. Билл вместе со своими коллегами сел на первый ряд, взял дневник для записей, ручку и приготовился конспектировать лекцию, напоминая школьника первого класса. Немая сцена. Я обомлел. Ни капли пренебрежения, зазнайства или снобизма (Билл в узких кругах к тому времени был уже всемирно знаменит). Сцена напомнила мне с детства известный рисунок из рассказа Л.Н. Толстого про Филипка в школе. Такая тяга к знаниям у весьма пожилого человека. На тот момент ему шѐл 83-й год. Не каждый день такое увидишь! Любопытство и неиссякаемое желание удивляться жизнью, радость от каждого прожитого дня сильно отличали Билла от других коллег.

На кухне у Билла стояли две подзорные трубы (телескопа), нацеленные на птичьи кормушки, развешенные за окном в его саду. Таким образом, поедая овсянку и хлопья с яичницей, он каждое утро наблюдал за событиями, разворачивающимися на его кормушках.

Билл всю жизнь тяготел к исследованиям водоплавающих птиц Арктики и Антарктики, но лебеди и гуси были не первым его увлечением. Побывав, как и его друг Сэр Питер Скотт, несколько раз в Антарктиде, он заинтересовался пингвинами, а уже потом переключился на лебедей. В его микрозаповеднике Airlie Conservation Center на зелёных лугах, разделѐнных несколькими прудами и небольшими озерцами, мирно паслись все виды лебедей мировой фауны. Он с гордостью показывал нам всех своих питомцев во время экскурсии на электрокаре среди этих зелёных холмистых лужаек и впадин. Лебеди не обращали на нас никакого внимания — они были практически полностью ручными. Одну из двух своих дочерей Билл назвал Адели в честь пингвина Адели. Когда в Антарктиде при пожаре сгорела их станция, в которой погибли оба его товарища вместе со всеми съестными припасами, Билл выжил в отдельно построенном шалаше, питаясь две недели исключительно мясом пингвина Адели. Так что этим пингвинам он был обязан жизнью. Билл защитил диссертацию

HE Рубяске
To Helen
Kistchinski
from Bill Slesden

To Helen
Trumpeter Swan banding
Kenai NWR, Alaska 1977

Две фотографии вместе с оборотными сторонами, присланные Елене Михайловне Шевченко Биллом Слейденом. Из архива Е.М. Шевченко.

под руководством знаменитого эколога и орнитолога Дэвида Лака (1910–1973) в Институте полевой орнитологии Эдварда Грея при Оксфордском университете в 1954 году.

US-USSR ENVIRONMENTAL AGREEMENT: WILDLIFE PRESERVES	
Date: 1974 July 31, 15:25 (Wednesday)	Canonical ID: 1974MOSCOW11784_b
Original Classification: UNCLASSIFIED	Current Classification: UNCLASSIFIED
Handling Restrictions -- N/A or Blank --	Character Count: 977
Executive Order: -- N/A or Blank --	Locator: TEXT ON MICROFILM, TEXT ONLINE
TAGS: SENY - Social Affairs--Environment UR - Soviet Union (USSR) US - United States	Concepts: AGREEMENTS CONSERVATION ENVIRONMENT WILD LIFE
Enclosure: -- N/A or Blank --	Type: TE - Telegram (cable)
Office Origin: -- N/A or Blank --	Archive Status: Electronic Telegrams
Office Action: ACTION SCI - BUREAU OF TECHNOLOGICAL SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL AFFAIRS	
From: Russia, Moscow	Markings: Declassified/Released US Department of State EO Systematic Review 30 JUN 2009
To: DEPARTMENT OF STATE SECRETARY OF STATE	

Content [View content](#) | [Metadata](#) | [View source](#) [Share](#) [Print](#)
[View Headers](#)

KRINITSKIY INFORMED EMBASSY JULY 31 THAT KISTCHINSKIY IS DEFINITELY PLANNING ON AUGUST 4 ARRIVAL IN THE US. HOWEVER, KISTCHINSKIY IS PRESENTLY IN MAGADAN AND WEATHER CONDITIONS THERE MAY POSSIBLE CAUSE DELAY IN HIS RETURN TO MOSCOW FOR ONWARD FLIGHT TO THE US. KRINITSKIY WILL LET EMBASSY KNOW IMMEDIATELY IF KISTCHINSKIY IS DELAYED FOR ANY REASON. STOESEL

UNCLASSIFIED

Телекс от 31 июля 1974 г. о возможной задержке прилёта А.А. Кищинского в Нью-Йорк 4 августа 1974 г.

B. STATE 165344

1. KAZAKOV OF HYDROMET INFORMED EMBASSY AFTERNOON AUGUST 2 THAT DR. KISTCHINSKIY WILL NOT ARRIVE IN THE US AUGUST 4 AS PLANNED. PLEASE INFORM DR. SLADEN, KISTCHINSKIY* HOST, WHO WAS PLANNING TO MEET HIM UPON ARRIVAL IN NEW YORK.

2. APPARENT REASON FOR POSTPONEMENT IS THAT KISTCHINSKIY HAS NOT YET RECEIVED FINAL AUTHORIZATION FOR VISIT FROM ACADEMY OF SCIENCES (FOR WHOM HE WORKS). KAZAKOV COULD NOT SAY WHEN KISTCHINSKIY MIGHT BE ABLE TO ARRIVE IN THE US, BUT HE PROMISED TO LET EMBASSY KNOW NEW DATE ON AUGUST 5 OR 6. EMBASSY EXPRESSED EXTREME DISAPPOINTMENT AT LAST-MINUTE POSTPONEMENT STRESSING THAT PRESENT TIMING OF VISIT COORDINATED WITH MOLT CYCLE OF BIRDS IN ALASKA AND THAT THERE WAS LITTLE TIME REMAINING TO

UNCLASSIFIED

UNCLASSIFIED

PAGE 02 MOSCOW 11899 021814Z

OBSERVE THIS. KAZAKOV SAID HE UNDERSTOOD AND THAT HE HOPED KISTCHINSKIY WOULD BE ABLE TO TRAVEL LATER NEXT WEEK.

3. EMBASSY WILL REPORT NEW TRAVEL TIME AS SOON AS KNOWN.

STOESEL

UNCLASSIFIED

Телекс на 2 страницах о расстройстве посольства США в Москве в связи с задержкой вылета Кищинского в США из-за отсутствия его окончательной авторизации со стороны АН СССР. Сроки прилёта были согласованы заранее в связи с ходом линьки у лебедей на Аляске.

Билл работал вместе с Кищинским на Аляске. Они вели очень активную дружескую и деловую переписку.

Среди советских коллег Билл также принимал в США и сотрудничал с В.Э. Якоби и очень тепло отзывался об общении с А.А. Кищинским и В.Э. Якоби.

Таким образом, я благодарю судьбу за то, что она свела меня и с учеником, и с учителем А.А. Кищинского. Александру Александровичу явно везло на очень хороших и необычных людей.

Евгений Эдуардович Шергалин

Дом Билла Слейдена в Вирджинии. 2003 г. Из архива В.Н. Мосейкина

Александр Александрович Кищинский, 1937–1980

Объективной границы между «старшим» и «младшим» поколениями учёных нет, но всё же она как-то незримо просматривается. Александр Александрович Кищинский, бесспорно, относился к «младшему» поколению, но, в отличие от своих сверстников, так и не перешёл в «старшее». Горькой волей судьбы ему суждено было покинуть нас в самом расцвете сил и таланта. Вот уже почти двадцать лет прошло с того трагического дня, когда оборвалась его жизнь, а всё ещё как-то не верится.

А.А. Кищинский родился в страшном 1937 году, который оставил так много сирот. Не избежал этой судьбы и Саша — он никогда не видел своего отца, крупного инженера, который был арестован и, как и многие тысячи безвинных людей, расстрелян вскоре после ареста. Воспитание Саши оказалось в руках его матери, сильной и энергичной женщины, которая очень рано поняла необычность своего сына и вложила массу энергии в развитие его природных дарований.

А ребёнком Саша был действительно необычным. Хотя в семье никто не был связан с биологической наукой, интерес к птицам и ко всему живому проявился у него очень рано. В три года он свободно читал, а к пяти годам уже основательно проштудировал «Жизнь животных» А. Брема и написал свою первую (естественно, компилятивную!) работу — «Обзор птиц мира». Уже в этом возрасте он знал сотни видов экзотических птиц! В восемь лет он написал достаточно серьёзный «Обзор птиц СССР», который проиллюстрировал собственными рисунками, частично взятыми из книг, частично же сделанными по описаниям в книгах. Это очень характерная черта будущего учёного — претворять знания в текст, и в дальнейшей жизни она проявлялась у А.А. Кищинского постоянно и неизменно.

В возрасте семи лет он поступил в школу, причём сразу же в четвёртый класс (в то время вообще в школу принимали только в восьмилетнем возрасте!). Таким образом, он был на пять-шесть лет младше своих одноклассников, однако это не помешало ему быть первым в учёбе. Именно в этом возрасте он был взят на особый учёт существовавшей тогда «службой вундеркиндов», которая и помогла ему преодолеть возрастные барьеры при поступлении в школу. За выдающиеся успехи в учёбе с января 1947 года приказом министра среднего образования Саше была присуждена специальная стипендия. Школу он закончил с золотой медалью.

Думаю, что годы учёбы в школе были для Саши нелёгкими. Самый младший в классе, да ещё и «первый ученик», да ещё и сын «врага народа» (а я помню, чего стоила такая репутация!) — он, вероятно, перенёс немало тяжких испытаний. Может быть, именно благодаря этому сложился его характер — сдержанный, но непреклонный.

Будучи учеником старших классов, Саша начал посещать занятия юношеской секции Всероссийского общества охраны природы, руководимой тогда прекрасным зоологом и выдающимся педагогом Петром Петровичем Смолиным. П.П. Смолин часто выезжал со своими питомцами в наиболее интересные места Подмосковья, приобщая молодёжь к полевым наблюдениям, обучая полевому определению птиц, воспитывая чувство любви к природе и ответственности за её будущее. Вместе с тем будущие зоологи участвовали и в специальных семинарах по изучению коллекционных материалов в Зоологическом музее МГУ. Это была прекрасная школа, и неудивительно, что именно в этот период своей жизни Саша окончательно определил свой даль-

нейший жизненный путь — исследователя, учёного, биолога. У него формируются такие важные качества, как стремление объективно отразить увиденное, понять причинные связи явлений, серьёзное отношение к научной документации результатов наблюдений. Эти качества, присущие ему изначально и развитые П.П. Смолиным, были характерны для всей его последующей деятельности учёного.

В 1953 году А.А. Кищинский поступил на биолого-почвенный факультет Московского университета. Кафедра зоологии позвоночных, куда он был зачислен, переживала в это время период расцвета. Там работали такие выдающиеся учёные и педагоги, как Г.П. Дементьев, Н.П. Наумов, В.Г. Гептнер, Б.С. Матвеев, Е.С. Птушенко, Н.Н. Карташев, А.Н. Дружинин. Под их руководством А.А. Кищинский окончательно сложился как многосторонний и высококвалифицированный специалист-зоолог. Особенно сильное влияние на формирование его научных интересов оказал Г.П. Дементьев.

Орнитологическая молодёжь того времени вообще была тесно связана с Зоологическим музеем МГУ, душу которого составляли Е.П. Спангенберг, А.М. Судиловская, Е.С. Птушенко и, конечно, Г.П. Дементьев. Еженедельные орнитологические семинары, которые проводил Г.П. Дементьев, для многих были настоящей школой науки и объединяли вокруг музея наиболее активных орнитологов. А.А. Кищинский сохранил тесную связь с музеем до последних дней своей жизни.

В студенческие годы А.А. Кищинский сформировался и как полевик-исследователь. Производственную практику в 1955–1956 годах он проходил в экспедициях на Кольском полуострове, где собирал материал по биологии кречета для курсовых и дипломной работ. Первая научная статья А.А. Кищинского — «К биологии кречета на Кольском полуострове», написанная по сборам этих экспедиций и опубликованная в первом выпуске «Орнитологии», просто поражает своей капитальностью и зрелостью.

По окончании в 1957 году учёбы в МГУ А.А. Кищинский поступил младшим научным сотрудником в Приморско-Ахтарский филиал Краснодарского управления государственного охотничьего хозяйства и Кавказского заповедника. По его инициативе на базе этого филиала была создана Южная орнитологическая станция, где были начаты работы по массовому кольцеванию колониальных птиц. В эти же годы А.А. Кищинский принимал активное участие в организации учётов птиц на зимовках в Азово-Черноморском бассейне.

В 1959 году А.А. Кищинский стал младшим научным сотрудником Камчатской комплексной научной экспедиции, организованной Советом по изучению производительных сил при АН СССР. Основная база экспедиции находилась в Петропавловске-Камчатском, однако зоологический отряд работал преимущественно на Корякском нагорье, в основном в районе сёл Апука и Ачай-Ваям. Начальником отряда был известный ленинградский зоолог Л.А. Портенко. Отряд обследовал в фаунистическом плане Олютерские горы и долину р. Апука, причём исследования не прерывались и зимой. Одним из наиболее важных следствий работы А.А. Кищинского в Камчатской экспедиции было его знакомство с Л.А. Портенко. Оно в значительной мере определило всё дальнейшее формирование научного мировоззрения и основных научных интересов молодого зоолога. В качестве центральной проблематики А.А. Кищинский уже в те годы избрал казуальную орнитогеографию (если так можно выразиться), что было характерно и для трудов Л.А. Портенко. Однако А.А. Кищинский пошёл несравненно дальше своего учителя, отказавшись от примата формальных критериев присутствия или отсутствия вида на исследуемой территории, которые лежали в основе региональных построений и орнитогеографического деления, предложенных Л.А. Портенко. Не отвергая целиком и этой стороны анализа, Александр Александрович, однако, основное значение придавал определению экологических связей видов и групп видов с ландшафтом, причём для выявления этих связей использовал очень широкий набор признаков — распределение плотности населения, характеристику питания, запасов и доступности кормов в природе, сведения об эволюции ландшафтов и др. В полном объёме все это пришло, конечно, позже.

Примечательно, что по птицам Корякского нагорья, изучению которых он посвятил в то время два года, им было опубликовано тогда лишь несколько предварительных сообщений. Только по прошествии многих лет он вернулся к изучению орнитофауны данного района и уже незадолго до кончины подготовил для публикации монографию «Птицы Корякского нагорья» (1980). Саму книгу он уже не увидел — завершили её подготовку к изданию Юрий Андреевич Исаков и Елена Михайловна Шевченко.

В 1962 году А.А. Кищинский поступил в очную аспирантуру Зоологического института АН СССР и поселился в Ленинграде. Научным руководителем нового аспиранта был назначен Л.А. Портенко, который предложил в качестве диссертационной темы исследование фауны птиц Колымского нагорья, в то время почти не изученного.

Основное внимание предполагалось уделить изучению горной фауны и зоогеографической характеристике региона. Три полевых сезона дали очень много нового материала, и результаты исследования были капитально обобщены в успешно защищенной кандидатской диссертации, а позже опубликованы в монографии «Птицы Колымского нагорья» (1968) и в ряде статей. Надо заметить, что в этой монографии уже отчётливо проступает тот общий стиль подхода к пониманию закономерностей формирования отдельных таксонов географической структуры фауны птиц, который впоследствии был так характерен для работ А.А. Кищинского по орнитогеографии.

По окончании аспирантуры Александр Александрович возвратился в Москву, но найти работу по специальности оказалось не просто. С 1965 года он работал сначала старшим инженером научно-организационного отдела Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ в СССР, а затем, после преобразования Комитета по координации в Государственный комитет по науке и технике, — экспертом по вопросам биологии научно-организационного отдела. Нужно сказать, что этот период бюрократической работы, хотя и не отвечал духовным запросам А.А. Кищинского, тем не менее, не оказался бесцельно прожитым. Александр Александрович приобрёл солидный и полезный опыт работы с документами — планами, отчётами, программами и т.д., что представляет значительную ценность в нашей «забюрократченной» стране. Здесь же он приобрёл большой опыт организационной работы, который очень пригодился впоследствии. Особенно ярко проявились его организаторские способности и умения во время подготовки и проведения в 1969 году IX Международного конгресса биологов-охотоведов в Москве.

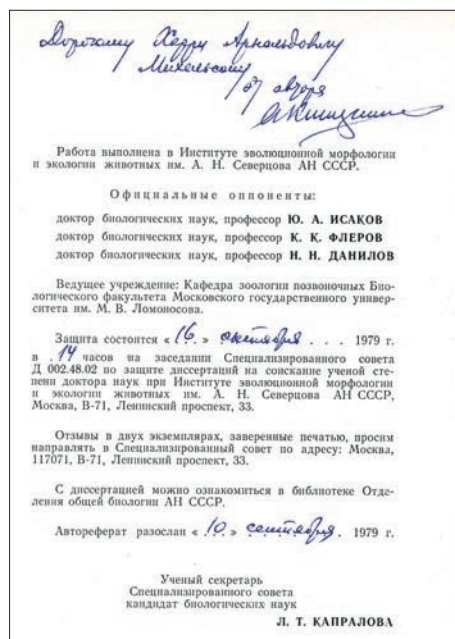
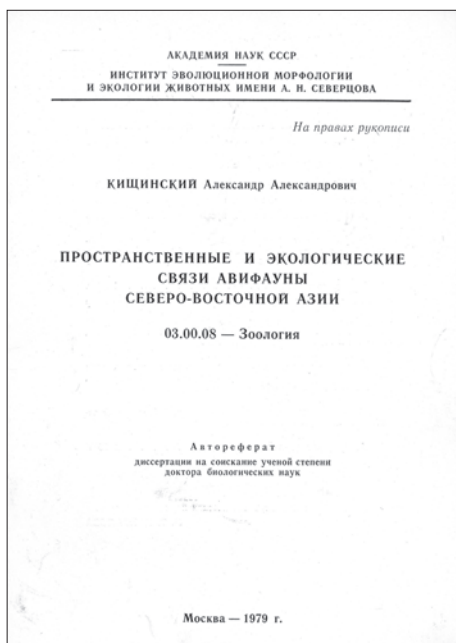
А 1968 год принёс А.А. Кищинскому удачу. Он поступил на должность старшего научного сотрудника в Центральную лабораторию охраны природы МСХССР (впоследствии — Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела). Снова открылась возможность продолжить научную работу, которая была его истинным призванием, — изучение птиц северо-востока Сибири. Уже в 1968 году он обследовал острова Котельный и Бельковский в группе Новосибирских островов, в 1969 году — остров Врангеля, где провёл работу по учёту и мечению белого медведя, в 1970 году — тундры по побережью Чукотского моря от Ванкарема до Амгуэмы и по долине нижнего течения этой реки. В 1971 году А.А. Кищинский совместно с В.Е. Флинтом предпринял четырёхмесячную

экспедицию в дельту и нижнее течение реки Индигирки, в 1972 году вместе с С.М. Успенским он обследовал орнитофауну реки Яны, а в 1973 году в том же составе совершил экспедицию на полуостров Ямал. Изучение различных аспектов биологии птиц в тундрах разного типа было основной задачей всех этих далёких, нелёгких и небезопасных экспедиций. В эти же годы А.А. Кищинский активно участвует в разработке программ и методик изучения позвоночных животных по плану Международной биологической программы (МБП).

Осенью 1973 года А.А. Кищинский перешёл на работу в Институт эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Северцова АН СССР в Лабораторию ориентации и навигации птиц. Несмотря на значительно возросший объём научно-организационной работы, он продолжает последовательное изучение орнитофауны северо-востока нашей страны. В 1974–1976 годы А.А. Кищинский совместно с В.Е. Флинтом, Р.И. Злотиним, Ф.Б. Чернявским и П.С. Томковичем совершил экспедиционные поездки в Чукотский национальный округ, обширную и совершенно не изученную Канчаланскую низменность, а также в северные районы Корякского нагорья. Из этих экспедиций привезены обширные и новые материалы по фауне и экологии тундровых птиц, особенно куликов, гагар, гусеобразных.

Лето 1977 года А.А. Кищинский провёл на Аляске, где в течение трёх месяцев изучал биологию водоплавающих птиц, в первую очередь лебедей и гусей. Эта поездка дала А.А. Кищинскому возможность составить представление о тундрах Американского континента, их ландшафтной структуре, что в свою очередь позволило лучше понять орнитогеографические связи двух континентов.

Экспедиции этих лет привели к накоплению прекрасных и в значительной мере новых материалов по птицам тундр, позволявших переходить к общетеоретическим выводам. Однако сам А.А. Кищинский не считал исследование законченным. Ряд ключевых точек, изучение фауны которых могло бы внести существенные дополнения в общую схему представлений А.А. Кищинского об истории и путях формирования орнитологической фауны северо-востока Сибири, оставался не затронутым исследованиями. В плане ещё стояли экспедиции в дельту реки Лены, на мыс Святой Нос в проливе Лаптева, в среднее течение реки Индигирки. Однако от этих планов пришлось отказаться: на А.А. Кищинского было возложено руководство орнитологическим отрядом советско-монгольской экспедиции. Он отдавал себе отчёт в том, что изучение птиц Монголии займёт годы.

Обложка автореферата докторской диссертации А.А. Кицинского

Вместе с тем он понимал, что генеральную обработку и обобщение материалов по северо-востоку Сибири откладывать нельзя, что накопленные материалы уже позволяют сделать эти обобщения весомыми и убедительными. Поэтому с середины 1976 года А.А. Кицинский приступил к систематической подготовке сводной работы, которую он закончил в 1978 году и представил в качестве докторской диссертации. 16 октября 1979 года диссертация «Пространственные и экологические связи авифауны Северо-Восточной Азии» была блистательно защищена.

Нужно заметить, что подготовка диссертации не занимала всего времени без остатка. Параллельно с завершением диссертационной работы А.А. Кицинский много сил отдавал и другим трудам. В частности, в это время была начата подготовка многотомной коллективной монографии «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии». А.А. Кицинский оказался в числе основных организаторов работ по этой монографии, и первые два тома вышли в 1978–1979 годы под его редакцией, что во многом определило их исключительно высокие качества. Помимо общего редактирования лично А.А. Кицинским были написаны несколько разделов монографии (миграции гагар, поганок, многих веслоногих и цапель, большинства гусеобразных) и дан анализ миграций рассматриваемых групп птиц в целом.

Отзыв

на автореферат диссертации Кищинского А.А. "Пространственные и экологические связи авifaуны северо-восточной Азии" на основании ученой степени доктора биологических наук.

В связи с возростанием темпы хозяйственного освоения Севера детальное изучение разных компонентов северных экосистем имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение для рационального использования и охраны биологических ресурсов Севера. Важное место среди этих ресурсов занимают птицы, поэтому тема диссертации весьма актуальна. Актуальность диссертации усиливается еще и тем, что работа проведена в мало изученном регионе — на северо-востоке Азии, где условия обитания и распространение птиц еще относительно мало изучались под влиянием антропогенных факторов.

Своей основной задачей диссертант поставил исследование распространения и экологии птиц северо-восточной Азии. В течение 15-ти лет во время многочисленных экспедиций в зонах тундры, лесотундры и в горных массивах изучаемого региона разрабатывая современными методами полезны исследованиями диссертант собрал богатый и разнообразный материал. Это позволило диссертанту в своей работе рассмотреть весьма различные аспекты распространения и экологии птиц — начиная от общих и специфических для севера проблем орнитogeографии и популяционной экологии (например, динамика внутриаурального размещения) и заканчивая рассмотрением различных вопросов, связанных с ролью птиц как компонентов северных экосистем (численность, биомасса, трансформация и перенос энергии и вещества и т.д. и т. п.) и изучая основы рационального использования и охраны птиц северо-восточной Азии. При этом большое внимание уделялось экологическим факторам,

-2-

определяющими распространение птиц и их связи с сообществами, т.е., например, которые диссертант назвал экологической зоогеографией.

Несмотря на весьма широкий диапазон изучаемых проблем, все затронутые вопросы, судя по автореферату, разработаны детально и глубоко. Кроме того, наряду с вычленившими закономерности диссертант всегда высказывает свои мнения об их адаптивном характере, об их биологическом значении. В обеих вышеупомянутых отношениях диссертация тов. А.А. Кищинского выгодно отличается от других известных мне работ одного автора.

Не будучи специалистом столь широкого профиля, я, разумеется, не могу одинаково оценить оригинальность и научную новизну всех частных вопросов, затронутых диссертантом. Несомненной и большой заслугой диссертанта является само по себе накопление и умелая всесторонняя научная обработка обширной новой информации о распространении и биологии птиц очень слабо изученного в орнитологическом отношении региона СССР. Наряду с уточнением гнездовых ареалов 75 местных видов птиц и разработкой подзаголовков о структуре гнездового ареала птиц в северных биомех, весьма ценны все (фактические данные о роли птиц как компонентов северных экосистем (для птиц в биомехе и потоки энергии, трофические связи, экологические адаптации и поведенческие аспекты и доступности пищи, воздействие на популяцию некоторых беззверообразных и т.д.). Как орнитологу, работающему в основном в области популяционной экологии, мне кажется необходимым особенно подчеркнуть важность вывода диссертанта о динамичности пространственных связей ряда плотоядных птиц в северных биомех. Наряду с расширением наших знаний о закономерностях популяционной экологии, это послужит источником ряда новых рабочих гипотез и частных рабочих программ для изучения общих закономерностей территориальных связей птиц в зависи-

-3-

мости от условий обитания.

Несомненно очень большое практическое значение исследования диссертанта, для организации рационального использования и охраны северных птиц, реализация которых проводится при непосредственном участии диссертанта (участие в подготовке международных конвенций, "Двухтомной книги СССР", разработкам предложений по охране и управлению популяциями и сохранению среды обитания птиц).

Считаю, что за свою диссертацию "Пространственные и экологические связи авifaуны северо-восточной Азии" тов. А.А. Кищинский, безусловно, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора биологических наук по специальности 03.00.05. — зоология.

Зам.директора по научной работе
Института биологии АН Латвийской ССР,
руководитель лаборатории орнитологии,
канд. биол. наук
X.A. Михельсон

Подпись *т. X.A. Михельсона*
завершено

Отзыв на автореферат докторской диссертации А.А. Кищинского руководителя лаборатории орнитологии Института биологии АН Латвийской ССР X.A. Михельсона
Из архива Руслана Матрозица (Рига)

В 1978 году начался новый период экспедиционных работ — изучение орнитологической фауны Монголии. Александр Александрович, теперь уже в роли начальника орнитологического отряда

советско-монгольской экспедиции, с энтузиазмом взялся за работу. Помимо возможности изучения птиц нового для него района его привлекала перспектива проверить некоторые предположения о пространственных взаимоотношениях между центрально-азиатским и бореальным орнитокомплексами. В 1978–1980 годы совместно с В.Е. Фоминым и монгольскими орнитологами А. Болдом и Н. Цэвэ-энмядагом была обследована огромная территория восточных аймаков МНР, труднодоступные районы Монгольского Алтая, Центрального Хангая, Гобийского Алтая, Заалтайской Гоби.

Таким образом, за три года экспедиционных работ была изучена значительная часть наименее известных в орнитологическом отношении районов Монголии. Были получены уникальные материалы по распространению, биологии и численности птиц, собрана орнитологическая коллекция более чем в 1200 экземпляров. Материал этот должен был войти в сводку «Птицы Монгольской Народной Республики», подготовка которой была уже начата А.А. Кищинским. Однако экспедиция 1980 года оказалась последней. Он вернулся в середине августа из Монголии совершенно больным, и никакие усилия уже не могли его спасти. 14 сентября 1980 года в возрасте 43 лет А.А. Кищинский скончался.

Оценить научное наследие Александра Александровича — задача не простая. Для него было чрезвычайно характерно органическое сочетание абстрактного мышления, широкого теоретизирования с глубокими личными знаниями экологии, систематики и распространения птиц, полученными во время многочисленных экспедиций. Именно это сочетание лежит в основе тех широких обобщений, к которым он пришёл и только ещё подходил. Пожалуй, наиболее ярким выражением его научного кредо стала докторская диссертация, которая увидела свет уже после кончины А.А. Кищинского. Судьба этой рукописи нетривиальна. Она долго хранилась в семейных архивах, однако позже по инициативе Московского общества испытателей природы и Всесоюзного орнитологического общества была предложена к печати. Причины такого необычного посмертного издания просты: материалы рукописи настолько важны для понимания ряда краеугольных вопросов орнитогеографии, что без использования научной общественностью этой работы дальнейшее изучение птиц Восточной Сибири стало бы практически бессмысленным. Монография «Орнитофауна северо-востока Азии» (1988) явилась достойным завершением цикла исследований А.А. Кищинского по птицам тундр Сибири. Общие теоретические разработки Алек-

сандра Александровича представляют собой творческое развитие классических методов русской зоогеографической школы, созданной П.П. Сушкиным и продолженной работами Е.В. Козловой, Б.К. Штегмана и К.А. Юдина. Вместе с тем они отличаются особым вниманием к экологическим факторам, обуславливающим современное и прошлое распространение птиц. Изучение роли и места их в экосистемах Севера позволило А.А. Кищинскому дать чёткое экологическое объяснение ряда спорных вопросов территориального размещения птиц и его изменений во времени. Вот основные из этих положений.

Одной из важнейших адаптаций птиц к жизни в особых природных условиях Севера является полифагия, свойственная многим видам. Она обеспечивает им возможность лёгкого перехода от потребления одного массового вида корма на питание другим, более обильным в том или ином году или сезоне. Другая их адаптация — чёткая приуроченность сроков появления молодняка у многих видов птиц к периоду наибольшего обилия необходимых им кормов. Весьма характерна для птиц, входящих в состав арктических экосистем, своеобразная сезонная динамика численности их популяций. Она выражается в том, что после откладки яиц у многих видов на местах гнездования остаются только особи, принимающие непосредственное участие в насиживании яиц и воспитании молодняка. Вся остальная часть местной популяции покидает места гнездования, что существенно снижает численность потребителей наиболее важных кормов, а значит — и интенсивность пищевой конкуренции, и обеспечивает выживание молодняка даже при скудных запасах корма.

Сходное значение имеет летняя откочёвка птиц многих видов на север от области их гнездования сразу же после завершения периода размножения. Она позволяет населению этих видов использовать кормовые ресурсы тех арктических районов, в которых их успешное гнездование невозможно по климатическим условиям.

Наконец, наиболее широко распространённой и замечательной адаптацией птиц к жизни в условиях крайней нестабильности тундровых экосистем, для которых характерны резкие изменения численности многих видов животных, служит непостоянство мест гнездования локальных популяций птиц и перемещение их в разные годы на значительные расстояния. В связи с этим высказывается предположение, что 5–10-кратные изменения численности птиц по годам, регистрируемые в некоторых районах, обязаны не столько росту или

сокращению численности их популяций, сколько перемещению последних из одних районов в другие.

Подобные перемещения населения птиц в пределах гнездовой части их ареалов А.А. Кищинский обозначает как «номадный тип территориальных связей», адаптированный к нестабильности арктических экосистем. Это обуславливает необходимость изучения структуры ареалов птиц арктической фауны и особенно области их гнездования. Предложено называть «максимальной областью гнездования» всю территорию, в пределах которой вид зарегистрирован на гнездовье хотя бы однажды в тот или иной год. По размерам эта область значительно превышает площади, на которых вид гнездится в те или иные конкретные годы. В её пределах выделяется «основная область гнездования», в которой вид гнездится регулярно. Остальная часть территории гнездового ареала составляет область спорадического гнездования.

Для выяснения структуры и происхождения авифауны приполярных областей на примере северо-востока Азии Александр Александрович применил разработанный им биогеографический метод восстановления истории фауны. Для этой цели наиболее результативно изучение относительно стенобионтных видов при допущении, что их реакция на среду обитания достаточно устойчива и сохраняется на протяжении геологических периодов. При реализации этой идеи А.А. Кищинским были детально изучены гнездовые ареалы 280 видов птиц (включая подвиды), их связи с различными ландшафтами, а также особенности биологии.

Результаты проведенной работы отчётливо показали, что авифауна Арктики и Субарктики весьма гетерогенна и состоит из трёх основных зоогеографических комплексов. Первый из них — эоарктический, представители которого населяют арктические и типичные тундры. Они практически совсем не проникают в лесотундру. Второй комплекс — гипоарктический — представлен видами, имеющими более обширные ареалы. Они обитают в типичных и кустарниковых тундрах и в лесотундре, причём наиболее характерны для двух последних типов ландшафта. Многие из них проникают в зону тайги, а некоторые даже в лесостепь, где они привязаны к реликтовым ландшафтам, сохранившимся с перигляциального времени. Их нахождение там — явление древнее, а разрыв в ареалах, по мнению А.А. Кищинского, произошёл тогда, когда обширная зона тундро-степей была разрезана полосой таёжных лесов. Обитатели

тайги образуют третий, бореальный фаунистический комплекс. Очень важен вывод о том, что фауна птиц лиственничных редколесий, занимающих огромные пространства на северо-востоке Азии, имеет значительно более тесные связи с фауной лесотундры, нежели с фауной темнохвойных бореальных лесов. Её скорее следует относить к гипоарктическому комплексу.

Эоарктические виды, по представлению А.А. Кищинского, чужды современной бореальной фауне, господствующей южнее. Часть их можно считать неозндемиками Арктики, происшедшими от гипоарктических и даже бореальных форм, но эволюционировавших в условиях безлесных полярных ландшафтов. Большая часть представителей гипоарктического комплекса формировалась в пределах лесной зоны, причём ареной их становления могли служить олиготрофные озёра, верещатники и опушки лесов.

Существенными центрами формирования региональных фаун северо-востока Азии, по мнению А.А. Кищинского, могли быть древние горные страны Восточной Азии и северо-запада Америки. Им установлено, что генетические корни арктоальпийской фауны лежат не на Севере, как предполагалось, а частично в аридных ландшафтах Западной Палеарктики, частью же в горах Берингии. Важное биогеографическое значение имеет вывод А.А. Кищинского о том, что зоогеографические данные в полном согласии с данными ботанической географии и географии почв свидетельствуют о существовании гипоарктического биогеографического пояса, противопоставляемого собственно арктическому и таёжно-бореальному.

Таковы основные теоретические построения А.А. Кищинского в области зоогеографии и экологии. Однако его вклад в науку, его особые достоинства этим далеко не исчерпываются. Он был исключительно и многосторонне одарён от природы. Несгибаемая воля, великолепная память, поразительное трудолюбие и аккуратность определили его качества как учёного. А.А. Кищинский прекрасно знал не только птиц, но и другие группы животных — млекопитающих, насекомых. Его небольшая монография по белому медведю (1975) — бесспорно, лучшая работа по этому изрядно заезженному виду, написанная на русском языке. Не менее успешно и легко ориентировался А.А. Кищинский и в растениях. Он свободно читал на нескольких европейских языках, в том числе скандинавских, а английским владел в совершенстве. Это позволяло ему быть в курсе всех последних достижений в области как теории, так и методики исследований. Многие годы А.А. Кищинский был одним из наиболее активных референтов ВИНТИ, и

это поставило его в ряды лучших знатоков научной биологической литературы. Не существовало предмета, по поводу которого он не мог бы дать исчерпывающую справку или разъяснение. Он был настоящим эрудитом, энциклопедистом в лучшем понимании этого слова, человеком глубокой научной культуры. В этом отношении он мог сравниться с одним из своих главных учителей — Г.П. Дементьевым.

А.А. Кищинский был великолепным полевым работником, неутомимым, целеустремлённым, настойчивым. Для него экспедиционная работа была именно работой, а не данью романтическим настроениям, как это нередко бывает в реальной жизни. Много полевых сезонов мы провели с ним бок о бок, ночуя в одной палатке, хлебая кашу из одного котелка, и я никогда не переставал восхищаться им и даже слегка завидовать. А.А. Кищинский прекрасно стрелял, совершенно не будучи охотником. Часами он с нескрываемым удовольствием препарировал птиц, стараясь сделать тушки как можно красивее, а затем любовно укладывал их в специальные коробки. И брал от каждой добытой птицы максимум: содержимое зоба и желудка, все промеры, паразитов и т.д. Коллекции тушек, которые А.А. Кищинский привозил из экспедиций, всегда отличались исчерпывающей документированностью и высоким качеством препарирования. Очень важно, что он никогда не собирал личных коллекций и весь материал передавал в Зоологический музей МГУ. Он в совершенстве владел всеми подсобными методиками полевых исследований: замечательно «читал» карту, был хорошим фотографом, мог моментально сделать карандашный набросок позы птицы или плана местности. Меня всегда поражала система ведения дневников, которую А.А. Кищинский разработал и неуклонно выдерживал: на ходу, во время маршрутного обследования, он постоянно приостанавливался на секунду и что-то чиркал в мягкой записной книжке. А в лагере скрупулезно расшифровывал эти малопонятные значки и переписывал весь дневной «улов» своим мелким и воистину каллиграфическим почерком в толстую тетрадь с твёрдым переплетом. Записи эти были настолько исчерпывающими, что по возвращении в Москву А.А. Кищинский просто перепечатывал их на машинке и сдавал в какой-нибудь сборник в виде готовой рукописи. Работоспособность и неутомимость его не знали границ. Тяжело нагруженный рюкзаком, ружьём, фотоаппаратом, биноклем, он мог сутками бродить по болотистой кочковатой тундре, а вернувшись в лагерь, тут же, без отдыха, сесть препарировать добытых птиц и провести за этой работой долгие часы, пока всё не будет приведено в порядок, все этикетки

написаны и привязаны к тушкам. Напрасно было звать его перекусить или выпить чаю — он будто и не слышал этих призывов.

Неверно, однако, было бы представлять А.А. Кищинского только учёным. Он постоянно вёл и большую научно-организационную работу. Формально он никогда не занимал руководящих постов ни в государственных, ни в общественных организациях, но, вместе с тем, был исключительно важной «рабочей пружиной» в деятельности Всесоюзного орнитологического комитета СССР, при подготовке различных конференций и совещаний, в том числе и при подготовке XVIII Международного орнитологического конгресса, проходившего в Москве. А.А. Кищинский был прирождённым редактором и мог из самой безобразной рукописи сделать вполне пригодную для публикации вещь. Он был членом редколлегии сборника «Орнитология», многотомной монографии «Птицы СССР» и других изданий.

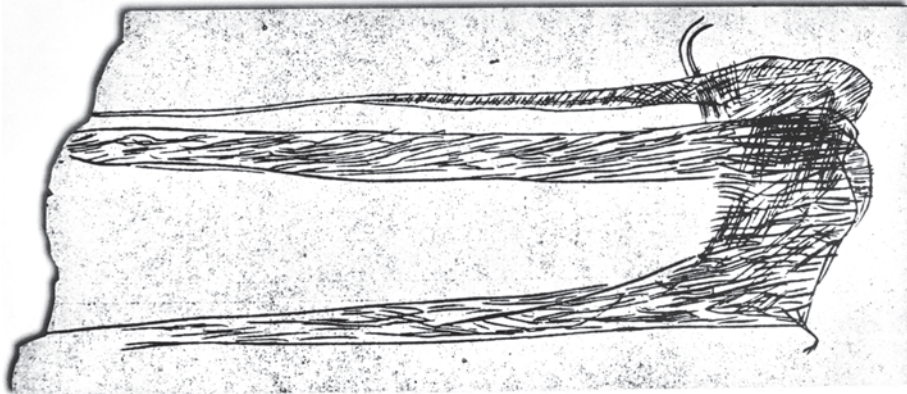
Активное участие принимал А.А. Кищинский и в международной работе. Он занимал несколько ответственных постов в международных организациях, участвовал в международных конгрессах, неоднократно выезжал в США, Францию, Японию, Нидерланды, Югославию, Канаду, Индию и другие страны. Среди зарубежных коллег он пользовался огромным уважением и авторитетом.

Оценивая вклад А.А. Кищинского в науку, особенно в отечественную орнитологию, анализируя его биографию, не перестаёшь удивляться, как много ему удалось сделать за такую короткую жизнь. Восхищение вызывают и его духовные качества, удивительная способность видеть самое главное в любой проблеме, способность и готовность дать по-настоящему мудрый совет в любой ситуации, и всё это в соединении с личным обаянием, скромностью, особой чистотой и внутренней душевной теплотой! Неудивительно, что это влекло к нему людей самых разных характеров, разных поколений. Для молодёжи он был кумиром, для старших — верным и надёжным другом. Таким он и останется в нашей памяти.

Владимир Евгеньевич Флинт, профессор, доктор биологических наук

История с уникальным бивнем мамонта

Валентин Юрьевич Ильяшенко поведал интересную историю с уникальным бивнем мамонта, привезённым Владимиром Евгеньевичем Флинтом из экспедиции, в которой он работал вместе с А.А. Кищинским.

Рисунок бивня мамонта

«Этот бивень видели многие, в том числе я. Владимир Евгеньевич Флинт рассказывал, как ему его продали за бутылку спирта якуты, как он отдавал его в ЗИН для исследования, где было выяснено, что изображение длинноногого мамонта с мамонтёнком в утробе матери процарапаны алмазом. Сергей Винтер просил сделать фото для его знакомой, которая опубликовала книгу об истории косторезания (на обложке поместила это фото). Бивень стоял в книжном шкафу среди рогов оленя. Стоимость этого бивня не малая. В мире только два таких».

Сергей Владимирович Винтер уточняет:

«Когда я решил помочь коллеге-художнице, писавшей книгу-альбом про художественную резьбу по кости и, конечно же, не знавшей об упомянутом бивне, я обратился к Вале, приславшем мне статьи Владимира Евгеньевича и зиновских палеонтологов, где и была ч/б иллюстрация бивня. Эта иллюстрация показана ниже, хотя основной фон бивня был «благородным», желтовато-кремовым с чёрной нарезкой рисунка.

Рисунок бивня был опубликован в следующих статьях:

Флинт В.Е. 1972. Уникальная находка в Берелёхе // Природа, № 8: с. 94, фото на обложке.

Бадер О.Н., Флинт В.Е. 1977. Гравировка на бивне мамонта с Берелёха // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири, Труды ЗИН, Т. 72. С. 68–72.

Отзывы коллег о Кищинском

А.А. Кищинский, по моему мнению, — это гений в нашей орнитологии второй половины XX века. Он оставил нам очень много идей, мыслей, методов и материалов для осмысления вопросов фаунистики, зоогеографии, экологии птиц. Его работы по орнитогеографии севера Евразии я сам постоянно использую в своих построениях до сих пор. Конечно же, ему необходим памятник!

И нынешним поколениям наших орнитологов нельзя забывать о нём.

Я сам непосредственно встречался с ним всего 2–3 раза в Зоо-музее МГУ зимой 75/76 и 77/78 годов, когда ненадолго приезжал в Москву для обработки своих сборов птиц из Предкавказья.

Обычно мы работали тогда вместе с Л.С. Степаняном на хорах Зоомузея, сортируя там на широких столах своих птиц по регионам и подвидам, а на «перекуры» спускались вниз, где иногда собирались наши мэтры — В.Е. Флинт, Р.Л. Бёме, А.А. Винокуров, С.М. Успенский, А.А. Кищинский, а также приезжавший в Москву для рисования птиц Ю.В. Костин. Там шли оживлённые разговоры на разные темы, но я, тогда ещё только начинавший свой путь в орнитологию, сразу же выделил среди них А.А. Кищинского, который поразил меня своей эрудицией, кругозором и логичностью суждений при отстаивании собственных взглядов или мнений.

К сожалению, все детали этих дискуссий сейчас я не помню, но Александр Александрович с тех пор стал для меня своего рода кумиром, а его книги и статьи у меня и сейчас всегда под рукой. Особенно его докторская диссертация — «Орнитофауна Северо-Востока Азии».

Виктор Павлович Белик, профессор, доктор биологических наук

****

Мы с ним общались очень мало, но он относился к тем людям, которые сразу же располагают к себе и остаются в памяти на всю жизнь. Запомнились его яркие и насыщенные не только фактами, но и мыслями публикации и выступления, которые и сегодня помогают выбрать направления исследований. Его участие в редколлегии «Зоологического журнала», где к нему с большой теплотой относились как члены редколлегии, так и сотрудники редакции, гарантировало высокий уровень публикаций и одновременно помогало авторам по-

нять то, что в их работе представляет интерес, а что и как нужно исправить. Его преждевременный уход был для всех, кто знал Александра Александровича, огромной потерей.

В 1970-е годы Александр Александрович уделял большое внимание выяснению генезиса авифауны Арктики, экологии и взаимосвязям обитателей тундр, степей и пустынь. Не случайно, что после исследований Крайнего Севера он возглавил Монгольскую экспедицию. Запомнилось, что его, как никого другого, взволновали наши первые находки гнездящихся в бассейне Среднего и Нижнего Амура полярной овсянки и конька Мензбира. Он рассчитывал побывать на Амуре при первой возможности. Не получилось...

*Сергей Михайлович Смиренский, кандидат биологических наук,
Елена Михайловна Смиренская*

О детях и внуках Александра Александровича Кищинского

В этой книге уже кое-что написано об Андрее и Юле — сыне и дочери Александра Александровича, а я хочу рассказать о том, как сложилась их жизнь, особенно после смерти отца.

Прежде всего, о нашем старшем сыне. Ещё будучи младенцем в Петропавловске-Камчатском, Андрюша был очень спокойным малышом. Мы с Сашей укладывали его спать и отправлялись в кинотеатр посмотреть фильм, а когда возвращались домой, он всё ещё спокойно спал в своей кроватке. Андрюша прекрасно вёл себя, когда его отвезли на Кубань в село Долиновка к моим родителям. Потом без проблем пошёл в детский сад, а в школе учился совершенно самостоятельно. Он вообще был очень самостоятельным и серьёзным. Мне никогда не приходилось помогать ему с домашними заданиями.

Закончив школу, поступил в МИРЕА — институт, в котором я никогда не была и даже не знала, где он находится. Ещё не окончив институт, в 20 лет, Андрей женился на своей однокласснице Ирине Владиславовне Кирьяновой, и незадолго до смерти отца 12 мая 1980 года у них родилась дочь Тата (Татьяна Андреевна Кищинская), а спустя шесть лет и сын Саша (Александр Андреевич Кищинский).

В 2004 году в нашей семье случилась страшная беда — умерла Ира, первая жена Андрея. Во второй раз Андрей женился только в 2010 году на Людмиле Алексеевне Ушаковой, с которой они счастливо живут и сейчас. У них родились Валя (Валентина Андреевна Кищинская) и Ваня (Иван Андреевич Кищинский).

Андрей Кищинский с бабушкой Ириной Фёдоровной и дедом Михаилом Алексеевичем. Село Долиновка, 1961 г.

Татьяна Андреевна Кицинская, старшая внучка А.А. Кицинского, 2024 г. Сейчас живёт в Канберре с мужем Иваном и двумя детьми Дашей и Феликсом. Работает в сфере ИТ, занимается геоинформационными системами

Александр Андреевич Кицинский, старший внук А.А. Кицинского, 2024 г. Занимается разработкой игр, преподает в колледже, имеет свою международную ИТ-компанию

Иван Андреевич Кицинский, младший внук А.А. Кицинского, 2024 г., живёт в Москве, учится в школе

Валентина Андреевна Кицинская, младшая внучка А.А. Кицинского, 2024 г. Живёт в Москве, учится в школе, увлекается биологией

*Андрей Александрович Кищинский,
2022 г., Москва*

*Екатерина Константиновна Быстрова,
средняя внучка А.А. Кищинского, 2024 г.,
руководит семейной ИТ-компанией*

*Юлия Александровна Быстрова
(Кищинская), 2024 г., Москва*

Я этих двоих называю вторым поколением внуков, а у старшей дочери Андрея родились двое, Дарья и Феликс, так что теперь он отец четверых детей и дедушка двух внуков. Он прекрасный отец, и дети его обожают. Никогда не повышает голос на детей и постоянно с ними путешествует, несмотря на свою занятость на работе. Он соучредитель АО «Микроволновые системы», заместитель генерального директора и главный конструктор этой компании. Как и его отец, Андрей очень трудолюбивый и пользуется уважением сотрудников и коллег. Он отличный сын. Внимателен ко мне и всегда готов помочь.

Новый 2007-й год у бабушки в Лобне. Слева направо: Тата Кищинская, Саша Кищинский, Андрей Кищинский, Елена Михайловна, Юля Быстрова (Кищинская), Катя Быстрова

Что касается Юлии Александровны Быстровой (в девичестве Кищинской), скажу, что она не была такой же спокойной, как её брат, но школу закончила успешно и основательно изучила английский язык. В 1994 году вышла замуж за Константина Валерьевича Быстрова. В 1996 году у них родилась дочь Катя (Екатерина Константиновна Быстрова), которая в последние годы стала коллегой и помощницей мамы во всех делах.

К сожалению, брак Юлии и Константина распался, они развелись в 2004 году. В 2014 году Юля вышла замуж за Кирилла Станиславовича Вавилова и живёт с ним в счастливом браке по сей день. Без сомнения, Юля такая же трудолюбивая, как её старший брат. Я это точно знаю, поскольку уже в 1994 году она пришла работать в компанию (ООО Дата+), которую мы с моим младшим другом и коллегой Сергеем Болеславовичем Ростоцким основали в 1992 году. А с 2008 года и до настоящего времени Юля возглавляет этот бизнес. Она прекрасная, очень заботливая дочь.

Я очень люблю наших детей, внуков и правнуков и горюю, что Александру Александровичу не пришлось узнать их взрослыми и достойными людьми.

Елена Михайловна Шевченко

Мой отец — воспоминания дочери, Юлии Александровны Быстровой (в дев. Кищинской)

Мне 4 года. Я сижу на коленях у отца, а он пишет письма, сидя за письменным столом. Он учёный. Мне интересно, почему на конверте два адреса. Он объясняет, что второй адрес наш. Он нужен, чтобы ответ на письмо дошёл обратно.

Потом я в ванной, заперта. Стираю свой сарафан. Рисовала красками, и почему-то интереснее было рисовать на сарафане, чем на бумаге. Отец сказал, пока не отстираю, не выйду.

Потом мы на диване. Он читает. Я играю с медведем. Кормлю его из металлической ложки. Очень интересно было залезть ложкой в цоколь для электрической лампочки. Искры... потом не помню ничего.

Папа и мама стоят по разные стороны комнаты и катают коляску, в которой сижу я. Всем ужасно весело, пока коляска неожиданно не переворачивается посреди комнаты.

Как-то мама забрала меня из детского сада. Мы шли по обычной дорожке вдоль пятиэтажек. Возле одного из подъездов мама остановилась и села на скамейку. Она сказала, что папы больше нет, он больше не придёт. Он умер. Я не поняла, что это значит. Поняла только потом, когда мама рыдала навзрыд в следующие дни и на поминках. Тогда мне стало очень плохо, и я тоже рыдала.

Отец умер от рака желудка. У него были страшные боли. Последние десять дней мама провела с ним в одной палате, где ей поставили дополнительную кровать, и поздно ночью с 14 на 15 сентября он умер. Его последние слова были: «Лена, помоги мне».

Лето. Киев. Второй этаж пятиэтажки. На балконе в горшках цветут ноготки и душистый табак. И ветки вишни залезают через ограждение. Можно даже сорвать пару вишен. Я торчу во дворе по возможности целый день. Там подружки, куклы, игра в школу или больницу. Но каждый день бабушка занимается со мной арифметикой и чтением. Каждый день мы записываем в тетрадку небольшое стихотворение и выучиваем его наизусть. Мне уже 5 лет. Дед — высокий, совсем лысый старик, который любит меня беззаветно. Он не родной мне дед, он второй муж бабушки. Я называю их Наташа и Ваня. Не знаю, почему, но бабушку никогда не называла бабушкой.

Родного деда расстреляли в 1938 году. Судьба моей бабушки Наташи удивительно, просто обескураживающе горька. Из четверых

детей в семье она была самая толковая и самая весёлая, хотя не самая красивая. Её первый муж был талантливым инженером, строил мосты. Они поженились в конце двадцатых годов и родили дочь. А в феврале 1937 года — сына, моего отца. В 1938 году деда арестовали по доносу коллег. Его вели по длинному коридору, в конце он обернулся, и бабушка поняла, что это последний раз, когда она видит мужа.

Его расстреляли в том же году через 5 месяцев без одной недели. Но бабушке об этом не сообщили, и на протяжении многих лет она носила письма и передачи для него. И терпеливо продолжала ждать.

После ареста из квартиры забрали всю мебель. Каким-то чудом ей — жене врага народа — удалось сохранить работу, держать всё в тайне. Как-то она шла по улице и плакала. И вдруг уткнулась прямо в пальто своего начальника. Большое самообладание потребовалось, чтобы сразу придумать историю о том, что болеют дети и что она очень устала и поэтому плачет, идя по улице.

Старшая дочь стала профессором литературы, преподавала в университете в Свердловске. А в 40 лет умерла от рака. А через 13 лет умер и мой отец.

Второй раз замуж бабушка вышла уже в 60 лет за Леводянского Ивана Васильевича, который любил её с юности и ждал. Он прошёл Первую мировую. Во Вторую мировую зимой, спасаясь от немцев, переплыл Днепр. Остался жив, хотя потерял одно легкое. Умер он в 90 лет. До конца был убеждённым коммунистом, и я даже рада, что он не застал перестройку, ушёл прямо перед тем, как всё началось. Ему было бы тяжело видеть, как рушатся идеалы.

Бабушка переехала к нам в Москву. Она до самого конца сохранила светлый ум и чувство юмора. Она готовила еду, следила за домом. Отвечала на мои расспросы о прошлом. Она ушла тоже в 90 лет. Но до конца жизни она сохранила страх, вернее, не смогла от него избавиться.

Мой отец был орнитологом. Очень талантливым учёным. Он очень многое успел сделать за свои 43 года. Сейчас прошло уже 43 года со дня его смерти, но его коллеги и ученики, и теперь уже ученики учеников, продолжают каждый год в его день рождения собираться вместе и вспоминать. Сейчас они называют эти встречи Клубом памяти ушедших друзей. Отец был вундеркиндом. В 4 года в детском саду воспитательница оставляла его в группе читать детям книжки. В семь лет по результатам собеседования его зачислили в 4-й класс. В 15 лет он уже поступил в университет. Нельзя сказать, что сверстники прощали ему такое. Из школы он часто приходил в порезанном пальто

Мама — школьница (слева) со старшей сестрой Тоней, Село Долиновка, 1949 г.

или весь закиданный снежками. Но ему было интересно то, чем он занимался. Ему были интересны птицы. В семь и девять лет он написал две книги. Это были определители птиц СССР, написанные от руки, но с цветными иллюстрациями. Он как будто очень торопился жить. Став взрослым, не мог терпеть тратить время на глупых людей.

Моя мама родилась за пять лет до начала войны в селе Долиновка на Кубани. В 1941 году её отец ушёл на фронт. Они с мамой и двумя сёстрами остались под немецкой оккупацией. Немцы жили в доме и забирали всю еду. Они чуть не застрелили младшую сестру, совсем ещё грудную, за то, что плакала и не могла успокоиться. Однажды чуть не застрелили мать, мою бабушку, требуя отдать гусей, спрятанных на чердаке. Спасла её старшая сестра, десяти лет, которая знала немецкий язык. Немцы так удивились, что оставили мать в покое, но гусей всё-таки забрали. А секрет был в том, что до войны в селе жили немцы-переселенцы и дети, общаясь между собой, выучили языки друг друга. А потом пришла война...

Мама всегда была отличницей. Ей очень нравилось учиться, хотя в школе не было учебников, а писать приходилось на полях газет.

После 7-ми классов мама поступила в нефтяной техникум на строительное отделение. Закончив его, была отправлена на работу в Сталинград — восстанавливать город после бомбёжек. Смотрю на

*Мама — студентка,
Москва, 1962 г.*

фотографию того времени — девушка с широченной улыбкой, совсем молоденькая, но с образованием, поэтому главная, и вокруг неё бригада — десяток высоких парней строителей, красавцев. Все они улыбаются. Хотя жизнь была нелёгкая, и есть особо было нечего.

Родители познакомились на танцах в городе Приморско-Ахтарске. Очень скоро поженились и уехали на зимовку на Камчатку по научным делам отца. И там у них родился сын — мой старший брат. Отец посоветовал маме начинать учить английский язык, чтобы помогать ему переводить иностранные публикации. Она по самоучителю выучила английский и поступила в институт иностранных языков имени Мориса Тореза.

Потом поступила на работу в Институт географии РАН, переводчиком. Там мама проработала 30 лет, сначала переводчиком, потом секретарём по международным связям. Работала в международной комиссии по проблемам окружающей среды, участвовала в организации международных географических симпозиумов и конференций. А ещё много лет была синхронистом. Я думаю, это самая напряжённая работа, которую только может выдержать человеческий мозг.

Меня мама родила в 39 лет. Насколько я знаю, отец не хотел ребёнка, считал, что уже поздно, и когда мама сказала, что беременна, ответил: «ну и дура». Но мама очень хотела. На улице не могла оторвать глаз от женщин с маленькими детьми. И как я понимаю, то, чего хотела мама, она получала. Сейчас она уже прабабушка, и мы с дочерью и племянками часто шутим, что если бабушка чего-то хочет, то лучше ей это дать, иначе она возьмёт сама.

А когда я родилась, папа, по рассказам бабушки и мамы, души во мне не чаял. Уже в 2 года сажал меня в походный рюкзак и брал с

Бабушка Ира и дед Миша. Ирина Федоровна Шевченко (в девичестве Плутенко) (1910–1995) и Михаил Алексеевич Шевченко (1906–1983). Село Долиновка, 1980 г.

собой в лес. Ночёвки в спальнике в лесу у костра я, кажется, помню не только по фотографиям. Помню пение птиц и ёлки, которые ночью казались волками.

Помню бабушкин и дедов дом на Кубани. Его построила моя мама, когда вернулась из Сталинграда. Лето. Моя кровать рядом с окном, выходящим на террасу, на окне белая тюлевая занавеска. Она колыхается от ветерка. Я просыпаюсь и не открываю глаза. С кухни слышатся голоса мамы и бабушки и доносится запах оладышков. Лежать в кровати замечательно, радостно от пробуждения, запаха, голосов и ожидания нового дня.

У дедушки с бабушкой выживших детей было четверо — четыре сестры. И у каждой по два ребёнка. И все мы иногда вместе, иногда порознь собирались в этом доме. Разница между старшими и младшими большая. У меня с братом — 15 лет. Но лето все проводили здесь. Бабушка была удивительной хозяйкой. В её хозяйстве был скотный двор, птичий двор, сад, огород и виноградник. Правда виноградником и вином занимался дед. Были свиньи, корова, куры, гуси, утки и индюшки. Был погреб во дворе под землёй с винными бочками, запасами картошки, лука и чего только там не было. Был большой сарай

На заднем плане Валентина Михайловна Нехаенко в Долиновке — селе в 40 км к северу от Краснодара в Краснодарском крае. Справа тётя Елены Михайловны и Валентины Михайловны (сестра матери) Ольга Фёдоровна Дзюбло.

с сеном. Было огромное черешневое дерево с раскидистыми ветвями, на которое мы забирались и лопали черешню. Она была тёмно-бордовая, размером с детский кулачок и необыкновенно сладкая. Были абрикосы, которые бабушка высушивала в курагу. Был малинник. И рыбалка на лодке плоскодонке, и потом сушёные рыбки на верёвочке на чердаке. Вкусные — не оторваться.

Воспоминания Валентины Михайловны Нехаенко (сестры жены А.А. Кищинского)

Саша Кищинский — муж моей сестры Лены. Когда она приехала домой в Долиновку, мы узнали, что они полюбили друг друга, и он должен приехать за Леной. Родители стали готовиться к встрече зятя, накрыли стол, пригласили родственников. Лена была счастлива и красива, в нарядном платье с красивыми бусами. Но уже наступил вечер, а Саши нет. Лена волновалась, но не подавала ви-

да, всё улыбалась. И, наконец, ребята появились. Саша приехал с другом. Помню, он был в рубашке в клетку, очень смущённый и очень красивый. Праздник состоялся. Родители сразу приняли Сашу как сына, он тоже был очень внимательный и, думаю, полюбил их как родных. Для нас с сёстрами Саша стал братом. Мы выросли в деревне, а Саша был особенный, очень умный и добрый. Ни одной минуты мы не чувствовали разницы в нашем происхождении. Настолько добрым и воспитанным был, что его полюбили все наши родственники и друзья. Мы гордились, что у Лены такой чудесный любимый и необыкновенно умный жених. Саша пытался делиться своими знаниями, рассказывал о птицах и своих увлечениях. Старался чем-то помочь родителям. Мы все полюбили Сашу, как брата, а папа с мамой, как сына, и человека, красивого во всём.

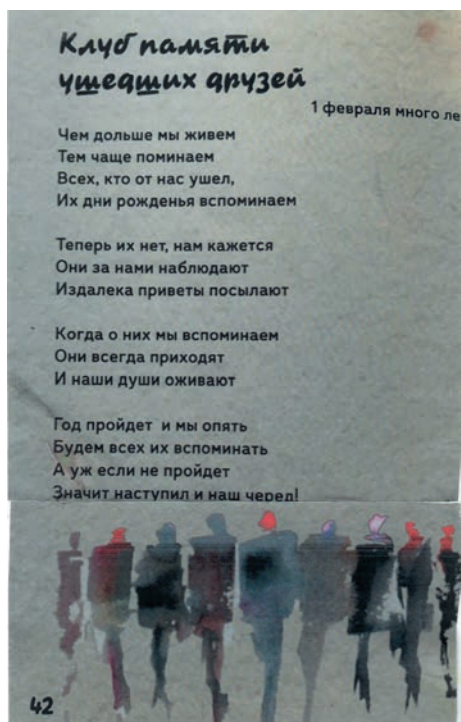
О Клубе памяти ушедших друзей

Саша умер 14 сентября 1980 года, а 1 февраля 1981-го, в день его рождения, у нас на Дмитровском шоссе собрались его коллеги орнитологи и не только. Была большая толпа людей. Все мужчины. Некоторых я знала хорошо, но были и совсем незнакомые. С большим трудом удалось всех усадить за столы, которые были в квартире. Теперь пытаюсь вспомнить тех, кого узнала. Конечно, были среди них В.Е. Флинт, Б.М. Новиков, П.С. Томкович, Н.Н. Дроздов, В.О. Таргульян, В.Г. Кривенко. Вспоминали Сашу, выпивали, плакали и, в конце концов, договорились основать в его честь Клуб орнитологов, а собираться члены этого клуба на заседания должны каждый год первого февраля. Такую идею предложил Владимир Евгеньевич Флинт — его и избрали председателем. Вплоть до 2016 года мы встречались там, где я жила со своей семьей, а переезжать мне пришлось несколько раз. Когда мы встречались у меня дома, гвоздём программы всегда были пирожки, и все спрашивали: «а пирожки будут?». В 2002 году, уже со взрослыми детьми, приобрели дом в СНТ «Гректон», где и заседали вплоть до 2016 года. В марте 2016 года наш дом сгорел вместе со всем, что в нём было, включая альбомы с фотографиями наших заседаний, которые много лет создавал Павел Станиславович Томкович. Тогда мы впервые собрались в ресторане, а когда меня не было в Москве, организовывали встречи онлайн. Годы шли и начали уходить члены нашего клуба. Все они в моем альбоме. Ушли 14 человек: в 2001 году ушли Юра Щадилов и Саша Головкин, в 2004 Ира Кищинская и наш

председатель Володя Флинт, в 2006 Олег Семёнович Габузов, в 2011 Женя Курочкин, в 2012 Адик Винокуров, в 2015 Ольга Россолимо, в 2016 Юра Попов, в 2017 Владик Фомин, в 2023 Рома Злотин и Витя Таргульян, и совсем недавно, в 2024 г., Володя Галушин. В Клуб приходят новые достойные и тщательно подобранные биологи, и сейчас их 26.

Владимир Евгеньевич Флинт предчувствовал, что скоро уйдёт, и рекомендовал нам после его ухода избрать председателем Пашу Томковича, что мы и сделали очень охотно — он добросовестно и успешно продолжает нами руководить. И когда ушёл наш любимый председатель, мы решили переименовать Клуб и стали называть его Клуб памяти ушедших друзей. Я лично уже давно не воспринимаю наши встречи как заседания. Члены Клуба теперь моя большая семья. Особенно теперь, когда я среди них самая старшая, я их воспринимаю как своих взрослых детей. Последние годы практическую организацию наших встреч взяли на себя наши с Сашей дети Андрей Александрович Кищинский и Юлия Александровна Быстрова. Надеюсь, что мои родные дети и молодые орнитологи достойно продолжат начатое нами дело.

Елена Михайловна Шевченко

Из книги стихов Леонтины Шевченко

Вот они, ушедшие друзья

*Кицинский Александр Александрович
14 сентября 1980 года*

*Щадилов Юрий Михайлович
16 августа 2001 года*

*Головкин Александр Николаевич
26 августа 2001 года*

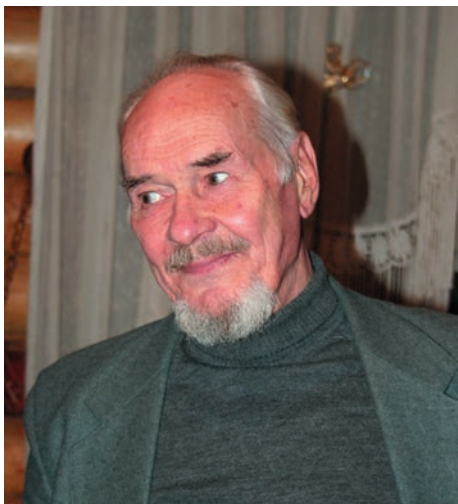
*Кицинская Ирина Владиславовна
22 марта 2004 года*

*Флинт Владимир Евгеньевич
23 марта 2004 года*

*Габузов Олег Семёнович
21 января 2006 года*

*Винокуров Ардалион Алексеевич
16 мая 2012 года*

*Курочкин Евгений Николаевич
13 декабря 2011 года*

*Россолимо Ольга Леонидовна
1 апреля 2015 года*

*Попов Юрий Александрович
16 ноября 2016 года*

*Фомин Владилен Егорович
17 октября 2017 года*

*Злотин Роман Исаевич
26 марта 2023 года*

*Таргульян Виктор Оганесович
1 апреля 2023 года*

*Галушин Владимир Михайлович
27 января 2024 года*

*Основатель Клуба Владимир
Евгеньевич Флинт и организатор
встреч Елена Михайловна Шевченко*

*Второй председатель клуба Павел
Станиславович Томкович*

Библиография работ А.А. Кищинского
(составлена Е.Э. Шергалиным и дополнена П.С. Томковичем)

1958

Кищинский А.А. 1958. К биологии кречета (*Falco falco gyrfalco* L.) на Кольском полуострове // Ученые записки МГУ, вып. 197. Орнитология. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 61–75.

1959

Кищинский А.А. 1959. Об особенностях биологии птиц в тундре // Вторая Всесоюзная орнитологическая конференция, Москва, 18–25 августа 1959 г.: Тезисы докладов. Ч. 3. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 12–13.

1960

Кищинский А.А. 1960. К фауне и экологии птиц Териберского района Мурманской области // Труды Кандалакшского государственного заповедника. Вып. 2. Мурманское книжное изд-во. С. 122–212.

Кищинский А.А. 1960. Современная авифауна лиманов северо-восточного Причерноморья и биология гнездящихся здесь чайковых птиц // Охрана природы и озеленение. Вып. 4. С. 69–75.

1961

Кищинский А.А. 1961. Об изменениях в орнитофауне Кольской тундры и расселении некоторых видов птиц // Проблемы Севера. Вып. 4. М.: Наука. С. 165–171.

1962

Кищинский А.А. 1962. К характеристике зимней жизни птиц Корякского нагорья // Материалы Всесоюзной орнитологической конференции. Кн. 2. Львов: изд-во Львовского ун-та. С. 26–28.

Переиздана в Рус. орнитол. журн., 27 (1700): 5806–5808 [2018].

1963

Портенко Л.А., Кищинский А.А., Чернявский Ф.Б. 1963. Млекопитающие Корякского нагорья: материалы по распространению, численности, биологии и экономическому значению. М.-Л.: изд-во АН СССР. 132 с.

1965

Кищинский А.А. 1965. Водоплавающие птицы Колымского нагорья // География ресурсов водоплавающих птиц в СССР, состояние запасов, пути их воспроизводства и правильного использования: Тезисы докладов совещания, 7–9 апреля 1965 г. Вып. 2. М.: Московское общество испытателей природы. Т. 2. С. 113–114.

Переиздана в Рус. орнитол. журн., 27 (1568): 768–770 [2018].

Кищинский А.А. 1965. Изменения в распространении песца в Северо-Восточной Сибири и на Камчатке // Вопросы географии Камчатки. Вып. 3. Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжн. изд-во. С. 21–30.

Кищинский А.А. 1965. К биологии некоторых горных птиц Колымского хребта // Орнитология. Вып. 7. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 217–225.

Кищинский А.А. 1965. Некоторые особенности жизни птиц в гольцовом поясе северо-восточной Сибири (Колымское нагорье) // Новости орнитологии: Материалы Четвертой Всесоюзной орнитологической конференции, 1–7 сентября 1965 г. Алма-Ата: Наука КазССР. С. 168–169.

Кищинский А.А. 1965. О биологии короткоклювого и пёстроного пыжиков // Новости орнитологии: Материалы Четвертой Всесоюзной орнитологической конференции, 1–7 сентября 1965 г. Алма-Ата: Наука КазССР. С. 169–170.

Переиздана в Рус. орнитол. журн., 32 (2370): 5442–5443 [2023]. В заглавии добавлены латинские названия видов *Brachyramphus brevirostris* и *B. perdix*.

Кищинский А.А. 1965. Орнитологические находки в южной части Колымского хребта // Орнитология. Вып. 7. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 473–474.

Переиздана в Рус. орнитол. журн., 26 (1440): 1810–1812 [2017]. EDN: YLOZMX

1966

Кищинский А.А. 1966. Биология лемминговидной полевки *Alticola (Aschizomys) macrotis* Radde в Колымском нагорье // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 71 (1): 43–50.

Кищинский А.А. 1966. Фауна наземных позвоночных Колымского нагорья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Ленинград: Зоол. ин-т АН СССР. 16 с.

1967

Кищинский А.А. 1967. К количественному анализу населения позвоночных альпийского пояса гор Северо-Восточной Сибири // Структура и функционально-биогеоценотическая роль животного населения суши (Материалы совещания 23–24 февраля 1967 г.). М.: Московское общество испытателей природы, Ин-т географии АН СССР. С. 44–46.

Кищинский А.А. 1967. Материалы о распространении диких копытных в Северо-Восточной Сибири // Проблемы Севера. Вып. 11. М.: Наука. С. 142–148.

Кищинский А.А. 1967. Снежный баран в Колымском нагорье // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 72 (4): 36–42.

Кищинский А.А. 1967. Фаунистическая характеристика горно-лесных ландшафтов северо-восточной Сибири // Растительность лесотундры и пути ее освоения. Вып. 7. Л.: Наука. С. 216–219.

1968

Кищинский А.А. 1968. О биологии короткоклювого и длинноклювого пыжиков // Орнитология. Вып. 9. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 208–213.

Кищинский А.А. 1968. Опыт ведения гагачьего хозяйства в Исландии // Обыкновенная гага в СССР: Труды междуведомственного совещания, Эстония, май 1966 г. Таллин: Валгус. С. 124–126.

Кищинский А.А. 1968. Птицы Колымского нагорья. М., Наука. 185 с.

Кищинский А.А. 1968. Распространение и экологические особенности популяций белой и тундровой куропаток в северо-восточной Сибири // Ресурсы тетеревиных птиц в СССР. (Географическое распространение, экологические особенности населения, использование и восстановление запасов): Материалы совещания, 2–4 апреля 1968 г. М.: Наука. С. 39–41.

1969

Кищинский А.А. 1969. О некоторых следствиях «сопряженной эволюции» специализированных хищников и видов, служащих им основной добычей // Орнитология в СССР. Книга вторая. Материалы (тезисы) Пятой Всесоюзной орнитологической конференции. Ашхабад: Ин-т зоологии АН ТуркмССР. С. 293–296.

1970

- Кищинский А.А. 1970. Животный мир // Север Дальнего Востока. М.: Наука. С. 300–332.
- Успенский С.М., Кищинский А.А. 1970. Ресурсы водоплавающих Севера // Охота и охотничье хозяйство. № 9. С. 24–25.
- Kistschinsky A.A. 1970. Ornithogeographical research in Kolyma Highlands // XV Congressus Internationalis Ornithologicus: Abstracts, the Hague, 30 Aug. – 5 Sept. 1970. P. 139–140.

1971

- Банников А.Г., Кищинский А.А. 1971. Казиранга — мечта зоолога // Природа, 5: 89–94.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 16 (388): 1567–1576 [2007]. EDN: IBKMMV.
- Кищинский А.А. 1971. Итоги и перспективы териологических и орнитологических исследований суши севера Дальнего Востока // Биологические ресурсы суши севера Дальнего Востока. Т. 2. Владивосток: Биолого-почв. ин-т ДВНЦ АН СССР. С. 293–299.
- Кищинский А.А. 1971. Направления и пути миграций птиц в притихоокеанских областях СССР в связи с проблемой арбовирусов // Материалы VI Симпозиума по изучению вирусов, экологически связанных с птицами. Омск. С. 35–36.
- Кищинский А.А. 1971. О формировании отличий в изолированной островной популяции дикого северного оленя // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 76 (1): 69–78.
- Kistchinski A.A. 1971. Biological notes on the Emperor Goose in north-east Siberia // Wildfowl, 22: 29–31.

1972

- Кищинский А.А. 1972. Водоплавающие птицы северного побережья Чукотского полуострова // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование. Т. 2. М.: Московское общество испытателей природы. С. 82–84.
- Кищинский А.А. 1972. Гаги на северном побережье Чукотского полуострова // Материалы 2-го Межведомственного совещания по изучению, охране и воспроизводству обыкновенной гаги. Кандалакша. С. 19–21.
- Кищинский А.А. 1972. К биологии гуся-белошея // Гуси в СССР. Труды Межведомственного совещания. Эстония, май 1970 г. Тарту: Ин-т зоологии и ботаники АН ЭССР. С. 149–162.
- Кищинский А.А. 1972. Наблюдения над гусями на северном побережье Чукотского полуострова // Гуси в СССР. Труды Межведомственного совещания. Эстония, май 1970 г. Тарту: Ин-т зоологии и ботаники АН ЭССР. С. 139–148.

- Кищинский А.А. 1972. Новые данные о распространении и биологии млекопитающих
Колымского нагорья // Териология. Т. 1. Новосибирск: Наука. С. 192–205.
- Кищинский А.А. 1972. Формирование горной териофауны Северо-Восточной
Сибири // Основные проблемы териологии: эволюция, зоогеография, экология
и морфология млекопитающих и происхождение домашних животных. Труды
Московского общества испытателей природы. Отд. биол. Секция зоология. Т.
48. М.: Наука. С. 177–198.
- Кищинский А.А., Флинт В.Е. 1972. Водоплавающие птицы прииндигирских тундр
// Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование.
Вып. 2. М.: Московское общество испытателей природы. С. 62–66.
- Кищинский А.А., Флинт В.Е. 1972. К биологии очковой гаги // Материалы 2-го
Межведомственного совещания по изучению, охране и воспроизводству
обыкновенной гаги. Кандалакша. С. 22–24.
- Успенский С.М., Кищинский А.А. 1972. Опыт авиаучета гусей на севере Западной
Сибири // Гуси в СССР. Тарту. Труды Межведомственного совещания. Эстония,
май 1970 г. Тарту: Ин-т зоологии и ботаники АН ЭССР. С. 106–116.
- Успенский С.М., Кищинский А.А. 1972. Опыт аэровизуального учета водо-
плавающих птиц в тундре // Охотоведение. Труды ЦНИЛ заповедников и
охотничьего хозяйства Главохоты РСФСР. Вып. 1. М.: Лесная промыш-
ленность. С. 210–234.
- Успенский С.М., Кищинский А.А. 1972. Численность водоплавающих птиц
в тундрах Западной Сибири // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их
воспроизводство и использование. Т. 2. М.: Московское общество испытателей
природы. С. 34–35.
- Kistchinski A.A. 1972. Life History of the Brown Bear (*Ursus arctos* L.) in North-East
Siberia // Bears: Their Biology and Management. Vol. 2; IUCN Publications new
series. No. 23. Morges, Switzerland. P. 67–73. <https://doi.org/10.2307/3872570>
- Kistchinski A.A. 1972. Ornithological research in the Kolyma Highlands // Proceedings
of the XVth International Ornithological Congress. Leiden. P. 659–660.
- Kistchinski A.A., Uspenski S.M. 1972. Immobilization and Tagging of Polar Bears
in Maternity Dens // Bears: Their Biology and Management. Vol. 2; IUCN Pub-
lications new series. No. 23. Morges, Switzerland. P. 172–180. <https://doi.org/10.2307/3872581>
- Uspenski S.M., Kistchinski A.A. 1972. New Data on the Winter Ecology of the Polar
Bear (*Ursus maritimus* Phipps) on Wrangel Island // Bears: Their Biology and
Management. Vol. 2; IUCN Publications new series. No. 23. Morges, Switzerland.
P. 181–197. <https://doi.org/10.2307/3872582>

1973

- Кищинский А.А. 1973. Биология размножения и брачное поведение плосконого
плавунчика в восточносибирских тундрах // Фауна и экология куликов. Вып.
1. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 51–52.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн. 12 (218): 388–389 [2003]. EDN: IUKCLD. В
заглавие добавлено латинское название вида *Phalaropus fulicarius*.
- Кищинский А.А. 1973. Материалы по питанию дутыша в тундре северо-восточной
Якутии // Фауна и экология куликов. Вып. 1. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 49–51.

- Кищинский А.А. 1973. Материалы по питанию острохвостого песочника в тундре северо-восточной Якутии // Фауна и экология куликов. Вып. 1. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 46–48.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 32 (2335): 3734–3736 [2023]. В заглавии добавлено латинское название вида *Calidris acuminata*.
- Кищинский А.А. 1973. Олюторский хребет // Соболь, куницы, харза: размещение запасов, экология, использование и охрана. М.: Наука. С. 115–118.
- Кищинский А.А. 1973. Северная часть Дальнего Востока // Соболь, куницы, харза: размещение запасов, экология, использование и охрана. М.: Наука. С. 110–114.
- Кищинский А.А. 1973. Учеты птиц с самолета // Методы учета охотничьих животных в лесной зоне. Труды Окского биосферного государственного природного заповедника. Вып. 9. Рязань: Рязанское отд. изд-ва «Московский рабочий». С. 197–224.
- Кищинский А.А., Успенский С.М. 1973. Новые данные по зимней экологии белого медведя на острове Врангеля // Экология и морфология белого медведя. М.: Наука. С. 10–28.
- Кищинский А.А., Флинт В.Е. 1973. Материалы по биологии американского бекасовидного веретенника в тундрах Восточной Сибири // Фауна и экология куликов. Вып. 1. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 52–55.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 24 (1207): 3888–3891 [2015]. EDN: UNOCWN. В заглавии добавлено латинское название вида *Limnodromus scolopaceus*.
- Кищинский А.А., Флинт В.Е. 1973. Материалы по биологии турухтана в Яно-Индибирской низменности // Фауна и экология куликов. Вып. 1. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 57–60.
- Кищинский А.А., Флинт В.Е. 1973. Правобережная индибирская популяция дикого северного оленя // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 78 (1): 5–9.
- Кищинский А.А., Флинт В.Е. 1973. Случай сдвоенного гнездования у кулика-воробья // Фауна и экология куликов. Вып. 1. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 56–57.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 24 (1204): 3799–3800 [2015]. EDN: UMBBYV. В заглавии добавлено латинское название вида *Calidris minuta*.
- Кищинский А.А., Чернов Ю.И. 1973. Данные о питании круглоногого плавунчика *Phalaropus lobatus* в дельте Индибирки // Фауна и экология куликов. Вып. 1. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 64–66.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 27 (1688): 5372–5374 [2018]. EDN: YLVCYZ. В заглавии добавлено латинское название вида *Phalaropus lobatus*.
- Кищинский А.А., Чернов Ю.И. 1973. Данные о питании плосконогого плавунчика в тундрах Восточной Сибири // Фауна и экология куликов. Вып. 1. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 61–64.
- Флинт В.Е., Кищинский А.А. 1973. Материалы по биологии острохвостого песочника // Фауна и экология куликов. М.: изд-во Моск. ун-та. Ч. 1. С. 100–105.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 24 (1202): 3714–3718 [2015]. В заглавии добавлено латинское название вида *Calidris acuminata*.
- Kistchinski A.A. 1973. Waterfowl in north-east Asia // Wildfowl, 24 (3): 88–102.

1974

- Денисов В.Д., Кищинский А.А. 1974. Конвенция об охране перелетных птиц между СССР и Японией // Охота и охотничье хозяйство. №3. С. 1–2.

- Кищинский А.А. 1974. Арктоальпийская авифауна и ее происхождение // Зоологический журнал, 53 (7): 1036–1051.
- Кищинский А.А. 1974. Биология и поведение кулика-дутьша в восточно-сибирских тундрах // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 79 (1): 73–88.
- Кищинский А.А. 1974. Водоплавающие птицы северо-востока Азии // Охота и охотничье хозяйство, № 2. С. 16–19.
- Кищинский А.А. 1974. К экологии белой куропатки на Новосибирских островах // Орнитология. Вып. 11. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 198–205.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 21 (805): 2533–2542 [2012]. EDN: PDITIL. В заглавие добавлено латинское название вида *Lagopus lagopus*.
- Kistchinski A.A. 1974. Birds in subarctic ecosystems // Abstracts XVIth International Ornithological Congress, Canberra, August 1974. Canberra. P. 141–142.
- Kistchinski A.A., Flint V.E. 1974. On the biology of the Spectacled Eider // Wildfowl, 25: 5–15.

1975

- Кищинский А.А. 1975. Белый медведь. М.: Лесная промышленность. 68 с.
- Кищинский А.А. 1975. Новосибирские острова // Тетеревиные птицы. М.: Наука. С. 27–30.
- Кищинский А.А. 1975. Островные популяции северного оленя в восточном секторе Советской Арктики и пути их рациональной эксплуатации // Дикий северный олень в СССР. М.: Советская Россия. С. 164–168.
- Кищинский А.А. 1975. Север Дальнего Востока // Тетеревиные птицы. М.: Наука. С. 136–156.
- Кищинский А.А., Злотин Р.И., Флинт В.Е. 1975. Гнездование американского лебедя (*Cygnus columbianus*) в Советском Союзе // Зоологический журнал, 65 (10): 1525–1528.
- Флинт В.Е., Кищинский А.А. 1975. Стерх в Японии // Зоологический журнал, 54 (8): 1197–1212.
- Флинт В.Е., Кищинский А.А. 1975. Стерх (*Grus leucogeranus* Pallas, 1773) в Якутии // Зоологический журнал, 54 (8): 1197–1212.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 24 (1208): 3895–3914 [2015].
- Kistchinski A.A. 1975. Breeding biology and behaviour of the Grey Phalarope *Phalaropus fulicarius* in East Siberia // Ibis, 117 (3): 285–301.

1976

- Кищинский А. 1976. Лебеди в Белоруссии // Охота и охотничье хозяйство. № 5. С. 44–45.
- Кищинский А.А. 1976. Основные элементы горных фаун северо-востока Сибири и северо-запада Америки и этапы формирования этих фаун (по данным биогеографического анализа) // В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток: ДВНЦ АН СССР. С. 368–375.
- Кищинский А. 1976. Рецензия: Е.В. Козлова «Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии». 1975. Изд-во «Наука», 251 стр. // Зоологический журнал, 55 (11): 1745–1747.
- Кищинский А. 1976. Численность, биомасса птиц и трансформация ими энергии в субарктических экосистемах // Экология, 5: 72–78.

Кищинский А.А. 1976. Численность водоплавающих птиц на Чукотском полуострове // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 81 (6): 40–50.

1977

Кищинский А.А. 1977. Понятие о гипоарктической и зоарктической авифаунах // VII Всесоюзная орнитологическая конференция: Тезисы докладов. Ч. 1. Киев: Наукова думка. С. 65–67.

Кищинский А.А. 1977. Принципы реконструкции истории авифауны биогеографическим методом // Адаптивные особенности и эволюция птиц. М.: Наука. С. 33–39.

Переиздана в Рус. орнитол. журн., 12 (213): 192–198 [2003]. EDN: IUKBYV

Кищинский А.А. 1977. Распространение и численность гуся-белошея в СССР // 7-я Всесоюзная орнитологическая конференция: Тезисы докладов. Ч. 2. Киев: Наукова думка. С. 219–220.

Кищинский А.А., Флинт В.Е. 1977. Численность и плотность популяций водоплавающих птиц в чукотских тундрах // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование. М.: Наука. С. 112–114.

Флинт В.Е., Кищинский А.А. 1977. Гнездование исландского песочника на Чукотском полуострове // Орнитология. Вып. 13. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 196–197.

Переиздана в Рус. орнитол. журн., 26 (1454): 2313–2315 [2017]. EDN: YOCZJP. В заглавие добавлено латинское название вида *Calidris canutus*.

Флинт В.Е., Кищинский А.А. 1977. Новая находка чернобровой зонотрихии (*Zonotrichia atricapilla* (Gm.) в СССР // Орнитология. Вып. 13. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 197.

Переиздана в Рус. орнитол. журн., 26 (1455): 2334–2335 [2017]. EDN: YOCZLX

Dau C.P., Kistchinski A.A. 1977. Seasonal movements and distribution of the Spectacled Eider // Wildfowl, 28: 65–75.

Sladen W.J.L., Kistchinski A.A. 1977. Some results from circumpolar marking programs on Northern Swan and Snow Geese // Proceedings 13th Congress of Game Biologists. Atlanta, Georgia. P. 498–507.

1978

Галушин В.М., Кищинский А.А., Криницкий В.В. 1978. Международные соглашения по охране перелетных птиц и участие Советского Союза в их осуществлении // Вторая Всесоюзная конференция по миграциям птиц. Тезисы сообщений (Алма-Ата, 8–10 августа 1978 г.). Ч. I. Алма-Ата: Наука КазССР. С. 16–18.

Кищинский А.А. 1978. Длинноносый баклан // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 103–104.

Кищинский А.А. 1978. Кудрявый пеликан // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 67–68.

Кищинский А.А. 1978. Миграции поганок — Podicipediformes // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 37–52.

Кищинский А.А. 1978. Миграции серых цапель, гнездящихся в Калининградской области // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 166–171.

- Кищинский А.А. 1978. Результаты кольцевания серых цапель в Латвийской ССР // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 171–175.
- Кищинский А.А. 1978. Рыжая цапля. Заключение // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 231–232.
- Кищинский А.А. 1978. Серая цапля. Заключение // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 206–211.
- Кищинский А.А. 1978. Серая цапля. Результаты кольцевания в Эстонской ССР // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 175–176.
- Кищинский А.А. 1978. Трофические взаимоотношения птиц и некоторых беспозвоночных в тундровых экосистемах // Журнал общей биологии, 39 (2): 212–226.
- Кищинский А.А. 1978. Уссурийский баклан // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 103.
- Кищинский А.А. 1978. Чернозобая гагара // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 27–37.
- Кищинский А.А., Сапетин Я.В. 1978. Малая белая цапля. Заключение // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 149–150.
- Нанкинов Д.Н., Кищинский А.А. 1978. Миграции малых белых цапель на Балканах // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Гагарообразные — аистообразные. М.: Наука. С. 140–142.

1979

- Кищинский А.А. 1979. Миграции белолобого гуся — *Anser albifrons* (Scop.). Общие заключения // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 142–144.
- Кищинский А.А. 1979. Миграции белошекой казарки — *Branta leucopsis* (Bechst) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 183–188.
- Кищинский А.А. 1979. Миграции гуменника — *Anser fabalis* Latham. Общие заключения // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 160–163.
- Кищинский А.А. 1979. Миграции гуся-белошея — *Philacte canagica* (Sew.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 178–179.
- Кищинский А.А. 1979. Миграции канадской казарки — *Branta canadensis* (L.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 181–182.
- Кищинский А.А. 1979. Миграции лебедя-кликлуна — *Cygnus cygnus cygnus* (L.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 70–75.
- Кищинский А.А. 1979. Миграции лебедя-шипунa — *Cygnus olor* (Gm.). Общие заключения // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 62–70.

- Кищинский А.А. 1979. Миграции огаря — *Tadorna ferruginea* (Pall.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 210–214.
- Кищинский А.А. 1979. Миграции пеганки — *Tadorna tadorna* (L.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 214–228.
- Кищинский А.А. 1979. Миграции тундрового лебедя — *Cygnus bewickii* Yarr. // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 75–79.
- Кищинский А.А. 1979. Пространственные и экологические связи авифауны Северо-Восточной Азии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора биол. наук. М.: Ин-т эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР. 47 с.
- Кищинский А.А. 1979. Птицы и вопрос о берингийском соединении материков // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 84 (1): 5–12.
- Кищинский А.А. 1979. Результаты кольцевания лебедя-шипунa в Польше // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 38–40.
- Кищинский А.А., Вронский Н.В. 1979. Миграции черной казарки — *Branta bernicla* (L.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные — пластинчатоклювые. М.: Наука. С. 188–202.
- Кищинский А.А., Лобков Е.Г. 1979. Пространственные взаимоотношения между подвидами некоторых птиц в берингийской лесотундре // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол., 84 (5): 11–23.
- Кищинский А.А., Флинт В.Е. 1979. К биологии очковой гаги *Somateria fischeri* // Экология и морфология гаг в СССР. М.: Ин-т эволюц. морфологии и экол. животных им. А.Н. Северцова. С. 194–207.

1980

- Кищинский А.А. 1980. Понятие о гипоарктической и зоарктической авифаунах // Экология, география и охрана птиц. Л.: ЗИН АН СССР. С. 121–133.
- Кищинский А.А. 1980. Птицы Корякского нагорья. М.: Наука. 336 с.
- Кищинский А.А., Фомин В.Е., Болд А., Цэвээнмядаг Н. 1980. Проблемы охраны редких видов птиц в Монгольской Народной Республике // Тезисы докладов. Биологические ресурсы МНР, их использование и охрана. Улан-Батор. С. 34–35.
- Флинт В.Е., Кищинский А.А., Томкович П.С. 1980. К биологии размножения большого песочника // Новое в изучении биологии и распространении куликов. М.: Наука. 176–178.
- Переиздана в Рус. орнитол. журн., 32 (2332): 3574–3575 [2023]. В заглавии добавлено латинское название вида *Calidris tenuirostris*.
- Флинт В.Е., Томкович П.С., Кищинский А.А. 1980. Новые данные по распространению и биологии размножения песочника-красношейки // Новое в изучении биологии и распространении куликов. М.: Наука. С. 178–180.

1981

Болд А., Кищинский А.А., Фомин В.Е., Цэвээнмядаг Н. 1981. Проблемы охраны редких видов птиц в МНР //Труды Института Общей и экспериментальной биологии СО РАН. Вып. 16. Улан-Удэ. С. 122–126.

1982

Кищинский А.А. 1982. Белая куропатка — *Lagopus lagopus* (L.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Хищные – журавлеобразные. М.: Наука. С. 196–198.

Кищинский А.А. 1982. Дербник — *Falco columbarius* (L.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Хищные — журавлеобразные. М.: Наука. С. 159–164.

Кищинский А.А. 1982. Зимняк — *Buteo lagopus* (Pontopp.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Хищные — журавлеобразные. М.: Наука. С. 60–72.

Кищинский А.А. 1982. Миграции птиц Северо-Восточной Азии — современное состояние и перспективы исследований // Миграции и экологии птиц Сибири. Новосибирск: Наука. С. 3–17.

Кищинский А.А., Флинт В.Е., Томкович П.С., Сорокин А.Г., Кузнецов Г.А. 1982. Распространение и биология канадского журавля в СССР // Журавли Восточной Азии. Владивосток: ДВНЦ АН СССР. С. 70–75.

Кищинский А.А., Фомин В.Е., Болд А., Цэвээнмядаг Н. 1982. Птицы горного массива Мунк – Хайрхан (МНР) // Биологические ресурсы и природные условия МНР. М., Т. 18. С. 62–81.

Flint V.E., Kiščinskij A.A. 1982. Taxonomische Wechselbeziehungen innerhalb der Gruppe der Prachtttaucher // Beitr. Vögelk, 28 (3/4): 37–49.

1983

Кищинский А.А. 1983. О структуре и динамике областей гнездования птиц на Севере // Труды Зоологического института АН СССР, 116: 47–57.

Переиздана в Рус. орнитол. журн., 22 (838): 107–120 [2013].

Кищинский А.А., Томкович П.С., Флинт В.Е. 1983. Птицы бассейна Канчалана (Чукотский национальный округ) // Распространение и систематика птиц. Труды Зоологического музея МГУ. Т. 21. М.: изд-во Моск. ун-та. С. 3–76.

Флинт В.Е., Кищинский А.А., Бабенко В.Г. 1983. Первые находки кладок каменухи в СССР // Орнитология. Вып. 18. М.: изд-во Моск. ун-та. 183–184.

Рус. орнитол. журн., 27 (1580): 1212–1214 [2018]. EDN: YPKWTG. В заглавие добавлено латинское название вида *Histrionicus histrionicus*.

1985

Кищинский А.А. 1985. Круглоносый плавунчик *Phalaropus lobatus* (L.) // Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Журавлеобразные — ржанкообразные. М.: Наука. С. 140–143.

1988

Кищинский А.А. 1988. Орнитофауна Северо-Востока Азии: История и современное состояние. М.: Наука. 278 с.

Громко и пронзительно кричащий журавль на могиле А.А. Кишинского на Преображенском кладбище в Москве.

Содержание

От составителя <i>Е.Э. Шергалин</i>	4
Благодарности <i>Е.Э. Шергалин</i>	5
Введение. <i>М.В. Калякин</i>	7
Потери науки — памяти Александра Александровича Кищинского <i>В.Е. Флинт, Ю.А. Исаков, В.Е. Фомин</i>	8
История и происхождение семьи	
Отец Александра Александровича Кищинского — Александр Семёнович Кищинский (1900–1938) <i>А.Н. Виленский</i>	25
Мать Александра Александровича Кищинского Наталья Леонидовна Кищинская (в дев. Павлова) (1904–1994) <i>В.Л. Волкова</i>	26
Шура <i>Н.С. Лейтес</i>	51
Письма Саши, написанные маме в разные годы	69
Из дневника старшей сестры Саши — Лидии Александровны Кищинской (1927–1967), лето 1946 года	72
О сестре Лидии Александровне Кищинской <i>В.В. Эйдинова</i>	86
Кищинская Лидия Александровна (1927–1967) <i>С сайта Уральского государственного университета</i>	87
Рассказ племянника А.А. Кищинского, Александра Ниссоновича Виленского, про свою маму, старшую сестру Саши, Лидию Александровну Кищинскую (1927–1967)	90
Студенческая пора	107
Экспедиция и зимовка <i>Е.М. Шевченко</i>	115
Фото из семейного архива	123
Страницы полевых дневников А.А. Кищинского, заполненные в разные годы и в разных регионах СССР	126
Как молоды мы были... (воспоминания о Саше Кищинском) <i>А.Ф. Ковшарь</i>	133
Воспоминания об А.А. Кищинском <i>В.Г. Кривенко</i>	155
Как это было здорово, памятно, но кратко! <i>П.С. Томкович</i>	157
Фотохроника экспедиции на Корякское нагорье 1976 г. в объективе Никиты Викторовича Вронского	176
Александр Александрович Кищинский (1937–1980). Воспоминания о встречах и общении с великим человеком <i>В.А. Остапенко</i>	183
Александр Александрович Кищинский, один из моих друзей, безвременно ушедших, друг и ровесник, который был всегда старше... <i>Ю.С. Равкин</i>	188
Вспоминает Витор Семёнович Жуков (Новосибирск)	193
Из воспоминаний Е.Г. Лобкова об Александре Александровиче Кищинском ...	198
Моё первое знакомство с Александром Александровичем Кищинским <i>В.А. Зубакин</i>	206
Корякское нагорье, 1976 <i>Е.А. Кузнецов</i>	207
Воспоминания о А.А. Кищинском <i>С.Ю. Костин</i>	217
Тёплые воспоминания об изучении птиц Монголии совместно с доктором А.А. Кищинском <i>Н. Цэвээнмядаг</i>	225
Мои встречи с А.А. Кищинским <i>В.Ю. Ильяшенко</i>	231
Вспоминая А.А.Кищинского и совместную экспедицию 1975 года <i>А.В. Постельных</i>	234

Воспоминания об А.А. Кищинском <i>С.Е. Беликов</i>	235
Фотографии с острова Врангеля	240
Сотрудничество А.А. Кищинского с профессором Андреем Григорьевичем Банниковым (1915–1985) <i>Е.Э. Шергалин</i>	241
Переписка А.А. Кищинского с Юрисом Карловичем Липсбергом (Латвия) — из архива Руслана Матрозиса (Рига)	246
Материалы А.А. Кищинского в коллекционном собрании сектора орнитологии Зоологического музея МГУ <i>П.А. Смирнов</i>	249
Материалы А.А. Кищинского в остеологической коллекции птиц Палеонтологического института РАН <i>Н.В. Волкова</i>	255
Кищинскиния (<i>Kischinskina</i>) — древнейшая пищуховая птица Азии <i>Н.В. Волкова</i>	257
Коллекционные сборы А.А. Кищинского в Зоологическом институте РАН <i>В.Г. Высоцкий</i>	259
О двух коллегах и товарищах (учителе и ученике) Александра Александровича Кищинского <i>Е.Э. Шергалин</i>	268
Александр Александрович Кищинский, 1937–1980 В.Е. Флинт	273
История с уникальным бивнем мамонта <i>В.Ю. Ильяшенко, С.В. Винтер</i>	286
Отзывы коллег о Кищинском <i>В.П. Белик, С.М. Смиренский и Е.М. Смиренская</i>	288
О детях и внуках Александра Александровича Кищинского <i>Е.М. Шевченко</i>	290
Мой отец — воспоминания дочери, Юлии Александровны Быстровой (в дев. Кищинской)	294
Воспоминания Валентины Михайловны Нехаенко (сестры жены А.А. Кищинского)	299
О Клубе памяти ушедших друзей <i>Е.М. Шевченко</i>	300
Библиография работ А.А. Кищинского (составлена Е.Э. Шергалиным и дополнена П.С. Томковичем)	306

Кищинский Александр Александрович.
Краткая, но яркая жизнь выдающегося орнитолога

Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2025. 320 с., ил.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Отпечатано в ООО «Галлея-Принт». 111024 Москва, ул. 5-я Кабельная, д. 2Б
Сдано в печать 25.11.2024. Формат 60х90/16. Объём 20 печ.л.
Бум. мелов. Тираж 100 экз.